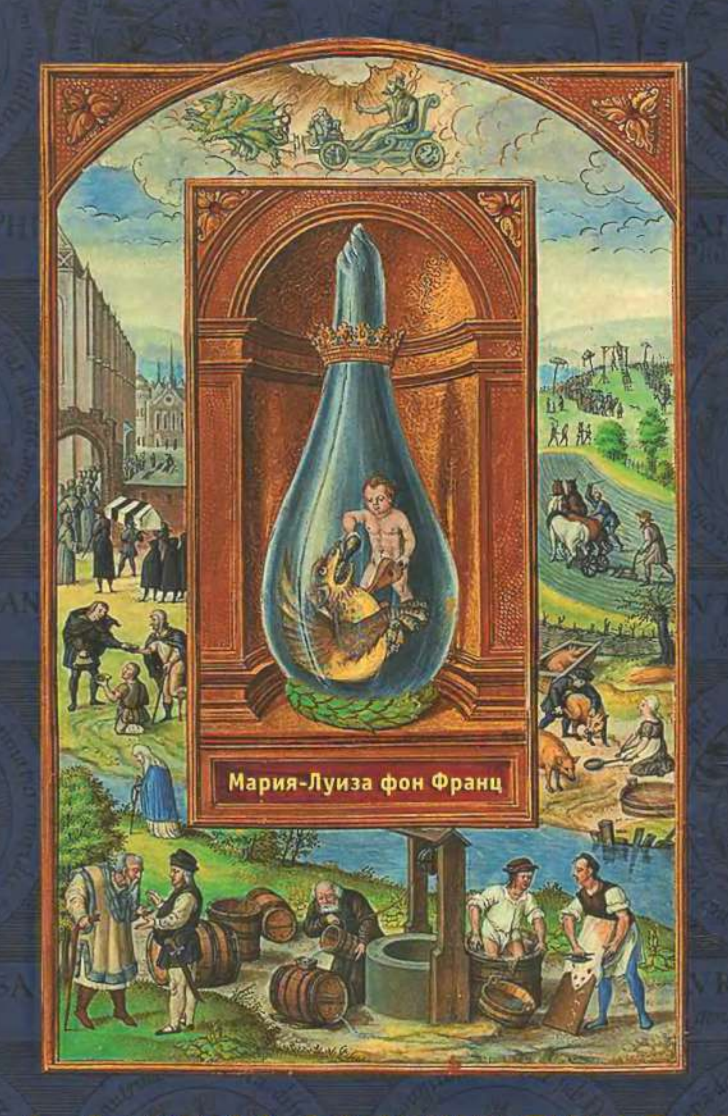

АЛХИМИЧЕСКОЕ АКТИВНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ

Мария-Луиза фон Франц

АЛХИМИЧЕСКОЕ АКТИВНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ

М.: Клуб Касталия. 2016. — 236 с.

Перевод: Яна ЗНАМЕНСКАЯ

Редактор: Владимир ОБЛОМОВ

Компьютерная верстка: Ольга ИВАНОВА

Обложка: Ольга ИВАНОВА

Мария-Луиза фон Франц

АЛХИМИЧЕСКОЕ АКТИВНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ

Москва
2016

Содержание

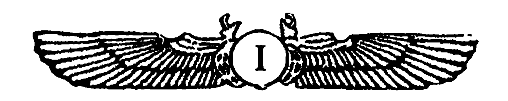
Глава I

ИСТОРИЯ АЛХИМИИ: ИНТРОВЕРТНЫЙ И ЭКСТРАВЕРТНЫЙ ПОДХОДЫ

Генрих Кунрат, «АМФИТЕАТР ВЕЧНОЙ МУДРОСТИ».
Алхимическое искусство состоит из двух равнозначных частей: физической работы с одной стороны и молитвы, медитации, изучения книг с другой. В центре этой гармоничной композиции располагается стол со сложенными на нём музыкальными инструментами. Трудночитаемая надпись на столе гласит: «Священная музыка обращает в бегство тоску и злых духов, ибо в сердце, наполненном святой радостью, поёт дух Иеговы». Но три инструмента означают также и три принципа Великой Работы: соль, серу и ртуть (мудрецов): это гармоничное сочетание — причина того, что алхимию нередко называют искусством музыки.

Прежде чем перейти к основному тексту, мне хотелось бы провести краткий экскурс в историю алхимии с точки зрения психологии. Рождение западной алхимии состоялось приблизительно ко времени рождения Христа. Также существовали определенные зачатки в I веке до Рождества Христова, но их сложно отследить. Таким образом, можно сказать, что алхимия зародилась в I веке н. э., достигла расцвета в Греции и Римской империи во II и III веках, а за этим последовал постепенный закат вплоть до X столетия. В течение этого закатного периода основные греческие тексты были переведены на арабский, и в VII и VIII веках произошел еще один период расцвета в арабских странах, после чего история алхимии развивалась вместе с историей химии, следуя тем же курсом, что физика и математика. Примерно в IX веке нашей эры она была возвращена христианской цивилизации благодаря арабам и евреям в Испании[1] и на Сицилии, а оттуда внедрилась в страны Запада и объединилась со схоластикой и продолжила свое развитие. Ранняя химия — просто история одной из ветвей естественных наук в целом.

---

[1] Juan Vernet, «Die spanisch-arabische Kultur in Orient und Okzident» (Zurich: Artemis Verlag, 1984).

Западная алхимия в узком значении этого слова имела двух прародителей: с одной стороны — это греческая рациональная философия или, можно сказать, натурфилософия (я имею в виду главным образом досократических греческих философов, таких как Эмпедокл, Фалес Милетский и Гераклит), и египетские технологии в сочетании с месопотамской астрологией — с другой. Греческие философы, которые ввели рациональное мышление в свои представления о материи, пространстве и времени, ставили либо очень мало, либо вообще не ставили экспериментов. Их теории строились на определенных наблюдениях, но никогда на основе экспериментов. Для сравнения, в Египте существовали продвинутые магико-химические техники, но в целом египтяне не дали им какого-то развития, ни в философском, ни в теоретическом плане. Эти техники просто использовались в жреческих орденах как магико-химические рецепты, но без теоретической рефлексии. Когда два направления мысли греческой и египетской цивилизации слились, они объединились в весьма плодотворном союзе, ребенком которого стала алхимия. Как вы знаете, все основные понятия из греческой философии остаются в силе в современной физике: понятия материи и пространства, проблема времени, если взять Зенона; понятие энергии, если брать Гераклита; концепция частиц, созданная Левкиппом и Демокритом; концепция близости элементов, идея четырех элементов, которая преобладала вплоть до XVI и XVII веков в западной цивилизации, — все эти понятия были созданы различными досократическими философами.

В Греции впервые был совершен переход от религиозно-мифологических взглядов на существование

мира к философским в том смысле, что основные понятия были философскими, но все еще заполненными, так сказать, мифологической властью, и это явление сильно связано с тем, что мы сейчас назвали бы проекцией. Так, одна из идей, что основные элементы вселенной являются математическими формами, была создана пифагорейцами, использована в различных формах Платоном, а теперь снова имеет большое значение в теории Гейзенберга и квантовой физике. Таким образом, мы имеем четкую линию, проходящую через греческую философию в современную науку, хотя греки никогда не проверяли эти знания на практике.

В Египте химические методы были высоко развиты, но, что важно, они использовались в основном в конкретной области египетской религиозной жизни, связанной с бытием после смерти. Так, например, египтяне жили в жалких хижинах из глины, от которых и следа не осталось. Не сохранилось ни одного частного жилища, только большие здания, пирамиды, храмы и гробницы. Когда Юнг однажды в разговоре с шейхом заметил, как это поразительно, что у египтян не было хороших домов при жизни, но они отдавали все силы к созданию своих могил, араб улыбнулся и ответил: «Ну, почему вы должны быть обеспокоены строительством дома на семьдесят лет своей жизни здесь? Более важно построить дом для жизни вечной!». Для него это было совершенно естественно. Огромная часть энергии египтянина была направлена на посмертную жизнь, и его главной заботой было то, чтобы были выполнены правильные ритуалы, обеспечивающие жизнь вечную. Египетская цивилизация была скорее цивилизацией африканской, нежели

средиземноморской. Египтяне верили, что посредством сохранения тела, трупа, бессмертие души может быть обеспечено техническим, магическим образом и что бессмертие может быть достигнуто путем преобразования тела покойника в космическое божество. С одной стороны, в египетском пантеоне существовало множество богов, но, с другой, они считали, что существует одно божество, которого иногда отождествляют с Атумом, или с Нун, или с богом Ра в отдельных формах, или с космическим Осирисом, которого иногда также называют Ба-душой Вселенной. Существовали его различные названия в зависимости от провинций в Египте, но основная идея состоит в том, что над всем обилием богов египетского пантеона главенствует некий космический дух, бог, являющийся всепроникающим духом Вселенной, который управляет всеми другими богами и может поглотить их. Умерший человек медленно трансформировался в этого бога. Он принимал участие в большом мифологическом процессе, который являлся, так сказать, зеркалом всей космической ситуации, в которой египтянин ощущал свое бытие.

К середине истории древней египетской империи бог Солнца Ра становился все более и более могущественным. Этот феномен соответствует типичному процессу развития сознания. Это было время, когда процветали и сочинительство, и письменность, и измерение, и землемерие, и математика, и все подобные искусства. Впервые за время существования египетской империи были сохранены записи. Здесь имеется совпадение: в то время, когда бог Солнца, который являет собой архетипический принцип сознания, становится доминирующим в цивилизации, идет

резкое увеличение рационального осознания. Но, что естественно, посредством этого возникает раскол, из-за которого мы до сих пор страдаем: а именно, что некоторые аспекты психической жизни человека, определенные настроения и импульсы, которые не соответствуют общественным правилам, должны быть подавлены. Так, у каждого землевладельца возникает соблазн передвинуть рубежный камень немного в сторону под покровом ночи, а потом заявить: «Ну, смотрите! Камень здесь, значит, здесь и граница». Такова древняя борьба за территории, что ведут животные, и она же еще существует внутри нас. Таким образом, можно сказать, что природные инстинктивные правила жизни среди человеческих существ, основанные на импульсах, агрессии, контрагрессии, а затем создание таких отношений, как и у животных, живущих вместе и борющихся за свои территории, — все это подошло к концу, и с этим было отвергнуто много индивидуальной и инстинктивной импульсивности благодаря фиксированным положениям закона и порядка, совпадающим с доминированием солнечного бога Ра.

Можно сказать, что часть примитивной индивидуальности египтян в тот период ушла в бессознательное, а вместе с ней ушел и определенный аспект, затрагивающий восприятие жизни. Этот аспект общественной жизни египтян был сосредоточен в архетипическом образе бога Осириса. Осирис, по контрасту с утверждающим, правящим богом Солнца, был страдающим богом. Он представлял пассивный, страдающий аспект природы и психики. История религий всегда изображала его как бога растительности, однако это не означает растительность в конкретном смысле

слова, но растительность как символ его существа: то, что не движется, что не имеет своей собственной воли, что сильнее всего на земле страдает. Осирис воплощает «подземную» часть египетской общинной жизни. В части природы египтянина, представленной Осирисом, было скрыто истинное осознание его собственной индивидуальности, в отличие от коллективного начала правящего сознания. Так тело было связано с Осирисом и идеей Ба-души.

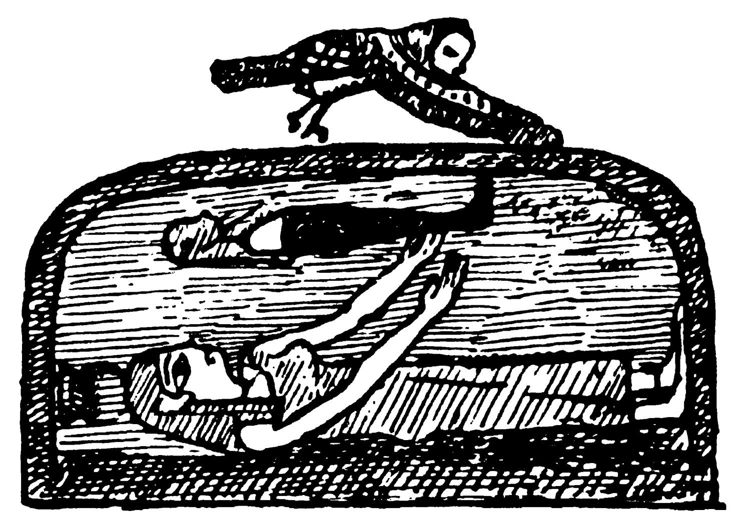
В работе профессора Хельмута Якобсона (Helmuth Jacobsohn), которая представлена на английском в «Timeless Documents of the Soul»[2], вы найдете знаменитого Пресытившегося человека с его Ба-душой, а также множество документов, с помощью которых возможно доказать, что истинная досознательная индивидуальность и индивидуальное самосознание в те времена еще проецировались на Ба-душу. Обычно в Египте Ба представлялась либо звездой, либо птицей. В работе Якобсона вы увидите, что человеку не было известно о Ба-душе при жизни, поскольку как личность он жил в соответствии с египетскими правилами, вплоть до того, что во время посмертного суда он должен был поклясться в списке вещей, которых он *не* совершал. То бишь известное отрицательное признание: «Я не крал, я не нарушал закон, я не приносил в жертву богу...» и т. п. Как указывает Якобсон, это явный перечень вранья, поскольку они

---

[2] H. Jacobsohn, «Das Gesprach eines Lebensm?den mit seinem Ba», in Zeitlose Dokumente der Seele (Zurich: Rasher Verlag, 1952). «English: Timeless Documents of the Soul» (Evanston, 111: Northwestern University Press, 1968).

совершали все это, как и каждый другой, но важна сама идея о том, что ложь богам после смерти, подобно этой, считается не ложью, а защитой: «Я б не посмел посягнуть на общественные правила». Потому что посметь сказать: «Да, я делал это» — будет признанием индивидуальности; это означало бы признание факта, что кто-то нарушил правило, а это было недопустимо. Египтяне настолько тесно отождествляли себя с коллегиальным корпусом господствующей морали и идей, что они не могли признаться в своих индивидуальных греховных импульсах даже самим себе, даже богам.

Как правило, вы встречаете свою Ба-душу после смерти и пребываете в полном неведении о ее существовании раньше. Можно сказать, что она возникает в момент смерти и во время мумификации. Но в документе «Пресытившийся человек» появляется человек, чья Ба-душа вдруг начинает говорить с ним при жизни, в тот момент, когда он собирается покончить с собой. Это приводит к очень известному и трогательному диалогу. Считалось, что подобные встречи с ядром собственной индивидуальности могут происходить только после смерти, ибо Ба-душа бессмертна и индивидуальна, вечный аспект человеческого естества. Поэтому стать единым с Ба-душой означало быть обожествленным и слиться воедино со Вселенной. Египтяне верили, что могут добиться этого с помощью магии, сохраняя тело, и здесь мы находим связь между химией и религией, так как главная химическая процедура мумификации состояла в вымачивании тела в бикарбонате натрия. И сейчас корень латинского слова натрий (*natrium*) n-t-r, что означает «бог». Таким образом, мумификация

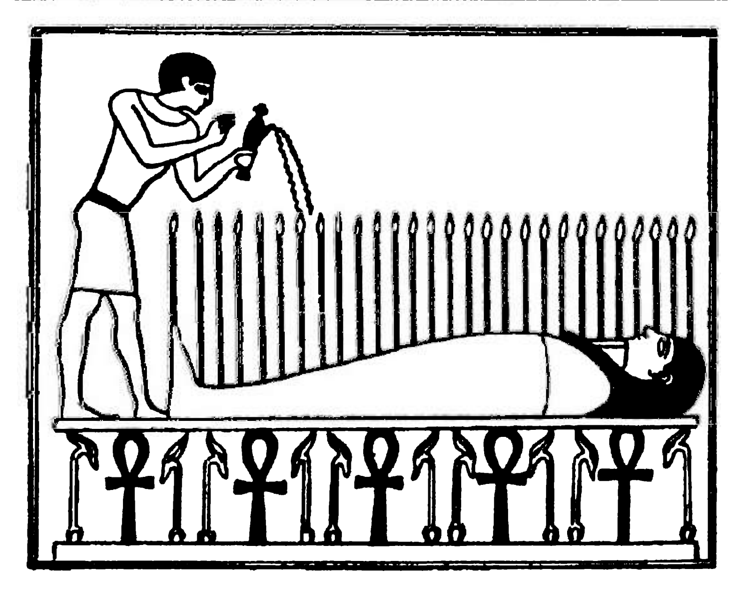
Брак со смертью. Небесная богиня Нут лежит на дне гроба, раскинув руки к мумии. Над ней висит умерший Ба.

по сути — это вымачивание тела в «божественном растворе», божественной субстанции, до тех пор, пока она полностью не впитается в него, сделав вечным. Тела действительно чернеют и затвердевают, и чернота мумий, которых можно увидеть в каждом музее, объясняется действием бикарбоната натрия. Посредством вымачивания тела в божественном растворе оно стало вечным и тождественным космическому божеству. Например, при омывании трупа бальзамировщик говорил: «О [здесь следовало имя], изначальные воды Нун [первичный океан, из которого возникли все боги] наполняют твой гроб. Теперь, когда ты полностью поглощен Нун, ты становишься Атумом, космическим богом [Атум — это дух в Нун, его духовный аспект]. Теперь ты становишься единым с Нун, Теперь ты Атум. Теперь ты поднимаешься

над всеми богами, ты поглощаешь их всех, ты един с ними, они все служат тебе».

Каждый момент в мумификации означал интеграцию божества. Льняные бинты, в которые оборачивалась мумия, представляли богинь Исиду и Нефтиду. Когда тело было таким образом обернуто, это означало, что оно было окутано правой и левой невестой или женой Осириса. В момент смерти умершего называли Осирисом и он идентифицировался с богом Осирисом. Вот почему даже в знаменитом бальзамировочном папирусе в Каире, который доносит до нас технику мумификации трупа, говорится: «О, Осирис Такой-то, теперь твоя невеста Исида и твоя возлюбленная Нефтида пришли к тебе, они охватывают тебя, они держат и хранят тебя в своих объятьях, и ты упокоишься в их объятиях навеки». Затем наносили золото на ногти и говорили: «Теперь золото, принадлежащее Гору, сходящее на твои ногти, делает тебя вечным». Все тело смазывается маслом. Папирус полностью описывает технику процедуры; так он говорит, например, что тело должно быть пропитано маслом, но, когда оно переворачивается на спину, нужно быть осторожным, чтобы голова не запрокинулась назад. Когда тело обмаслено, следует литургия: «О, Осирис Такой-то, теперь масло, привезенное из земли Пунт, теперь мирра, которая привезена из таких-то и таких-то мест, имущество Осириса, имущество бога Уннэфер [титул Осириса]. Гор приходит к тебе, они делают тебя вечным в вечности» и т. п.

Итак, как видите, египтяне своей естественной химической процедурой делали умершего человека вечным, превращая его в Осириса, а также освобождая его Ба. Параллельно с индийскими

Кукурузная мумия. Вновь проросшее из мёртвого тела Осириса зерно.

представлениями о космическом всепроникающем Атмане и индивидуальном атмане в каждом человеке — космическом Пуруше и отдельном пуруше — в Египте Осирис был космическим и индивидуальным началом в каждом человеке. Это преобразование было основано на химических процедурах, применяемых в процессе мумификации. Здесь мы возвращаемся в мир первобытной магии. Африканская магия в наши дни по-прежнему основана на том принципе, что конкретные материальные вещи содержат ману, что делает их божественными. Что есть божественное? Материалы божественны, поэтому, если мы используем какой-либо вид материи, мы используем бога или божество, полное маны, а путем смешивания материалов мы смешиваем

божественные силы, и так производим воздействие с помощью божественной силы, или мы приносим изменения в области божественных сил. Все египетские технологии несли в себе магическое и религиозное начала. Египтяне также переняли от шумеров и вавилонян высокоразвитую технологию сплавки различных металлов, таких как бронза и олово, и это всегда производилось в качестве религиозной церемонии. Так, например, процесс плавки железной руды должен был происходить в определенное время месяца, когда благоволило божество железа. На эту тему есть красивый фильм под названием «Mandara», названный в честь маленькой деревни в горах Конго, который показывает, как плавится железо, а затем один из жителей деревни делает из него копья и другое оружие. Только одна семья на всю деревню имеет такую привилегию. Секреты искусства передаются от отца к сыну, и никто, кроме членов этой семьи, не имеет права выполнять эту работу. Они плавят железо самым примитивным способом, а затем деревенский «кузнец» берется за работу с определенными ритуалами. В это время другие члены деревни должны держаться подальше, не принимать пищу и стучать в барабаны. Как можно видеть, тут нет прямого жертвоприношения, но в Древнем Египте в большинстве из таких традиций животные, зародыши или даже люди приносились в жертву. И снова мы подходим к важнейшей части всей алхимической традиции — связи между алхимией и астрологией. Как я уже говорила ранее, нельзя лить или плавить железо, не дожидаясь благоприятного дня. Эти дни, как правило, определялись звездами: плавка железа происходила, когда Марс,

планета, которая защищает и соответствует этому металлу, находится в благоприятных соединениях. В случае олова в гармонии должен быть Юпитер, а для золота правильным должно быть положение Солнца. С древнейших времен каждая планета связывалась с определенным металлом, поэтому, чтобы их обработка была успешной, необходимо было быть в курсе астрологических тенденций.

Таким образом, вы можете видеть архетипические, архаические корни концепции, которую Юнг обнаружил через свое знакомство с алхимией и которая в настоящее время является большой проблемой в современной науке, — идеи синхронистичности[3]. Существует даже выражение в греческой алхимии, которое можно перевести только синхронистически. Известный алхимик Зосима, чьи видения Юнг комментирует[4], говорит, что есть обычные астрологические-магические превращения металлов на основе суеверий, а есть преобразования металлов *Kairikai*. *Kairikai* происходит от слова *Kairos*, то есть магически благоприятный момент, но не только астрологическом плане. Это похоже на китайскую идею Дао, которого можно достичь только путем чувствования: «Не сегодня, не сейчас, но *сейчас* подходящий момент». Это и есть *Kairos*. И Зосима во всем трактате говорит, что алхимия имеет дело с *Kairikai*-преобразованиями

---

[3] См. C. G. Jung, Collected Works (cw), vol. 8, «The Structure and Dynamics of the Psyche», trans. R. F. C. Hull (Princeton: Princeton University Press, Bollingen Series XX, 1970), chap. 7; cw 13, Alchemical Studies, chap. 3.

[4] C. G. Jung, cw 13, chap. 2.

металлов. Это значит, что с помощью медитации надо всегда выбирать правильный внутренний момент для преобразования материала, а не только рассматривать астрологические созвездия в качестве суеверного ориентира. Так перед нами встает проблема науки и все еще не решенная проблема времени. Время, как вы знаете, является одной из самых больших загадок, с которой наука еще не справились. Но в те времена время отмерялось астрологическими методами, это был самый распространенный способ, и Зосима, истинно мистический интроверт, пытался интернализировать эту концепцию как идею Кайроса, верного внутреннего момента.

Два противоположных полюса человеческой натуры в целом, экстраверсия и интроверсия[5], играют огромную роль как в истории алхимии, так и в истории всех других наук. Греческие теоретики натурфилософии были более интроверты, а египетские технологи — экстраверты, но когда два этих потока встретились, они странным образом пересеклись: греки стали заинтересованы в конкретных материальных, а египтяне — в своих психологических внутренних аспектах. Несмотря на эту эволюцию, внутреннее противостояние и переливы их интровертных и экстравертных позиций продолжились.

Таким образом, с самого начала, всегда были некие химические трактаты, в которых больше внимания стало уделяться конкретным действиям: возьмите этого столько-то; убедитесь, что материал чистый, и смешайте его с тем-то таким-то образом.

[5] Ср.. C. G. Jung, cw 6, «Psychological Types».

Или же там были рисунки, показывающие, как сделать печь и как собрать новые реторты и сосуды. С XVI века эта тенденция возобладала, и в наши дни наука создана в рамках парадигмы одностороннего, экспериментального и экстравертного пути. Если, например, вы читаете «Алхимию» Холмьярда[6], то обнаружите, что он описывает историю алхимии в рамках экстравертного пути и рассказывает вам только об этом.

Можно сказать, что в наше время произошел большой перелом в области естественных наук; экстравертная линия дошла до предела, ее преувеличение привело в тупик, и ведущие ученые в рамках современной физики попытались еще раз взглянуть на субъективный фактор. Все началось с открытия, что нельзя отделить экспериментатора от самого эксперимента, и я думаю, что это неизбежно приведет к осознанию того, что нельзя не только отделить наблюдателя, но и отделить его субъективные установки вообще. Сейчас мы находимся на грани обращения к более интровертному подходу, который оперирует большей осведомленностью о внутреннем состоянии и субъективных и теоретических предпосылках в рамках эксперимента.

Интровертный подход с самого начала представляли такие люди, как Зосима и шиитский мистик X века по имени Мухаммед ибн Умаил, к примеру, если брать арабов, который цитировался в латинских текстах под именем Старший (Senior). Он был шейхом,

---

[6] E. J. Holmyard, «Alchemy» (Harmondsworth (U.K.) and New York: Penguin, 1957).

и «старший» — просто перевод этого титула. Эти алхимики подошли к проблеме с другой стороны, предполагающей, что разгадка тайны, которую они искали, тайны структуры Вселенной, была в них самих, в их собственных телах и в той части их личности, которую мы называем бессознательным, но там, где они видели источник собственного материального бытия.

Они считали, что вместо того, чтобы браться за внешние материалы, можно было бы с тем же успехом заглянуть внутрь себя и получить информацию непосредственно от этой тайны, потому что она есть одно с вами. Так как адепт является частью тайны космического существования, он мог бы, нисколько не проигрывая от этого, наблюдать ее непосредственно. И даже более того, он может спросить материю, таинство которой лежит во всем, о том, что она есть, и ему будет явлен ответ. Вместо того чтобы рассматривать кусок железа как мертвый объект, который будет брошен в сосуд, а затем обработан для того, чтобы посмотреть, что же выйдет, можно было бы, например, взять его и спросить, что он такое, чем он был, что делал, что он чувствует, когда плавится. Так как все эти материалы уже в вас, вы можете связаться с ними непосредственно, напрямую. Таким образом эти алхимики связывались с тем, что мы сейчас называем «коллективное бессознательное», которое ими также предугадывалось в собственных телах. Они связывались с этими силами напрямую через то, что называли медитацией, и, следовательно, большинство из этих интровертных алхимиков всегда подчеркивали тот факт, что человек должен экспериментировать не только с внешними объектами, но и на фазе опуса интроверсии с молитвой

и медитацией, сравнимой с некоторыми видами йоги. С помощью этой медитации творец строил правильную гипотезу или получал информацию о том, что он делает, и о материалах, которые исследует. Или он, например, говорит непосредственно с ртутью или железом, и если вы поговорите с ртутью и железом, то, естественно, бессознательное заполняет пробел с персонификацией. Это вроде того, как Меркурий возникает, чтобы сказать адепту о том, чем он, Меркурий, является, а также рассказать, что душа золота появится для того, чтобы выявить, кем и чем является бог Солнца.

Оглядываясь назад в историю, можно отметить: то, что мы считаем сейчас за две разные вещи, которые мы для ясности стараемся разводить, а именно то, что в рамках юнгианской терминологии мы называем коллективным бессознательным, и то, что в физике мы называем материей, — были в рамках алхимии единым: психикой. Вы уже знаете, что Юнг также был убежден, что они являлись одним и тем же неизвестным, проявляясь отлично для нас в зависимости от того, наблюдаем мы его извне или изнутри. Если вы подходите к вопросу экстравертно и наблюдаете его со стороны, вы называете это материя. Если ваш подход интровертен и вы наблюдаете его изнутри, вы называете это коллективным бессознательным. Эта дуалистичность наблюдается, например, в таких книгах, как «Физические и мистические мнения», известном древнем трактате, приписываемому Демокриту. Под понятием *physika* он имеет в виду рецептуру химии, а под понятием *mystika* — теоретический религиозно-философский аспект, достигаемый путем медитации. Это двойственность существует до пор,

например, в теоретической физике, где есть двойное направление мысли.

Для архаического человека все материалы были и, можно сказать, до сих пор остаются, в конечном счете, неведомыми сущностями в отношении их окончательной сути. Поэтому в ранних греческих трактатах они носят имена, игру слов которых просто невозможно перевести.

Например, сера называется *theion*, что также означает «божественный». Часто упоминается материал, называемый *arsenikon*. «Arsenikon» означает просто «мужской», и, в отличие от *theion*, в старых трактатах невозможно определить, какой материал имеется в виду: это может быть что угодно. Таким образом, переводя старые алхимические трактаты, просто оставляют имя *arsenikon* как мужское вещество, потому что это слово обозначает любое вещество, которое является жарким и которое «атакует любое другое вещество». Так что все кислоты по сути мужчины, потому что они разрушают, они нападают на другие материалы. С другой стороны, серебро — это материал женский и пассивный, потому что оно очень легко атакуемо и разрушимо. Любой горячее вещество, которое имеет тенденцию изменять другие вещества, в химии называли *arsenikon*. В наши дни это слово имеет только одно значение — мышьяк (*arsenic*), но раньше это было не так.

Каждый автор имел в виду некоторые специфические вещества, но мы не можем узнать, какие. Есть даже предложения, которые содержат слово *theion*, божественное, и нельзя сказать, следует ли переводить это как основную божественную тайну вселенной или как серу! Именно поэтому вы не сможете использовать

практически ни один из переводов, и придется учиться греческому и латинскому, чтобы переводить самому.

Из-за присутствия экстравертных тенденций в истории науки современные историки химии всегда переводят *theion* как серу, но существуют контексты, где этот перевод кажется чрезвычайно сомнительным и где можно было бы точно так же сделать его в ином значении божественной таинственной субстанции, тайного Бога внутри материи. Любопытство человека, которое подтолкнуло его к экспериментам с материалами, всегда основывалось на идее, что косвенно он может узнать больше о Боге или божественной тайне, абсолютной загадке бытия. Так же как, глядя на картину или какую-то поделку и размышляя о ней, можно выяснить много нового о ее создателе, по аналогии люди всегда считали, что, разгадывая тайны космоса и бытия, они также становятся ближе к этой таинственной силе, которая создала все это, кем или чем бы она ни являлась.

Этот мифологический архетипический импульс, стоящий за призывом ученых к поиску истины, до сих пор живет в великих ученых наших дней. Абсолютный динамический импульс к тому, чтобы стать антифизиком, основан на желании узнать больше о Боге. Когда во время дискуссии с Нильсом Бором Эйнштейн вдруг в состоянии аффекта воскликнул: «Бог не играет в кости!», он выдал себя с головой. Кроме того, узнав, что принцип четности уже неверен и был разрушен, Паули сразу произнес: «Тогда Бог все-таки левша». Это указывает на одно: ученые — поистине алхимики современности, и их интерес в раскрытии тайны материи до сих пор поддерживается не только материалистическими идеями,

или оппортунизмом, или академическими амбициями, как обычно бывает у людей не очень умных. У действительно же выдающихся и творческих ученых те же мотивы, что и у алхимиков: узнать больше о духе или божественной субстанции или, как это еще называют, о лежащем в основе всего сущего.

Эта позиция по отношению к своей работе была характерна для алхимиков, или по крайней мере для великих алхимиков. Уже в начале III века они испытывали большие трудности в понимании того, что подразумевается в текстах их коллег. Мы не единственные, кто испытывает проблемы с переводом *theion* либо как «сера», либо как «божественный», и *arsenikon* либо как «кислота», либо как «вещество», либо как «мужской динамический аспект материи». Алхимики не могли проконсультироваться со своими коллегами, потому что все они были одинокими экспериментаторами, и основательно запутались. Они употребляли как «экзотерический» (обыденный язык, указывающий на физический аспект веществ и операций), так и «эзотерический» (символический и мистический) языки и таким образом попадали в вавилонскую путаницу, которую они пытались исправить между собою, говоря: «В действительности я хочу сказать, что то-то означает то-то, а вот это не означает этого». К примеру, Зосима из Панополиса говорил, что базовый элемент Вселенной — это таинственная «омега». На экзотерическом, немистическом языке она означает воды океана, но рамках эзотерического языка это огромная тайна, которую знал только гностический автор Никотеос. Воды океана, по словам Фалеса Милетского, это источник происхождения мира, *prima materia*,

основной материал Вселенной, и его внешнее, химическое, банальное проявление — морская вода. Что это действительно означает — по словам Зосимы, гностическая религиозная тайна. Теперь естественным образом мы подошли к ощущению религиозной ситуации массами на момент зарождения алхимии. В целом образованные люди больше слепо не придерживались примитивных греческих религиозных культов, но имели полурелигиозное, полуфилософское мировоззрение, в то время как у простых людей, занимавшихся сельским хозяйством, был астрологический и магический взгляд на вещи. Позже, с разрастанием Римской империи, пришел феномен, называемый синкретизмом. У римлян был умный способ ассимиляции людей в свою империю путем преобразования архетипов. Так, например, если они завоевывали этрусские или кельтские племена, они узнавали, кто является основными богами аборигенов, и ассимилировали их в своих богов. Так как они все принадлежали к индогерманской ветви, все пантеоны были устроены по общей схеме. Основным богом-мужчиной становился Юпитер-Такой-то, а великой богиней — Гера-Юнона или Такая-то. Например, если богом торговли был Кернунн, он становился Меркурием-Кернунном. Так, по всей Франции мы находим храмы, посвященные Меркурию-Кернунну. Это был хитрый трюк, позволяющий избежать религиозных войн и обеспечивающий успешную интеграции в состав Римской империи. Постепенно была создана своего рода синкретическая религия, в рамках которой люди привыкли косвенно думать архетипическими терминами, в том смысле, что они верили в некого

верховного бога-отца, великую богиню-мать, бога ума и т. д. Естественно, что подобная политика Рима чрезмерно сужала и, в конечном счете, уничтожала религиозное мировоззрение людей, но на тот момент она сводила на нет религиозный антагонизм, который мог возникнуть.

Под сенью этих синкретических религиозных толкований те, кто по натуре своей был религиознее, обычно искали что-то более конкретное, затрагивающее не только ум, но и сердце. Эти люди посвящали себя больше определенным тайным культам. Этих культов был прямо-таки широчайший ассортимент: тут и культ Митры, и египетские Исида с Осирисом, и Элевсинские мистерии, которые распространялись все больше и больше, а с ними и символика, и посвящения[7].

Алхимия органично вписывается в сознательную религиозную и философскую картину того времени, и величайшим алхимиком III века является алхимик греко-египетского происхождения Зосима (Мы не знаем, был ли он эллинизированным египтянином или просто греком, жившим в Египте.) Он имел гностическое мировоззрение, но был хорошо знаком и с христианской традицией, которая в те времена не противоречила гностицизму. Хотя простые люди цеплялись за христианство как за единственное спасение, новый свет и прочее добро, некоторые более скептически настроенные интеллектуалы и релятивисты просто считали, что христианство было

---

[7] См. Marie-Louise von Franz, «The Golden Ass of Apuleius» (Boston: Shambhala Publications, 1992).

«приемлемым»; оно начало развитие вместе с гностицизмом и митраизмом (вот почему существуют даже надписи, посвященные Дионису Иисусу или Иисусу Серапису), но никто и допустить не мог, что христианство может быть в полном противоречии с ними. Это были образованные люди, с типичными интеллектуальным релятивизмом, и Зосима был одним из них. Он определял себя как гностика, но свой религиозный энтузиазм он вложил в алхимию, в поиски тайны Бога в материи. И теперь одна из концепций, которые играют величайшую роль в алхимии, — это *prima materia*, базовая или первичная материя, из которой сделано все остальное. Люди чувствовали, что если бы они могли узнать о ней — это и до сих пор актуально в современной физике, — они смогли бы найти основные ключи материального бытия. Если, подобно Юнгу, сравнивать различные понятия, которыми они определяют *prima materia*, вы поймете, насколько эта область исследований[8] очаровывала алхимиков.

Изучая историю алхимии, надо иметь в виду двойственную тенденциию экстравертного и интровертного подходов. Можно представить себе, что алхимики-интроверты, например во времена Зосимы, конечно же, имели большую склонность заинтересоваться тайными культами. Они записывали свои сны и пытались толковать их в качестве источника информации о своей работе. Экстраверты обычно придерживались более распространенных форм мысли. Это продолжалось и когда алхимия прошла через руки арабов и мусульман,

---

[8] Ср. C. G. Jung, cw 12, «Psychology and Alchemy», chap. 4, part III.

разделенных на две конфессии, суннитов и шиитов. В то время как сунниты — ортодоксальные, конформисты, канонично-религиозные люди, шииты более лично и мистически ориентированы и больше полагаются на внутреннее начало, или, как сказали бы мы, на свою собственную индивидуацию.

Интровертно ориентированные алхимики больше контактировали с шиитами, а экстравертные — с суннитами. Великий алхимик Мухаммед ибн Умаил был шиитом, лучший друг его был сожжен как шиитский мученик. Читая «Алхимию» Холмьярда[9], которая выдержана в рамках экстравертного подхода, можно узнать, что в арабской традиции был выдающийся человек, суннит Аль-Рази. Он продвинул химическую науку на большой шаг вперед, развивая то, что Джабир (имам мистической секты исмаилитов) называл «Наука равновесия». Аль-Рази обнаружил, что количество используемых материалов приводит также к качественному различию результатов. С тех пор в грамотных рецептах даны более точные указания, сколько килограммов того вещества должны была быть смешаны с столькими-то фунтами другого вещества, чтобы получить качественное объединение или сплав.

Когда алхимия добралась до Запада, то же разделение повторилось среди монахов и философов-схоластов, заинтересованных алхимией. Экстраверты, подобные Альберту Великому, усваивали больше химическую сторону, в то время как автор «Aurora Consurgens» (им я считаю святого Фому Аквинского) и другие интроверты ассимилировали более

[9] См. выше, прим. 6.

мистические аспекты алхимии, цитируя при этом больше Мухаммеда ибн Умаила. Мистики из средневековых монахов набросились на шиитские тексты и платоновскую традицию в философских аспектах алхимии, в то время как экстраверты пытались ассимилировать информацию, полученную от Аль-Рази, и были больше заинтересованы в строительстве печей либо в грамотных и точных рецептах и их понимании. В довесок к *prima materia*, пространству, времени и энергии частиц, одна из основных концепций алхимии гласила, что можно назвать химическое средство, которое в то время понималось как вызывающее необъяснимое притяжение одних веществ к другим и необъяснимое отталкивание других. Это означало, что химическое вещество было по достоинству оценено в осуществлении определенных комбинаций или объединений — отсюда известная тема *coniunctio*. Интровертная мистическая традиция естественно ассимилировала религиозные и архетипические представления о тайне брака души с Богом или человека с божественной мудростью. В исламе библейская Песнь Песней уже стала одним из величайших алхимических учебников по выражению истории любовного союза в религиозном плане.

Для того чтобы оценить заслуги алхимии и не поддаться современной тенденции обесценивания, нужно учесть, что средневековые алхимики ничего не знали о химии, нужно попытаться представить себе обстановку того времени и ощутить ее. Например, возьмем человека, который с раннего детства задавался вопросом: чем являются вещи на самом деле? Что такое камень? Есть ли у камня душа? В чем его истинная сущность? Он может

попытаться почерпнуть информацию из книг. В Риме и в некоторых других центрах были библиотеки и книжные лавки, но если вы жили несколько в стороне от города, для вас было практически невозможно достать книги по химии, а если же, к счастью, вам повезло добыть хоть одну, вы найдете в ней рецепты типа «Смешайте три фунта божественности с двумя фунтами мышьяка, а затем убедитесь, что звезды нынче в нужном порядке. Затем помолитесь Богу и, очистив дом, будьте терпеливы, и великий союз совершится». Вам придется попотеть, чтобы продраться через этот язык и понять его. Кроме того, переполненные дома и страх пожара вынуждают алхимика строить печь на улице, не забывая и о любопытных инквизиторах. Таким образом, вы должны будете купить участок земли в лесу и строить печь там, а также нанимать слуг, готовых поклясться, что они не скажут никому о вашей деятельности. Вскоре поползут слухи, что вы чернокнижник, вызывающий демонов, и что, если полиция не вмешается, вы можете разрушить всю страну. Таким образом, вы подкупили местную полицию, герцога или какого-нибудь правителя большими деньгам (если они еще остались). Теперь они оставили вас в покое, можно проводить научные эксперименты. Потом вам придется получить *prima materia* и узнать, где взять золото или что вам там нужно для старта. Тогда вы должны были изготовить сосуды: пойти к гончару и заказать сосуды, способные выдержать сильный жар. Такие сосуды, как сегодня, не могли быть произведены в те времена, и люди использовали термосы, которые нагревались денно и нощно с помощью угля или дерева, и пришлось изобретать

технику для вдувания воздуха в огонь, для достижения более высоких температур. Теперь вы должны будете нанять простака, который будет готов не спать ни ночью, ни днем и вдувать воздух в огонь, чтобы получить тепло, и если он отправится хлебнуть пива, весь ваш эксперимент будет сорван, и нужно будет начинать заново.

Я не фантазирую. Вы можете прочитать об этом в алхимических книгах, где говорится: «Смотрите, чтобы ваш огонь никогда не гас... В противном случае можете начинать все заново». Это следует понимать, учитывая двойной смысл написанного, как психологически, так и буквально.

Другая большая опасность, нависшая над каждым алхимиком, была в том, что бедные правители всегда думали: «Если бы я только мог поймать этого человека и заставить его делать золото, чтобы заполнить государственную казну». Алхимиков очень часто похищали и под пытками вынуждали каким-нибудь мистическим или магическим способом делать золото, ну, или фальшивые деньги, чтобы спасти правителя-банкрота. Так, многие трактаты предупреждали: «Ради Бога, держитесь подальше, оставайтесь неизвестными, храните вашу деятельность в тайне, чтобы не попасть в лапы хищных правителей».

Затем, не в последнюю очередь, были и люди, которые делали вид, что являются алхимиками, и вполне сознательно изготовляли фальшивые деньги и золото. Они делали дешевые бронзовые подделки с небольшим количеством краски, как это делают и сейчас. Это объясняет предания о создании имитации золота и фальшивых денег, которые пронизывают всю историю алхимии. Подобное

практиковали мошенники, которые делали вид, что мир ожидал этого от алхимиков, и некоторые из них были достаточно слабыми личностями, чтобы признать, что это было именно то, что мир хочет от них, и они предоставляли нужное и делали себе карьеру. Именно поэтому все истинные ученые, истинные искатели среди алхимиков говорили: «Я не ищу золото черни, я не ищу вульгарное золото. Я ищу высшее золото, настоящее золото».

Кое-кто на самом деле пытался получить настоящее золото, но они хотели открыть в нем, как и в материи, тайну трансформации. Теперь мы знаем, что это возможно: получить золото из других металлов. Мечта алхимиков сбылась в XX веке, но толку от этого мало. Это слишком дорого. Но даже если истинные или настоящие алхимики, как я бы назвала их, пытались это сделать, их мотивацией было то, что они хотели открыть для себя базовый научный принцип. Современная наука подтвердила их интуицию.

Итак, вы видите, насколько невыгодно в психологическом или экономическом плане быть алхимиком. Вы стали бы очень одиноким человеком и на вас смотрели бы как на колдуна или чернокнижника, или, в лучшем случае, даже не заметили бы, если вы прячетесь и работаете по ночам, а в дневное время работаете в иных сферах деятельности. Это действительно была работа в полном подполье. Иногда, однако, как, например, в период правления арабского шейха аль-Мамуна, некоторых других арабских правителей, а затем в Европе настоятели монастырей, высшие епископы, члены церковной иерархии или мирские правители заинтересовывались алхимией и поддерживали серьезных алхимиков в своих исследованиях.

Они не имели интереса заставлять алхимиков делать деньги, сами были страстно заинтересованы, оказывали содействие и помогали другим. Но адепта подстерегали многие другие опасности. Представьте, что вы алхимик. Однажды вечером вы сидите над вашими книгами, пытаясь перевести фразу или понять, что же другой алхимик имел в виду. Потом кто-то стучит в дверь, входит бродяга и говорит: «Я слышал, вы занимаетесь алхимией. Посмотрите, что у меня есть». И он бросает кусок руды, блестящий, словно золото, на ваш стол. Вы спрашиваете, что это такое, и он отвечает, что это нечто очень ценное. Таким образом, вы покупаете это у паренька, но не имеете ни малейшего представления, что это может быть. Вы рассматриваете это и кладете в печь, а когда что-то очень жаркое начинает вытекать из нее, если вы сунете нос немного ближе, вдруг почувствуете себя ужасно нехорошо, упадаете полумертвым и проваляетесь в течение нескольких дней в бреду и отравлении. Когда и если вы выздоровеете, то вернетесь в свою лабораторию, думая, что эта покупка привела к отравлению свинцом. По этому поводу в старинных текстах говорится, что «свинец содержит в себе опасный дух, который делает людей маниакальными или сводит с ума. Остерегайтесь духа свинца в процессе работы». Это не только психологическая истина. Свинец символически связан с Сатурном, духом депрессии. Но зацепка для проекции, что свинец — это дьявол, что в нем сидит дух, вызывающий одержимость, также является конкретным фактом из области химии. Если вернуться в историю, психологический и материальный фактор — это абсолютно одно и то же, и когда вы читаете тексты, нужно понимать их двойственность:

когда вы читаете, что в свинце сидит злой дух, вызывающий одержимость, это также означает, что свинец ядовит. Вот почему, памятуя о быстроте, с которой идет отравление ртутью, говорят, что Меркурий — это злой дух, который может полностью сбить вас с толку. Работая с неизвестными материалами, вы рисковали покрыться сыпью, заболеть или помешаться. Именно поэтому мы и видим в некоторых трактатах «многих, кто погиб, выполняя нашу работу». Опять-таки, это правдиво не только для области психологии. Многие были жертвами своих экспериментов, так как не знали, с чем имеют дело.

Таким образом, вы видите, каково было положение алхимика. Он пребывал в подполье, из личного душевного порыва бился над разгадкой тайны Бога, который создал весь этот чудесный космический мир, настолько озадачивающий нас. Отдавая экспериментированию и кровь, и пот, и деньги, алхимики надеялись выяснить природу различных веществ, и, может быть, в то же время они пытались понять неясный язык собственных сновидений и идти на ощупь в темноте. Естественно, всякий раз, когда мы сталкиваемся с неизвестным, бессознательное воображение проецирует гипотетические архетипические образы.

Так они работали со своими снами и архетипическими, гипотетическими представлениями, чтобы узнать больше об этой загадке.

Те, кто читает «Психологию и алхимию» или «Таинство воссоединения» Юнга и жалуется, что они тяжело написаны, — публика неблагодарная. Видели бы они первоисточники, на которые опирался Юнг в процессе написания этих работ, эту гору навоза,

из которого он извлек крупицы золота, которые можно найти в его книгах. Пришлось бы читать страницу за страницей всякой ерунды или неразберихи, чтобы время от времени натыкаться на осмысленные предложения. И есть только один метод: перебрать гору литературы. В одном тексте вы можете прочитать «*theion*» и не знать, что под этим подразумевается — сера, божественность или что-то третье. В таком случае лучший способ — читать все трактаты, которые можете найти по *theion*, после чего выписывать по порядку: «Такой-то подразумевает под *theion* то-то». Тогда вы получите представление о том, что это примерно означает.

Юнг сделал это. Он собрал самую большую коллекцию алхимических книг во всем мире, так как в то время, когда он увлекся алхимией, еще можно было купить чудесные трактаты за небольшие деньги. После Юнга же стало престижным коллекционировать книги по алхимии. Он собрал все книги, а затем сделал сводный реестр, выписав «сера», «мышьяк» и прочее, и собирал ссылки на них по всей алхимической литературе. Мелким почерком, в основном используя сокращения на латыни, он сложил все эти записи воедино, подобно сводному обзору Библии, где можно сравнить, например, то, что Христос говорил о Софии в Евангелиях от Луки и Марка. Этот же метод ранее применялся древними писателями, которые говорили: «Одна книга открывает другую. Читай много книг и сравнивай их по всем вопросам, и тогда вы получишь истину. Прочитав одну книгу, вы ее не узнаете, можете неверно ее разобрать».

Мне трудно комментировать алхимические тексты, поскольку нельзя сказать или найти что-нибудь

важное, чего бы Юнг еще не говорил. Те тексты, о которых он не упоминает в своих трудах, в большинстве своем ерунда. Я еще не находила каких-либо относящихся к делу или интересных мест в алхимических текстах, из которых Юнг уже не извлек суть. По этой причине я решила в этой работе взять одного из интересных алхимиков и пройтись по его текстам в целом, для того чтобы дать как можно более яркие впечатления от оригинального материала и его контекста.

Я выбрала текст алхимика Герхарда Дорна, который, должно быть, жил во второй половине XVI века. Ни точная дата его рождения, ни дата смерти не известны, но главные его публикации появились между 1565 и 1578 годами. Мы также знаем, что он был врачом общей практики и последователем, страстным учеником и защитником своего учителя Парацельса. Также в некоторой степени он был выдающимся фармакологом, потому что, в отличие от большинства врачей общей практики тех времен, он использовал не только лекарственные препараты растительного происхождения. Одним из его экстравертных вкладов в фармакологию было открытие того, что если определенные лекарства химического происхождение применять очищенными, дистиллированными, это повышает их эффективность.

Дорн был интровертом и очень религиозным человеком, и, если вы читали последние главы «Таинства воссоединения», где Юнг цитирует его и делает замечания по его работе, вы знаете, что он также пробовал практиковать метод активного воображения. Он пытался говорить о том, с чем имеет дело. Я собираюсь рассказать вам об одном из текстов из этой части его работы.

Юнг иногда определяет интровертную психологическую традицию в алхимии как искусство активного воображения с материалом. Мы в целом считаем, что активное воображение — разговор с нашими собственными комплексами, которые мы и пытаемся воплотить в нашем воображении и фантазиях, а затем объясниться с ними, позволяя эго- комплексу или эго общаться с этими внутренними факторами. Как вы знаете, заниматься активным воображением можно и посредством музыкальных импровизаций или живописи, продуцируя ваш бессознательный материал в виде фантастических рисунков, скульптур или танцев. Вы можете позволить бессознательному выражаться самыми различными способами. Вы можете танцевать фантазии или рисовать кистью странные изображения. Так почему бы не спроецировать собственное бессознательное на химические материалы и немного не пофантазировать над ними? Почему бы вместо того, чтобы собирать мозаику собственных фантазий, выражая содержимое бессознательного, не использовать сторонние материалы, смешивая их? Таковым был интровертный аспект алхимии, и естественно, что во время медитации на эти материалы вы можете общаться с ними.

Помню, когда мне было десять лет, я жила за городом и часто играла в одиночестве в маленьком домике в саду, пристройке к курятнику. Однажды в рубрике естествознания в одной молодежной газете я прочитала статью о том, что янтарь когда-то был смолой старых деревьев, смытых в море. Прочитанное как-то повлияло на мое воображение, и я подумала, что хочу создать желто-янтарную жемчужину. Это был пример алхимического мышления, хотя я не имела

ни малейшего представления об алхимии. Тогда я подумала: «Ну, природа создает янтарь путем перекатывания смолы в море, так что мы должны ускорить этот природный процесс». (Это мы видим в каждом алхимическом тексте: «Мы ускоряем природные процессы».) Я не имела ни малейшего представления, как это сделать, и поступила наивно. Я думала, что морская вода состоит из воды с солью и йодом, так что я просто взяла соль с кухни и йод из аптечки моих родителей и смешала их, не заботясь о пропорциях. Далее я собрала смолу с деревьев по соседству, и, естественно, она была полна грязи и коры. Так что я подумала (и это опять была неосознанная алхимия), что, прежде чем смешивать вещества, их надо очистить по отдельности. Морская вода была чистой, но смолу пришлось плавить, а затем пропустить через сито. Пока я плавила ее в стащенную кастрюлю, я испытывала жалость по отношению к ней и беспокоилась, не страдает ли она от боли. Я думала, что, будь на месте смолы живой человек, он давно бился бы в агонии, поэтому я так беспокоилась, действительно ли материя неживая, испытывает ли смола боль, когда я нагреваю ее. Именно из-за этого я и говорила с ней. «Послушай, ты, должно быть, терпишь страшные муки, но потом ты станешь такой красивой желтой янтарной жемчужиной, что это стоит того», — говорила я.

Ну а потом наступил грустный конец эксперимента, как это частенько и бывало с алхимиками. В общем, все это добро загорелось, и я сожгла брови, а родители, таким образом, обо всем узнали и, к сожалению, положили конец моей алхимии. Лишь позже, когда мне было девятнадцать или двадцать и когда я встретила Юнга и он попросил меня искать для него

определенные алхимические тексты, я обнаружила, что делала те же архетипические вещи, которые делались на протяжении всей истории алхимии. Как вы видите, это был один из случаев спонтанного появления архетипических ситуаций, потому что в библиотеке моих родителей на тот момент не было ни одной книги с хоть каким-нибудь намеком на алхимию в ней. Я даже не могла списать подобное знание на криптомнезию. А в начальных классах моей деревенской школы никто и слышать не хотел ни о каких жемчужинах и алхимии. Вы могли бы назвать это проявлением активного, а точнее, в то время пассивного воображения, но воображения, воплощающего фантастическую игру с материалом, не рисование золотой жемчужины, но ее создание. Именно подобное происходило и с теми алхимиками, что были охвачены на внутреннем и внешнем плане архетипом трансформации, с алхимиками, полностью отдавшими себя Великому Искусству.

Видите ли, если обратиться к архетипическим мотивам и архетипическому фону, в мифах и сказках часто бывает, что люди попадают в ловушку[10]. Они входят в замок, и дверь захлопывается за ними, а это всегда означает, что теперь они находятся в Самости. Они достигли той точки психики, когда они больше не могут бежать от себя самих. Они влипли, и эго, которое всегда тешится мыслью избежать того, что оно должно делать, знает, что попало в западню и с этого момента ему придется выполнить требования

[10] См. Marie-Louise von Franz, «Interpretation of Fairy Tales» (Boston: Shambhala Publications, 1996).

Самости, и его не отпустят, пока оно этого не сделает.

Во всех сказках и мифологических сюжетах герой, несмотря ни на что, всегда освобождается, но только после того, как совершит подвиг. Бегство бесполезно, потому что бежать некуда. Есть, например, персидская сказка[11], в которой герой попадает в волшебную баню, вода в которой прибывает и прибывает. Герой держится на плаву, пока силы не начинают покидать его, и, наконец, вода поднимает его до уровня купола над баней. В этот момент он касается круглого камня и благодаря этому спасается. Все исчезает, и он вдруг обнаруживает себя свободным, идущим по пустыне навстречу новым неизвестным испытаниям. В 1926 году Юнг видел сон, о котором рассказывает в «Воспоминаниях, сновидениях, размышлениях»[12]: он ехал в открытой телеге, которую вел мужичок, согласившийся отвезти его в замок XVII века. Ворота замка закрылись за ним. Он знал, что будет заключен в этом замке в течение многих лет. Позже, при изучении алхимических текстов, он понял, что его сон означал, что он будет обречен на изучение и развитие этой отброшенной традиции с нуля.

Шел XVII век, когда алхимия начала погибать. Интровертный подход в алхимии показывает, что это было исследование не только и не столько материи, но и коллективного бессознательного. В этом, по сути,

---

[11] «The Bath Badgerd», in Marie-Louise von Franz, «Individuation in Fairy Tales» (Boston: Shambhala Publications, 1990), pp. 71–149.

[12] C. G. Jung, «Memories, Dreams, Reflections» (New York: Vintage Books, 1989).

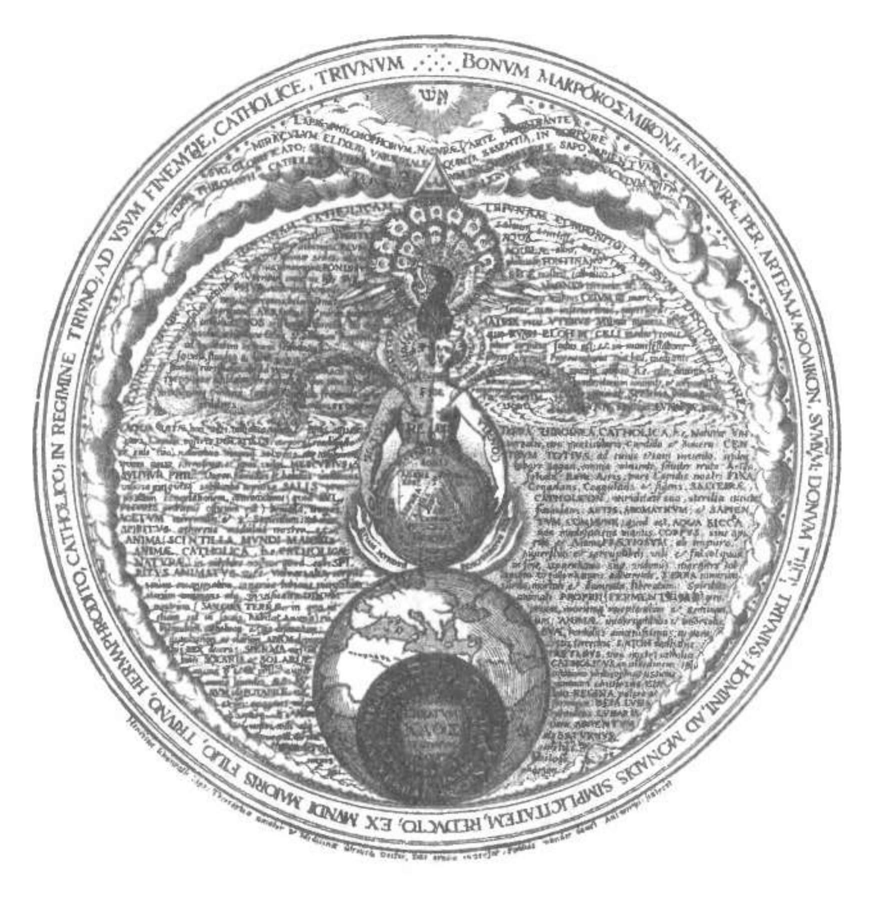
психологическом направлении алхимического символизма мы можем разглядеть то, что мы делаем, когда экспериментируем с неизвестной целью, основой нашего устройства. Многие алхимики спонтанно практиковали то, что Юнг открыл еще до изучения алхимии и называл «активным воображением»[13].

[13] См. Barbara Hannah, «Active Imagination» (Boston: Sigo Press, 1981).

Глава II

БОЖЕСТВЕННЫЕ СИЛЫ В МАТЕРИИ

Генрих Кунрат, «АМФИТЕАТР ВЕЧНОЙ МУДРОСТИ».
Камень мудрецов, их prima materia или Вещество, также зовётся Хаосом мудрецов, поскольку, несмотря на свою отвратительную и бесполезную сторону, содержит в себе Универсальную перво-материю в недифференцированном состоянии — сродни тому, в котором пребывал мир до Творения: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Бытие 1:2). Этот камень зовётся триединым, поскольку составляет единство тела с духом и душой. Он содержит три принципа — ртуть, соль и серу, соответствующие разным состо-яниям: солёному или кристаллическому, летучему или влажному и твёрдому или сухому, — которые материя принимает поочерёдно.

В первой главе я попыталась дать вам краткий исторический очерк происхождения алхимии, ее развития и той роли, которую она играет в целом в нашем историческом контексте. Теперь, прежде чем я перейду конкретному выбранному мною тексту, я хочу затронуть одну проблему, о которой до сих пор почти не упоминала: отношение алхимии к христианству. Вы позже увидите, что этот вопрос играет центральную роль в идеях Герхарда Дорна и в той проблеме, с которой он столкнулся. Я уже отметила, что в арабском мире интерес к алхимии поддерживался больше шиитами, то есть более интровертными и индивидуалистичными мусульманами, и что в еврейской традиции каббалистические и хасидские движения более интересовались алхимией, чем талмудические школы. Точно так же и в христианстве в основном монахи — сначала орденов исцеления, некоторые доминиканцы, а позднее францисканцы — больше интересовались алхимией, когда она вернулась в Западный мир через Испанию и Сицилию. С нею пришли и некоторые неофициальные христианско-герметические течения, обычно объединяемые сейчас под понятием дореформационных течений. Эти течения в основном интересовались третьим лицом Троицы — Святым Духом. Тенденцией этих движений было, даже если официальный орган или же учение церкви были против таких практик, попробовать создать личные отношения со Святым Духом

с помощью снов, внутренних видений и личных откровений. Некоторые из этих течений Святого Духа выжили и сформировали то, что можно было бы назвать левым течением в собственно католической церкви, другие же были из нее исключены, а члены их осуждены и подвергнуты преследованиям. Многие из этих людей показали заинтересованность в алхимических занятиях и идеях. В то время как священнослужители поддерживали интерес к алхимии, эти люди скорее пытались освободить ее от религиозной символики и постепенно позволили ей стал чистой естественной наукой в современном понимании этого слова. Таким образом, в целом наблюдается то, на что Юнг указывает в предисловии к «Психологии и алхимии»: что алхимия никогда не была враждебна к преобладающим религиозным идеям и движениям, а скорее образовывала своего рода дополнительное подводное течение. Естественно, однако, что основные идеи некоторых алхимиков о Боге, о мире и о Святом Духе не соответствовали строго догматическому мировоззрению, но, будучи учеными и практиками, они обычно даже не сознавали этого. Если бы их спросили, они сказали бы с искренней убежденностью, что они верующие христиане или мусульмане: они не знали, что их готовность принять то, что мы сейчас назвали бы прямым вдохновением из коллективного бессознательного, поставила их в опасное положение лицом к лицу с преобладающими религиозными организациями. Таким образом, они оказались в ситуации, подобной ситуации многих мистиков, которые чувствовали, что со своим внутренним опытом они были ближе к самой сути ислама или христианства, а те, кто знал о религии только из книг и думал, что это всё, что возможно, пытались преследовать их как сектантов

и еретиков. Это иллюстрирует тенденцию в официальной христианской доктрине умалять любые личные внутренние религиозные переживания: надо просто верить в исторический образ Иисуса и в догматическую традицию, связанную с ним, а не получать ориентацию в религиозных вопросах из того, что священнослужители назвали бы чисто субъективным фактором. В этом смысле христианство выражает истину души, но во внешней форме, в проекции.

Во введении к «Психологии и алхимии» Юнг пишет:

> «Исключительно религиозная проекция может лишить душу ее ценности, так что из-за полного истощения она станет неспособной к дальнейшему развитию и впадет в бессознательное состояние. В то же время она вводит жертву в заблуждение, будто причина всех несчастий лежит вовне, и люди более не останавливаются, чтобы спросить себя, а где же их собственные деяния. Душа кажется столь незначительной, что рассматривается способной ко злу едва ли не меньше, чем к добру. Но если душа более не играет никакой роли, религиозная жизнь сводится к видимости и формализму. Какова бы ни была картина отношений между Богом и душой, истинно одно: душа не может быть никаким „Только". Напротив, она имеет достоинство сущности, одаренной сознательным отношением к Божественности»[1].

[1] Jung, cw 12, para. 2.

Говоря о важности души, Юнг при этом, естественно, использует слово «душа» в его христианском смысле и не делает различия между эго-сознанием и бессознательным; то, о чем он говорит, это, естественно, та душа, которую мы бы назвали объективной психе, более глубокие слои бессознательного. Юнг затем подходит к еще одной проблеме, той проблеме, которую христианство отказалось решать на определенном этапе своего развития (как это частично есть и до сих пор): любая внутренняя личная жизнь и любая попытка полагаться на свои личные внутренние психологические знания, на все, что объективная душа может сказать человеку. Людей учили, что они должны верить только тому, что утверждает церковь, как будто церковь выражает истину души. Такое распространение продолжается в виде проекции. Другой вопрос, с которым Юнг имеет дело во введении и о котором я хочу вам только напомнить, это проблема зла.

> «Христианство сделало антиномию добра и зла мировой проблемой и, оформив конфликт догматически, возвело ее в абсолютный принцип. Из-за этого еще не решенного конфликта христианин расценивается как поборник добра, соучастник мировой драмы. Понятое в его глубочайшем смысле бытие последователя Христа влечет страдания, которые непереносимы для большинства людей. Следовательно, примеру Христа в действительности можно либо следовать с оговоркой, либо нельзя совсем, и пасторская

практика церкви даже считает себя обязанной „облегчить бремя Христа“»[2].

Иными словами, практически никто не может действительно жить в соответствии с этическими требованиями христианства в практической жизни. И именно благодаря этому можно сказать, что христианство — это чисто патриархальная религия.

Юнг затем переходит к тому, что Троица основана на символике мужского числа три, в то время как алхимия стремится сохранять четверичную точку зрения на Божество, а четыре — женское число. Он завершает этот отрывок так:

> «Следовательно, Троица определенно мужское божество, в результате чего андрогинность Христа и особое положение и почтение, оказываемое Божьей матери, не имеют реального эквивалента. С этим заявлением, которое может поразить читателя как эксцентрическое, мы приходим к одной из центральных аксиом алхимии, высказанной Марией Пророчицей: „Одно становится двумя, а два — тремя, и [благодаря] третьему одно — четвертое“. Как читатель уже видел по названию, эта книга посвящена психологическому значению алхимии и, таким образом, проблеме, которая с незначительными исключениями вызывает далеко ведущий научный поиск. Еще недавно науку интересовала лишь роль, которую

[2] Ibid., p. 25.

алхимия играла в истории химии, ее роль в истории философии и религии затрагивалась очень мало. Важность алхимии в историческом развитии химии очевидна, но ее культурное значение еще так мало известно, что невозможно сказать в нескольких словах, в чем оно состоит. В этом введении, однако, я пытаюсь подчеркнуть религиозные и психологические проблемы, близкие к теме алхимии. Дело в том, что алхимия скорее подобна подводному течению в христианстве, властвующему на поверхности. Для этой поверхности она то же самое, что сон для сознания, и как сон компенсирует конфликты разума, так и алхимия пытается заполнить брешь, образованную христианским напряжением противоположностей. Может быть, самым содержательным выражением этого является аксиома Марии Пророчицы, цитированная выше, проходящая как лейтмотив через весь период существования алхимии, который простирается более чем на семнадцать столетий. В этом афоризме четные числа, которые означают женский принцип, землю, подземное и само зло, вставлены между нечетными числами христианской догмы. Они персонифицированы в *serpens mercurii*, драконе, который сам себя порождает и уничтожает и представляет *prima materia*.

<…>

Исторический сдвиг в мировом сознании в сторону мужского компенсируется в первую очередь хтонической женственностью бессознательного. Действительно, некоторые

дохристианские религии дифференцировали мужской принцип в форме диады „Отец — Сын“, что должно было иметь крайне важное значение для христианства. Если бы бессознательное было просто дополнительным, этот сдвиг сознания сопровождался бы акцентированием на Матери и Дочери, для чего под рукой лежал необходимый материал в мифе о Деметре и Персефоне. Но, как показывает алхимия, бессознательное выбрало скорее тип „Кибела — Аттис“ в форме *prima materia* и *filius macrocosmi*, доказывая этим, что оно не дополнительно, а компенсаторно. Это показывает, что бессознательное совершает акт не просто противоположный сознанию, но изменяет его в манере оппонента или партнера. Тип Сына не вызывает Дочь из глубины „хтонического“ бессознательного как дополняющий образ — он вызывает другого Сына. Этот примечательный факт, по-видимому, связан с инкарнацией в нашу земную человеческую натуру чисто духовного Бога, совершенную Святым Духом, оплодотворившим чрево Пресвятой Девы. Так высшее, духовное, мужское вошло в низкое, земное, женское; и, соответственно, Мать, которая противостояла миру Отца, приспособила себя к мужскому принципу и с помощью человеческого духа (алхимии или „философии“) произвела Сына — не антитезу Христа, но его хтонического двойника, не божественного человека, а мифическое существо, единосущее с природой Праматери. И как задачей „высшего“ Сына

является спасение человека микрокосма, так функцией „нижнего“ сына является *salvator macrocosmi*»[3].

Я процитировала этот отрывок, поскольку здесь ясно сформулировано то, что все алхимики постоянно чувствовали, но как-то не решались сформулировать для себя. Они прожили этот миф, так сказать, но, за очень немногими исключениями, они никогда не понимали совершенно ясно связи того, чем они занимались, с христианством.

Можно сказать, что это противопоставление подводного течения алхимии и официального христианского вероучения было началом того, что мы теперь называем расколом между религией и естествознанием. Как общекультурный лозунг, он сейчас очень подробно обсуждается, и в целом проблема решается с помощью глупых и благовидных фраз и обобщений. Например, многие ученые выполняют свою практическую работу — изучают генетику или что бы там ни было — с чисто материалистической точки зрения, а по воскресеньям они по-прежнему исповедуют в неловком виде свое христианство, но им бы не понравилось слишком близкое сравнение этих двух вещей в рамках их собственной психики. Можно поэтому сказать, что это один из величайших расколов в нашей современной цивилизации, обеспечивающий напряженность между алхимической и христианской символикой. Но алхимики еще могли сдерживать противоположности вместе путем своего слегка

3 Ibid., pp. 25f.

небрежного образа мышления, а также потому, что они находились в выгодном положении, проецируя свои главные озабоченности в материю, так что это не относилось лично к ним — это было то, что происходило в реторте, а не внутри них.

XVII век был тем критическим моментом, когда алхимия раскололась и стала чисто экстравертной естественной наукой. В то же время возникла еще одна проблема, поскольку подводное течение алхимии и слой христианского вероучения несли две совершенно разные тенденции. Постепенно, в том же веке, выяснилось, что алхимия была также религиозной проблемой, и два слоя приблизились друг к другу. Там, где этот факт просто игнорировали и отбрасывали, люди просто мужественно продолжали заниматься тем, что они называли чистой наукой, без дискуссий по поводу Святого Духа и Бога — все *такое* было ерундой и не имело ничего общего с химией, которая была чисто практической наукой. Религия была отложена на дальнюю полку и извлекалась на свет лишь по воскресеньям. Другие, однако, видели или по крайней мере углядывали то, что Юнг вновь открыл, — что алхимия включает большой опыт, принадлежащий области религии[4]. Для этого они просто отбрасывали то, что было в алхимии недогматичным, и ассимилировали это в христианскую сознательную точку зрения, сделав из алхимии род аллегорического нравственного учения.

Ясное изложение таких взглядов можно найти в трудах Иоганна Валентина Андреа, который,

---

[4] Ibid.

вероятно, был пастором в южной Германии и который писал под псевдонимом Христиан Розенкрейц. Он был основателем движения розенкрейцеров. Из основ алхимической символики и традиции он извлек все, что не было в строгом противоречии с христианством, и превратил это в род моралистической, благовидной христианской аллегории, доктрины и символизма. Это можно найти еще более явно в традициях масонов.

Таким образом, алхимия частично впиталась в христианское сознание XVII и XVIII веков и потеряла свою основу как непосредственный опыт. Она превратилась в литературный эстетизм и стала неким разбавленным моралистическим учением, которое все еще можно найти среди масонов.

Даже сейчас в Англии существует целая традиция так называемой алхимической литературы, а также адепты и посвященные алхимии, однако они полностью потеряли связь с экспериментальной химией, а вместе с этим и всю индивидуальную драму настоящего эксперимента с неизвестным, она стала зеркальным изображением некоторых христианских доктрин, хотя изначально масоны были против католической церкви.

Таким образом, традиции алхимии были ассимилированы в новое коллективное сознание и потеряли свою изначальную независимость, что, естественно, было результатом экспериментов с неизвестным. Я упоминаю об этом потому, что Дорн был именно такой человек: он был как раз на грани этого. Он был одним из немногих алхимиков-интровертов конца XVI века, которые поняли, что алхимический символизм и традиции подразумевали религиозную проблему. Таким образом, в отличие от многих других авторов, он «извлек» ее, спросив себя, не было ли то,

что он говорил, языческим или еретическим. Он приложил героические усилия по интеграции своих предыдущих знаний в духе Парацельса в христианские идеи. Естественно, для него тоже не стоял вопрос об отбрасывании христианского мировоззрения, и потому он пытался вписать его в учение Парацельса. Он на самом деле занимался проблемой, которую игнорировал сам Парацельс, учитель, которым он так восхищался. Парацельса не волновали такие глупые детали, он просто сказал: «Я добрый католик», — и спокойно продолжал совершенно языческим образом, но с такой добросовестностью, честностью и *élan vital*, что ему все сошло с рук. Но натура Дорна была более интровертной и рефлексивной, и к тому же он был более систематическим мыслителем, чем, очевидно, дико интуитивный Парацельс. Дорну стало известно, что о материи говорили в некромантии, пиромантии, астрологии и так далее, — а как это вписывается в христианские догмы?

Вы увидите, таким образом, что в работах Дорна существует проблема трех и четырех, на которую Юнг намекает в своем введении. Проблемы женского и телесного были важны для Дорна, и сознательным его планом было, грубо выражаясь, кастрировать алхимию, что позже и сделали масоны и розенкрейцеры, и искусственным образом вписать ее в свое сознательное мировоззрение. Так что в каком-то смысле он был одним из грешников. С другой стороны, он все еще был искренне очарован этой тайной, и как врач и фармаколог он все еще по-настоящему экспериментировал и поэтому не добился достаточного успеха в простом переосмыслении алхимической традиции и перестройке ее, придании ей вида

обычного христианского мировоззрения: он застрял в конфликте, которого так и не решил, хотя и пытался всеми способами. Вы увидите, как он боролся с этим конфликтом и как он пытался найти решение. Кроме того, как практикующий врач, он не мог, как пастор Андреа, полностью игнорировать материальный аспект человека, то есть тело и реальную жизнь.

Ни один общий практик не может игнорировать важность тела или *влияние* физической химии на жизнь человека, не может он также игнорировать все ее изнаночные и недостаточно элегантные аспекты. Даже в то время, как и сегодня, он был втянут в интриги и любовные истории деревни, в которой практиковал, и должен был знать темные стороны жизни, если действительно хотел должным образом общаться с пациентами. Врачу говорят так много лжи и втягивают его в такое множество ситуаций, где он не может предаваться доброжелательным и напыщенным иллюзиям, таким, какие иногда пытаются (себе в ущерб) строить об истинной природе человека священники.

И потому Дорн не был слеп по отношению к темному, хтоническому женскому аспекту алхимии, ибо он боролся с этой проблемой всю свою жизнь и пришел к определенным личным решениям, которые пытался сформировать, но с сознательным преобладанием христианской тенденции.

Потому вы не должны быть шокированы, хотя вам, возможно, будет немного противно, потому что наш текст будет содержать очень ханжеские и благочестивые отрывки, где он дает волю неким воскресным проповедям, что имеет очень мало общего с алхимическим фоном. Однако, если вы

это поймете, вы увидите, что он просто старался придерживаться своих сознательных взглядов и тем самым переживал внутренний конфликт.

Этот человек переживал настоящий религиозный конфликт между христианством с одной стороны и алхимией с другой, в котором он пытался найти свое собственное решение. Я уже упоминала, что о Дорне мы практически ничего не знаем или знаем очень мало. Он был врачом общей практики в южной Германии. Большинство его трудов посвящены герцогам и эрцгерцогам — эрцгерцогам Австрийским и принцу Баденскому, — так что он должен был быть хорошо известен. По-видимому, он расширил свою практику вплоть до придворных кругов. Он редактировал двадцать шесть трактатов Парацельса в латинском переводе и опубликовал их в 1575 году в знаменитым издательстве Перна. Сам Дорн перевел десять из этих трактатов Парацельса с немецкого в 1568–1570 годах. К некоторым из трудов Парацельса[5] Дорн добавил свои комментарии[6].

Дорн всегда вызывал подозрение церкви, потому что было известно, что он балуется астрологией, нумерологией, геомантией, пиромантией (гаданием с помощью огня) и гидромантией (гаданием с помощью чашки с водой). Идея нумерологии состоит в том, чтобы заменить каждую букву имени численным эквивалентом, путем чего, как и в гороскопе, может быть описан характер человека.

---

[5] C. G. Jung, cw 13, chap. 3.

[6] Lynn Thorndikes's «History of Magic and Experimental Science», 6 vols. (New York and London: Columbia University Press, 1923), открывает больше о его возможном источнике.

Геомантия является своего рода астрологией, спроецированной на землю, как следует из названия. Я не хочу вдаваться в это; мы можем подвести итог в целом, сказав, что, как и его учитель Парацельс, Дорн интересовался оккультизмом и всеми оккультными искусствами своего времени.

Теперь я хотела бы начать с работ Дорна. Первая часть его трактата называется «Химическая философия», а подзаголовок во второй части — «Спекулятивная философия». Цитаты у Юнга, как правило, взяты из последней, так как эта работа более интересна. Введение к «Химической философии» довольно скучно и неинтересно, но раз уж я поставила своей задачей познакомить вас со всей работой, я дам краткое изложение и его тоже. Я использую так называемый «Theatrum Chemicum», том 1 (Страсбург, 1679). Существует несколько других изданий (у меня самой есть еще одно, чуть более раннее), но это одно из первых полных изданий. Сначала я постараюсь только дать краткое изложение этой первой части трактата, поскольку то, что Дорн говорит о «химической философии», изложено в очень сложном и помпезном стиле. Потом мы перейдем ко второй части, более интересной.

Автор начинает с определения того, что он понимает под химической философией, и говорит:

> «Алхимическая философия преподает скрытые формы вещей согласно с их истиной, а не с их внешним видом. Доступ к этой алхимической философии двойной, а именно путем мнения и опыта. Путем мнения вы формируете идею того, что должно быть исследовано, а опыт является проверкой первого».

И перспектива выглядит так: химический состав вещей, стекло, например, не является их истинной сутью. Идея Дорна состоит в том, что позади него или в нем находится истинная суть, так сказать, и что химическая философия имеет с этим дело, и доступ к этому удваивается путем формирования мнения и путем опыта.

Можно сказать, что дело до сих пор еще обстоит именно так, учитывая, что есть теоретическая физика, а есть экспериментальная физика. Дорн видит эту двойную перспективу во всех естественных науках. Под «мнением» он подразумевает формирование гипотезы, как сейчас делается, например, в теоретической физике, затем проверяя ее на опыте. И вот вы уже находитесь у истоков современной науки.

Дорн продолжает:

> «Через изучение [под которым он подразумевает только чтение алхимической литературы] человек приобретает знания, через знания — любовь, которая создает преданность; преданность создает повторение, и, производя непрерывное повторение, человек создает в себе опыт, силу и власть, путем которых свершается чудесная работа, и работа в природе именно такого рода».

Здесь странным образом смешаны внешние и внутренние факторы. Сначала, читая книги, человек приобретает алхимические знания, через которые приобретает любовь. Позже можно увидеть, что под этим автор подразумевает некое бессознательное очарование. Любовь означает здесь, что человек

вдруг начинает понимать, каким-то образом становится страстным в поиске истины, так что он может обрести состояние преданности и посвящает всю свою жизнь исследованию. Он повторяет эксперименты и получает — и тут появляется странность — «добродетель» власти, путем которой свершается чудесная работа! Теперь это становится чисто внутренним фактором, что типично для *mixtum compositum*, каковыми всегда являются такие тексты: внезапно автор думает о преобразовании алхимика в себе, если можно так сказать. Любой, кто изучал алхимию в течение многих лет, кто следовал рецептурам и проводил эксперименты с полной преданностью, с любовью и повторением, меняет собственную личность. Он приобретает магическую силу, с которой он преуспеет в создании химических превращений в реторте, чего, например, новичок, смешивающий те же элементы, достичь не смог бы.

Вы видите, что Дорн вдруг переходит к мысли, что алхимия действительно имеет дело с человеческой личностью, а не просто состоит в смешивании веществ в реторте. Последнее тоже возможно, но только если превратить свою собственную личность в магически мощную; тогда вы сможете преобразовывать и внешние материалы.

Это уже давно было традицией в алхимии и было передано западной цивилизации в трудах Авиценны, знаменитого арабского философа Ибн Сины. В одном из своих трудов[7] Ибн Сина утверждает,

---

[7] Avicenna Latinus, «Liber de Philosophia Prima», sive Scientia Divina V-X, trans. S. van Riet (Leiden: E. J. Brill, 1980).

что с помощью дара пророчества и определенных техник экстаза, достигаемого долгими упражнениями в медитации, душа человека приобретает некоторые из божественных свойств, даже способность изменять материальные вещи. Вы видите: когда Бог сказал: «Да будет свет», стал свет, но когда человек говорит то же самое, ничего не происходит. Если, однако, человек, путем религиозных размышлений, может стать настолько близок к Богу внутри себя, что он может, так сказать, получить некоторые из сил, которыми Бог может просто захотеть или пожелать вещи, и они достигают материальной реальности, то душа приобретает некоторую часть такой способности. Именно на этом предположении основаны алхимическая деятельность и трансформация.

Этот момент перешел в западную алхимию, и видно, что Дорн, строго интровертный экспериментатор, выбирает эту нить традиции, которая относится к общей тенденции его времени. Он не единственный человек, кто подписался под такой точкой зрения. Знаменитый Джордано Бруно тоже верил в это и набросал целую теорию, в которой он показал, как человек мог стать магом, волшебником путем внутренних медитативных упражнений. Джордано Бруно сам пытался это сделать, медитируя на определенных структурах-мандалах, которых он нарисовал бесчисленное множество, но рекомендовал одну особенную — сделанную из металлов и химических материалов, которую надо было повесить над своей кроватью и медитировать на нее. Бруно отметил, что если медитировать на эту химически реальную мандалу в течение многих лет, то объединишь собственную внутреннюю личность и сохранишь

Гравюра, иллюстрирующая одно из мнемонических устройств Джордано Бруно. В антрвольтах изображены четыре классических элемента: земля, воздух, огонь и вода

душу от экстравертных отвлечений и диссоциации. Если это было сделано с правильным отношением, с выполнением некоторых упражнений, которые он называл свертываниями (*contractiones*, но по тому, как он описал их, мы сказали бы, что это упражнения в интроверсии), человек становится мощным магом и даже может работать с физической материей.

Естественно, как и все верующие в магию, он был вдохновлен, испытав настоящую синхронистичность событий. То, что мы сейчас называем синхронистичностью, в прошлом всегда интерпретировалось как магическое воздействие, и у Бруно был такой опыт, и он верил в такую возможность. Но хотя Марсилио Фичино и Пико делла Мирандола держались более-менее в стороне от магии, их точки зрения в целом не отличаются. Бруно, гораздо более имевший в себе от наивного гения, по-настоящему реализовал ее на практике. К сожалению, он тем самым также вызвал на себя гонения церкви.

В то время магия была частично признана церковью, и Кампанелла, ученик вышеупомянутых троих, даже был вызван одним из пап выполнить алхимическую, магическую работу. Было обнаружено, что в гороскопе папы приближалось очень несчастливое сочетание звезд, и папа боялся, что в день этого астрологического сочетания звезд его либо убьют, либо он умрет. И потому Кампанелла был приглашен, чтобы провести в маленькой часовне Ватикана некую магическую или химическую процедуру, путем смешивания противоположных элементов, чтобы отразить влияние Сатурна, Марса и всех других отрицательных звезд и таким образом защитить папу, в результате чего он пережил этот день. Вы видите, что в те дни церковь отчасти признавала такие тенденции и даже воплощала их на практике. Но быть таким наивным, как Бруно, двигаться вперед, поддерживать гелиоцентрическую систему и говорить о множестве миров, многих твердях небесных и так далее — это было чересчур, и он увяз в этом.

Мы видим, таким образом, что если Дорн считал, что надо было проводить алхимическую работу вместе

с определенными интровертными медитативными упражнениями, через которые человек пытался влиять на собственный облик и личность, он был в ладу с тенденцией своего времени и был на одном уровне с ведущими духовными лидерами итальянского герметического движения и Возрождения в целом.

Таким образом, человек приобрел достоинство и власть. «Достоинство» не следует понимать в чисто моралистическом смысле; в нем есть оттенок латинского слова *virtus*, что означает «энергетическая эффективность», способность трансформировать вещи, влияние, или даже мана — здесь до сих пор есть аспект маны. В то время корень слова *vir* — мужчина, мужественность — еще воспринимался сознанием.

Затем Дорн продолжает: «Химики называют природой активацию небес с элементами в порождении всех вещей». Это уже яснее. До этого он сказал, что химия занимается формой вещей, а под формой он имел в виду нечто противоположное тому, что мы бы назвали формой, — не внешний объем или облик, но истинную, скрытую сущность вещи, более в аристотелевском смысле слова. «Активация небес», которую упоминает Дорн, соответствует тому, что он называет «формой», как в следующем предложении, где он усиливает значение, которое он дает этому слову.

Эта форма или, скорее, эта скрытая сущность внешнего материального объекта — это то, что небесный свод (Дорн подразумевает под этим словом настоящие астрологические созвездия на небе) создал внутри химического элемента, и это соединение того, что можно было бы назвать мертвой материей, с тем скрытым влиянием элементов и астрологических созвездий, которые вместе создают вещи.

Как я отметила в предыдущей главе, алхимические тексты могут быть поняты лишь с принятием синоптических взглядов: собрать все цитаты вместе, а затем увидеть интуитивно, к чему они подводят. Дорна также можно читать лишь таким способом: всегда нужно иметь в виду, что он подразумевает под «формой», потом посмотреть, где он еще говорит о ней, а затем сравнить тексты. Здесь он описывает форму активации небес в низкой материи. Затем он продолжает ассоциацию, поясняя, что он под этим подразумевает:

> «Форма есть действие области эфира на область элементов. Таким образом, природа готовит материю, включая в нее форму, как сперму в матку, и последняя затем производит, как эмбрионы, различные виды вещей. Материя *может* родить».

Это, конечно, своего рода удар по идее, что материя мертва. Парацельс утверждал, что материя — это живой двойник творящего божества. В этом отношении он был дуалистом, потому что не разделял официальную догму, что Бог сотворил материю так, как это описано в Книге Бытия. Он считал, что материя была нетварной.

Эти философы считали, что в начале, когда Дух Божий носился над бездонной *prima materia*, она уже была там и не была создана. В начале были две вещи: мужской дух-отец и женское существо-матка, хаотичная материя, материя как *increatum*, не тварный, а эквивалентный принцип с самого начала. Это одна из идей Парацельса, которые Дорн разделял,

не замечая, что они были еретическими. Вот почему он говорит с определенным ударением: «Материя *может* родить», — но затем поправляет свои слова:

> «Если форма зародилась в своей матке, весь видимый мир создан таким образом, и он делится на четыре элемента. (Вы можете видеть, что в самом начале творения материи духовное божество, творец мира, рассматривается более или менее в духе христианства, что включает и сперму формы.) Форма — это сперма творчества Бога в мертвой материи в начале, матка, из которой вышло все».

Итак, материя — живая, это женский партнер духовного творца, божества, а не нечто созданное и сформированное в соответствии с Его волей. Это уже содержит намек на то, на что Юнг указывал во введении к «Психологии и алхимии»: что алхимия имела воззрения, в которых женский принцип был признан эквивалентным, не как что-то граничное, едва заметное где-то в стороне, но обладающее тем же достоинством, что и духовный отец бог-создатель. Это был его женский партнер и живой принцип сам по себе. Дорн использовал слово «матка», и активность мужского духовного принципа, которую он называет «действием эфирной области на элементарную область», есть то, что он подразумевает под формой.

Вот вкратце смысл первой главы Дорна, в которой он дает свои основные взгляды на внешнюю реальность природы и философские предпосылки в подходе к своей химической работе. Затем он обращается к опусу, алхимическому деланию.

«Делание выполняется через отчуждение и „влияние“ [кавычки мои]. Первое состоит в том, что природа, разлагая материю, приводит ее в состояние, в котором она способна получить форму. Форма сама по себе состоит во влиянии эфирной области на элементальный мир».

Здесь автор поднимает ту же тему, делая ее более всеобъемлющей. Он думает, что (как это случилось при сотворении мира, описанном в Книге Бытия) Бог как духовное эфирное влияние посеял семя формы в живой принцип материи. В алхимическом делании это нужно повторить. Таким образом, говорит Дорн, грубая материальная вещь должна пройти гниение и разрушение. Если, например, вы хотите преобразовывать металлы, вам сначала нужно растворить железную руду и/или даже расплавить ее, то есть уничтожить ее грубым внешним аспектом, чтобы она вернулась в свое исходное состояние, в котором сможет получать божественное влияние, исходящее из небесных областей и по-прежнему сильное. На разрушенное и растворенное будет влиять астрологическое созвездие, тогда это будет подобно повторению космогонии, и можно снова произвести трансформацию.

Коснувшись этой религиозной проблемы, которая имеет отношение к Божьей власти над материей, Дорн переходит к изложению своих христианских взглядов. Он начинает с объяснения химического мировоззрения, после чего, кажется, говорит себе: «Теперь я должен написать исповедание веры», и добавляет:

«Весь мир получил свою форму от святого *ternarius*, числа три в его порядке и мере,

> потому, что один не есть число, но объединение мира. Число два, с другой стороны, это первое число, которое может быть сочтено, и это источник и зарождение распрей и конфликтов. Через принятие или взятие материальной формы два отрезало себя от первоначального единства и может возвратиться туда лишь через полностью твердое, нерушимое соединение. Поскольку можно только соединять подобное с подобным и поскольку Бог наслаждается только нечетными номерами [вы видите здесь господство мужского, наслаждение Бога нечетными числами — это цитата из Вергилия], *один* объединяет, со своей простотой, *два* в *три* и дает им душу».

Дорн подразумевает, что есть своего рода хаотический исходный *один*, который даже не есть число, это есть одно и целое. Затем из него исходят *два*, и это конфликт. Там он использует немецкое слово *Zwietracht*. *Zwietracht* означает «вражда», но в нем есть слово «два» (*Zwei*), а позже он также привносит слово *Zweifel*, «сомнение», поскольку, когда вы сомневаетесь, то вы есть два. Итак, два является источником всех зол, и это, если вы помните введение Юнга к «Психологии и алхимии», состояние конфликта, перед которым человека поставило христианство: Бог и дьявол, дух и материя, отец и мать и все прочие противоположности. А теперь человеку нужно вновь найти связь, то, что объединяет противоположные части пары, так что они могут вернуться к единству, и это есть три. Можно сказать, что три состоит из того, что объединяет противоположности,

и что в некотором смысле это возвращение единства на более высоком уровне[8].

Теперь вопрос становится щекотливым, потому что тот, кто способен думать, скажет: «Так, а разве это не четыре? Потому что, в конце концов, эти три-в-одном — это не то же, что исходное единство: вот, у вас есть исходные один, два, три, и новая единица, четвертая». Как говорит Мария Пророчица: «Один становится двумя, два становятся тремя, а из трех выходит четвертый». Но Дорн просто пропускает этот вопрос, он пробирается над проблемой, беря три как единство, вечную связь, созданную между противоположными двойками, что каким-то образом есть возврат и идентичность с первой единицей. Так Дорн пытается сохранить свое чисто догматическое христианское мировоззрение.

> «В соответствии с этим в природе также есть три царства: минеральное, растительное и животное [и тут Дорн ссылается на Марсилио Фичино]; соответственно, в области металлов, золото состоит также из трех элементов: серы, *mercurius*, или ртути, и земного солнца [имеется в виду золото]. [Дорн затем продолжает преследовать *ternarius*, структуру из трех, по всей своей вселенной.] ...Таким образом, в алхимии у нас есть три тоже шага: есть черный цвет, нигредо; альбедо, белизна; и рубедо, краснота; [и тут Дорн не может до конца удержаться

[8] Ср. Marie-Louise von Franz, «Number and Time» (Evanston, 111.: Northwestern University Press, 1974).

подальше от четвертого и говорит:] но красный несовершенен, потому что это слишком яркий цвет, поэтому в золото добавлен *citrinitas*, желтый цвет, который является средним между белым и красным. [Итак, вы видите, у нас есть три цвета, к которым желтый добавляется в качестве четвертого.] Золото — это лекарство, чье первоначальное действие было смягчено посредством алхимического искусства, и потому оно может положительно влиять на все остальные земные и материальные вещи. [Мы еще не видим, к чему ведет Дорн, а просто пока следуем за ним.] Золото — это форма, которая отделена от его тела».

Теперь мы возвращаемся к понятию формы. Мы видим, что под словом «золото» Дорн понимает не реальный металл золото; это слово означает нечто божественное, творческое, которое есть везде в материи и которое есть Божье, творческое семя мужского Бога в материи, которое, так сказать, разбросано или рассеяно в каждой материальной вещи. Именно это семя, эта сперма может быть извлечена путем кипячения и разрушения внешней формы большинства химических веществ.

«Золото — это форма, которая была извлечена или вновь отобрана у его внешнего тела, и это нечто столь тонкое, что оказывает влияние на каждый внешний объект, как небесная форма оказывает такое воздействие своей силой единства. Золото и есть то божественное семя, скрытое во всех материалах,

и не только конкретно в металлах, но во всех материальных объектах, и оно может быть извлечено или выделено путем вываривания, и в таком случае, так же как и когда Бог изначально сотворил мир и оказывал на материю творческое воздействие, если вы добываете золото таким способом, у вас есть то, что повторяет творческий труд Бога, в ваших руках есть капелька этого. [Как я уже говорила, Джордано Бруно думал, что можно было получить или украсть что-то от творческой силы Бога.] А с творческой силой, украденной у Бога, можно создавать и преображать вещи.

Золото обладает этим качеством из-за своего единства. [Дорн всегда говорит о форме золота как обладании характеристикой быть этим одним.] Даже растущие вещи [иными словами, растения] могут производить лекарство, которые можно использовать подобным образом [это означает, что Дорн думает, что можно начать с любого внешнего материала, чтобы создать это мистическое золото, которое является своего рода тонким телом]. Теперь я хочу перейти [говорит Дорн] к практике химии и оставить оккультное учение, и дать правило, дать определенные инструкции о том, как на практике построить печь, в которой дистиллировать вещества».

Дорн предлагает построить алхимическую печь. Они четырехъярусные и образуют своего рода трехмерную мандалу. Дорн считает свое описание совершенно конкретным. Он также дает определенные

правила, как разводить огонь в этих печах и как создать стеклянные реторты.

После объяснения, как строить этот термос или алхимическую печь, которая, несмотря на свой внешний вид, в соответствии с текстом состоит из четырех ярусов, Дорн далее говорит, что огонь всегда должен гореть медленно и сохраняться на низком уровне. Очень многие алхимики даже не использовали огонь, но поддерживали теплую температуру в своих термосах с помощью конского навоза. Эта процедура нагревания с помощью ферментации навоза взята из сельского хозяйства (горячий слой).

> «Опус, делание [говорит Дорн] состоит из двух основных этапов: сначала приходит раствор, растворение тела, а потом — коагуляция, или конденсация духа [под которым, как мы можем догадаться, он подразумевает открытие тела небесному влиянию путем плавления или испарения его и разрушения того, что мы назвали бы грубым внешним видом], после чего появляется скрытое золото, которое должно быть коагулировано в новое тело, и это будет золото. Как вы помните, золото — это форма, отделенная от тела. Эти три простые операции похожи на извлечение квинтэссенции вина».

Теперь он сравнивает процесс уничтожения внешнего и грубого аспекта материи и извлечения истинной формы с созданием алкоголя, с извлечением спирта из виноградного сока, получением его квинтэссенции — поскольку считалось, что алкоголь

содержит конденсированную сущность природы вина. Итак, говорит он, так же, как вы можете сделать вино из виноградного сока, вы можете подобным образом перегонять все другие тела. Таким образом, для Дорна весь процесс алхимии — это параллель подготовки конденсированного алкоголя, который, как я уже говорила, имеет определенную фармакологическую ценность. Дорну первому пришла в голову мысль, что если лекарства дистиллировать вместо того, чтобы применять в грубой форме, они были бы гораздо более эффективны. Это по-прежнему понимается в абсолютно химическом смысле, а не только психологически. Только когда речь заходит о влиянии формы золота, тогда лишь Дорн говорит, что это делается *символически*. (Имейте это виду. Не размышляйте, что бы это могло быть, потому что это не то, что мы могли бы подумать.)

> «Как только это мистическое, эффективное, существенное нечто извлечено из материи, другая материя может быть магически преображена, поскольку на нее оказывается влияние через символизацию. Так вы получаете троекратное лекарство, которое исцеляет все внешнее в человеке. Человек в основном сам по себе есть идеальная микстура. Если есть какое-то глубокое нарушение, это вина не формы, того внутреннего золота, но материи».

Здесь есть еще одна ассоциация, а именно — что золотая форма, объединенная с веществом, обычно создает идеального человека, состоящего из сбалансированной смеси всех сущностей, и, если оно содержит

дефект, это связано с материей. Почему это так, вы увидите позже.

Теперь мы подошли к третьей части первой химической философии Дорна, в которой он пытается привести свои примеры того, что он объяснил здесь на теоретическом или философском языке. Неким косноязычным образом алхимики пытались объяснить необъяснимое, и для выражения этого они использовали сравнение. Это то, что Паули имел в виду, когда внезапно воскликнул: «О, значит, Бог все-таки левша», — что было символическим или мифологическим способом выразить то, что означал для него принцип асимметрии. Таким образом, вы видите, что даже современные физики выражают то, что они имеют в виду, путем сравнения. Таким же образом Дорн выражает через сравнение то, что он подразумевает под разрушением грубой внешней материальной формы и привнесением внутренней духовной формы, которая есть золото, и говорит, что с ней нужно сделать.

> «Мы даем то, что имеет малую ценность, и то, что ценно, в пропорции 1 к 6, дракону, который несет Эскулапов посох; затем весьма беспокойный и нервный дракон успокаивается и засыпает, после чего над ним возникают два источника, два истока белой и зеленой воды, они текут над ним и поглощают его. Когда наступает лето и жара, то вода, в которой утонул дракон, испаряется, и его труп остается лежать на дне моря. Когда же его бросают в огонь, он возвращается к жизни, расправляет крылья, которые до того потерял, и улетает. Но в огне

остается ребенок, зачатый в результате поглощения дешевой драгоценности. Поскольку этот ребенок, этот зародыш родился в огне, он может питаться как саламандра, пока не вырастет. Тогда он становится красным, цвета крови, и его нужно омыть в воде, которой повезло больше, чем той, в которой утонул дракон. *Вам* нужно омыть мать, окуная ее в воду, чтобы больные могли быть излечены. [Здесь Дорн вдруг переходит к больным, чьи тела становятся бледными, их душа отделяется от крови, процесс, который захватывает все тело.] Если кто-то принимает эту душу, которая теперь стала здоровой и освобожденной простотой своей силы от всех недостатков — и лишь философы будут знать это, — то эта душа есть самое полное лекарство и самая простая вещь. В теле человека не осталось ничего испорченного; душа вернула к жизни все больное и преобразовала его в умеренное равновесие. Душа (или лекарство) умеряет все, что лишено меры, и своей собственной внутренней простотой она создает мир между смертными врагами и возвращает их обратно в жизнь по Божьей воле. Это даже возвращает к жизни трупы и возвращает здоровье их больным телам.

Это попытка показать, что есть делание и что означает: „мы даем дешевую и драгоценную пищу дракону, кадуцею“ (посоху Гермеса или Эскулапа). Химически это будет означать, что мы используем мистическое золото, форму золота, и бросаем его в Меркурий в отношении

> 1 к 6. То есть мы повторяем творение мира: мы берем эту мистическую творческую силу Бога и противостоим ей материальной реальностью человека или даем этой силе проникать внутрь нее».

Позже мы увидим, что то, что подразумевается под материальной реальностью человека, является, с одной стороны, нашей собственной проекцией на реальность (или на то, что нам нравится рассматривать как реальность), но, с другой стороны, также имеет отношение к человеческому телу. Что бы это значило?

То, что Дорн называет творческой силой Бога, или золотом, на нашем юнгианском психологическом языке будет называться активной эманацией, активным психологическим динамизмом архетипа Самости. Встраивание ее в тело реальности на нашем языке означает, что мы должны наблюдать деятельность Самости внутри себя и попытаться сделать ее влияющей на нашу реальную жизнь. Если, например, я видела сон, что я должна сделать что-то (поскольку наша гипотеза состоит в том, что сны, так сказать, есть послания от Самости), это было бы деятельностью архетипа Самости, и отдать это дракону на съедение будет означать, что я делаю это справедливым для тела моей настоящей физической жизни. Правильно интерпретировав свой сон, я решу, делать ли то или это, с утра и до вечера, в соответствии с этим сном. Это действительно тело и моя реальная жизнь в моем окружении, то, что я «скармливаю» тому, что можно было бы назвать моей реальностью. Тогда дракон, который до сих пор был беспокойным и нервным, успокаивается и засыпает.

У Дорна, как мы позже увидим, была идея, что наша простая природа наделена неким видом экстравертного, диссоциированного, импульсивного беспокойства. В первобытном человеке всегда есть что-то обезьянье: люди не могут даже сидеть спокойно, они крутятся и чешутся. Любой, кто занимался восточной медитацией, знает, как трудно просто сидеть спокойно в течение получаса: сначала вы не можете сделать этого, ни на пятках, ни в позе лотоса. Наши жизнеспособность постоянно побуждает нас сделать что-то, и если мы перестанем делать это, нечто внутри нас продолжает. Попробуйте один раз не думать ни о чем, даже полсекунды. Вы не сможете! Вы будете говорить с собой, думать о своих проблемах или о том, что вы должны сделать, и так далее. Это постоянное автономное беспокойство жизни, которую мы ведем, и нашей силы воли недостаточно, чтобы позволить простой внутренней жизни преодолеть эту автономную живость.

С помощью Самости, однако, это становится возможным. Наши опыт согласуется с тем, что думает Дорн: опыт Самости выражен как глубинная душа, которая затронута динамическим аспектом образа Божия. Это то, что успокаивает и дает мир такого рода обезьяноподобной диссоциированной деятельности наших тела и ума, и затем вдруг из глубины выходят два источника воды и создают поток, который покрывает все морской водой, потопляя дракона. Современным психологическим языком мы бы сказали, что благодаря медитативной концентрации и интроверсии начинает течь бессознательное. Источники жизни во сне, объективной психе, вновь начинают течь, в отличие от мерцающего беспокойства нашего сознательного ума, и успокаивают его.

Через некоторое время приходит летняя жара, что означает, что если вы делаете это достаточно долго, через некоторое время что-то изменится. Если вы жили в течение длительного времени в полной интроверсии, концентрируясь только на своем бессознательном, то этот поток бессознательной жизни *в фантазиях и мечтах* начинает отступать, снижаться. Как говорится в тексте, вы найдете на дне моря труп дракона, который, когда встретится с огнем, вновь оживает, опять обретая свои крылья, и вновь улетает. В каком-то смысле это только его возвращение к своему прежнему образу жизни, и вы скажете: «Да, ну и что?». Какое-то время вы медитировали, концентрировались и ощущали ваше бессознательное, а теперь возвращаетесь к прежнему образу жизни, — но это не совсем так. Как говорит Дорн, на дне моря, где сейчас преобладает огонь, остался ребенок, зачатый внесением золотой спермы. Хотя дракон улетает, ребенок остается. Это будет означать, что из этого постоянного повторения (как говорит Дорн) и преданной концентрации на внутренней жизни души внутри человека рождается нечто — относительно постоянная реализация Самости.

Как вы все знаете, ощущение Самости в начале анализа — это обычно редкий и краткий миг душевного подъема. Однажды, после борьбы со своими страданиями, случается так, что чувствуешь себя внутренне спокойным, соединенным с *собственным внутренним центром*. В китайских понятиях человек находится в Дао и счастлив; он чувствует: «Теперь я понимаю, что это все значит, и теперь это у меня есть», но через две минуты дьявол снова побеждает, и это все снова теряется. Однако ребенок выражал

Михаэль Майер, «Atalanta fugiens».
Эмблема XXIX. Ut Salamandra vivit igne sic lapis
«Камень живёт в огне, подобно саламандре». Иероглиф огня, саламандра, символизирует одновременно Серу и Тайное пламя.

бы собой то, что этот внутренний опыт стал постоянно присутствовать внутри, даже если дракон вновь улетает, то есть обычный человек начинает снова свои бессмысленные мысли и действия, но, несмотря на это, внутри, так сказать, на дне души, есть теперь другая сущность, которая есть постоянная персонификация и реализация Самости.

Этот ребенок родился в огне, из концентрации либидо на внутреннем мире, он питался огнем,

как саламандра, а вырастая, он стал красным, цвета крови. Я не хочу интерпретировать это, потому что мы позже сами поймем, что это значит. Внутренний опыт стал постоянным и внутренне созрел. Теперь нужно омыть его еще раз, но на этот раз водами, которые счастливее, чем те, в которых была омыта мать. Теперь мать на самом деле есть дракон, так что это будет означать, что дракон был убит или утонул в водах бессознательного, в то время как сейчас создание вод, бессознательного (которое я бы интерпретировала как поток внутренней фантазийной жизни), не убивает ребенка, но наоборот, дает питательный эффект. В этот момент Дорн перескакивает на другую тему, о больных людях и о возвращении к жизни.

Не нужно забывать, что Дорн поначалу не собирался искать этого внутреннего ребенка, или форму золота, или прикосновение к творческой силе Бога ради собственного внутреннего блаженства или спасения (хотя он упоминает также и об этом), но он был страстным врачом, который на самом деле искал методы лечения своих пациентов. Потому во второй раз вода начинает течь: это его внутренний опыт, который теперь он может дать другим, особенно умственно и физически больным людям вокруг себя.

Дорн затем драматично описал, как, когда эта вода касается других больных, они становятся бледными и их души отделяются от крови, потому что именно душа делает все здоровым. Пройдя через медитативную работу над драконом (который был бессознательным человека) и через смерть и внутреннее воскресение, Дорн замечает влияние на окружающих больных: сначала они бледнеют, а затем их души

покидают свои тела. Это хороший способ выразить, что они убиты!

Существует, таким образом, своего рода инфекционное влияние на других, так что они тоже становятся убиты этим лекарством души, но благодаря этому процессу душа становится здоровой и может также вернуться в свое исходное состояние. Таким образом, когда душа возвращается в тело, это как лекарство, которое не оставляет ничего гнилого в человеческом теле, но исцеляет всех больных посредством умеренности или баланса. Как и многие врачи общей практики — и совершенно справедливо, даже в наше время, и я целиком это поддерживаю, — Дорн считал, что сбалансированный образ жизни — это лучший способ сохранения физического здоровья. Не спать слишком много, не есть слишком мало или слишком много, делать достаточное количество упражнений и так далее. Это банальность, но это также и очень справедливо, поскольку, когда люди физически заболевают, болезнь, как правило, вызвана жизнью без внутренней сбалансированности в течение многих лет: либо перееданием, либо отсутствием упражнений, либо недостаточным сном; затем в один прекрасный день природа предъявляет счет. Дорн, будучи практиком, знал об этом.

Его золотое лекарство вылечит души людей. Мы назвали бы это психологическим исцелением через вхождение в контакт с Самостью, или с процессом индивидуации. В то же время метод Дорна сохраняет тело здоровым и излечивает его, потому что побуждает человека вести умеренный образ жизни. Это лекарство также устанавливает мир между врагами и возвращает жизнь полумертвым и здоровье мертвым телам.

Дорн делает вывод, говоря: «Это лекарство, которое я сейчас упоминаю, этот ребенок, или эта форма золота, в действительности есть воскресение Святого Духа». Таким образом он соединяется с христианским мировоззрением.

Глава III

ПРОБЛЕМА ТЕЛА И ИСКУПЛЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ ТЕНИ

Генрих Кунрат, «АМФИТЕАТР ВЕЧНОЙ МУДРОСТИ».
Сизигия или союз макрокосмического единства с микрокосмическим триединством. Здесь в символической форме изображён весь процесс получения философского камня. Оно в точности повторяет сотворение мира, появление людей, мужчины и женщины, и печальную историю их грехопадения. Примером служит великолепный и совершенный Брак, тайный плод которого уподобляется Божественному Логосу, спасителю человечества, зачатому Святым Духом и Благословенной девой. Как и Христос, божественный камень проходит через распятие, спускается в ад, воскресает и торжественно возносится в небеса в новом, преображённом теле.

Дорн объяснил, как дракон был вначале утоплен в двух источниках — белой и зеленой воды. Тепло заставляет воду испаряться, поэтому дракон лежит мертвый на земле. Затем он возрождается огнем, вновь получает свои крылья и улетает, оставляя ребенка, который был зачат благодаря драгоценной вещи, с которой дракон объединился в водах. Так ребенок живет и растет в огне, как саламандра; впоследствии ребенка нужно омыть еще раз в еще лучшей воде.

После этого в тексте странный перескок к тому, что тела больных становятся бледными и люди умирают, но оживают и воскресают с помощью лекарства.

Мы попытаемся перевести это на язык нашей современной мифологии, то есть на психологический язык. Начнем с того, как Дорн говорит, что то, что дешево и драгоценно, дается дракону в отношении 1 к 6, после чего беспокойный дракон засыпает. Сначала давайте посмотрим, как сам Дорн усиливает тему: для Дорна беспокойный дракон — это тело, а для нас это скорее что-то вроде физического человека, экстравертный аспект мужчины или женщины, который живет в конкретном физическом мире и следит только за этим. Под тем же, что дешево и драгоценно, Дорн подразумевает то, что мы бы назвали Самостью, но поскольку этого психологического понятия в то время не существовало,

он описывает ее как внутренний божественный центр психе. Таким образом, это будет означать, что божественный центр психе, Самость, сталкивается или объединяется с беспокойной экстравертной личностью, которая сосредоточена на внешних физических вещах, в результате чего эта часть личности (иными словами, дракон) затем тонет в бессознательном.

Именно так происходит с нами. Когда люди приходят на анализ, они, как правило, долго рассказывают о своих бедах: о браке, о профессии и так далее. Обычно они говорят, что пришли на анализ по таким-то и таким-то причинам, и, как правило, причины основаны на том, как сознание видит ситуацию, и на виде ловушки, в которую пациенты считают себя пойманными. Очень немногие говорят, что у них внутренняя проблема, и даже если это внутренняя проблема, они описывают ее более как «беспокойного дракона». Когда они приходят к пониманию, что решение можно найти в своей собственной психе, а не в аналитике или в чем-то другом внешнем, волнение уменьшается и беспокойный дракон умиротворяется.

Сначала человек принимает ситуацию, как описано выше, но затем говорит: теперь нужно посмотреть, что скажет моя собственная психика. Этим человек принужден перестать беспокоиться и сказать: «Что ж, теперь я столкнулся с неизвестным, и остается только ждать». Затем поднимаются воды бессознательного. Это будет поток бессознательных фантазий, ночью в виде сна, а днем в виде мечтаний, и на этом сосредоточена вся аналитическая работа. В этом смысле все, кто начинает анализ, тонут в своей собственной творческой внутренней активности. Таким образом, мы сознательно прекращаем беспокоиться о внешних

Михаэль Майер, «ATALANTA FUGIENS».
Эмблема L. Draco mulierem, et haec illum interimit, simulque sanguine perfunduntur. «Дракон убивает женщину, а та убивает его, и они вместе пропитываются кровью». Огненный дракон (сера философов) соединяется с женщиной (ртутью мудрецов).

проблемах и их решении и, так сказать, помещаем все в реторту. Естественно, через некоторое время вода немного высыхает, что означает, что было найдено какое-то внутреннее решение. Затем проявляется естественная тенденция к возвращению к внешним контактам и внешней жизни.

Анализ — это временное, искусственное состояние полной интроверсии, которое не длится вечно. Кроме того, вода подсыхает — например, уменьшается материал снов, — а потом естественным образом либидо

возвращается в определенной степени к внешнему миру. Здесь большая опасность в том, что люди могут просто переключиться назад, в свой прежний образ жизни, забыв все про горячую ванну, принятую ими в анализе, и все становится как прежде. В какой-то степени эта опасность всегда существует. Но, как заметил Дорн, когда анализ проходит надлежащим образом, такого рода рецидивов не бывает: что-то драгоценное занимает место во внутренней концепции, которую Дорн сравнивает с внутренним ребенком. В снах, как многие из вас знают, эта концепция часто представляется как ребенок, а Самость представляется как форма обновления. Единство и целостность личности потенциально существуют позади комплекса эго, это его родитель. Но поскольку мы понимаем Самость через сознательное усилие, концентрируясь на наших снах, она становится частью нашей сознательной личности; в этой форме она подобна внутреннему ребенку, который теперь, как саламандра, питается огнем эмоций и продолжает расти. Осознание важности и деятельности Самости все больше и больше увеличивается. То, что Самость привлекает жизнь из огня, означает, что она привлекает все больше и больше либидо.

Юнг часто говорил, что при анализе один из важных моментов, за которыми следует наблюдать, — это видеть, насколько большая часть личности слушает. Некоторые люди очень сильно сотрудничают со своим эго при анализе, предоставляя свой материал и делая большие усилия. Но другие части личности не слушают и продолжают работать полностью автономно, как если бы они никогда не слышали о психологии. Проблема состоит в том, чтобы подключить все эти части к процессу, а это занимает весьма и весьма

долгое время. Может случиться, что даже после десяти лет сосредоточения на процессе человеку снятся люди, которые ведут себя так, будто они никогда не слышали о юнгианской психологии. Итак, если вы спросите себя: «А где же я сделал это?», вы можете сделать самые удивительные открытия. Я заметила, например, что я годами принимала решения о налоге на прибыль и денежных проблемах просто на основе здравого смысла. Мне никогда не приходило в голову связать их с моими внутренними проблемами. Я думала, что это были внешние вопросы, которые должны решаться с помощью здравого смысла, и таким предубеждением я просто оставила какую-то часть моих взаимоотношений с реальностью за пределами анализа. Вот как вы можете поймать себя на бессознательных предубеждениях, говоря: то или другое не имеет ничего общего с внутренним человеком, это лишь практическая или логическая проблема, а для логики не нужно спрашивать бессознательное, для этого используют свой собственный компьютер.

Но если этот ребенок растет и становится красным, принимая цвет крови, это будет означать, что реализация Самости включает в себя и понимает все больше и больше из жизни личности, привлекая все больше и больше либидо, пока не появится единая внутренняя личность, которая пронизывает всю деятельность сознательного человека. На этом этапе нужно добавить больше воды к созревшему внутреннему содержанию, очевидно, для поддержки того, что произойдет потом, потому что тогда приходит эта странная мысль: что внезапно красная саламандра-ребенок начинает излечивать больных, она становится своего рода панацеей. В других текстах алхимики говорят о стадии,

на которой, после того как сделаешь в реторте красного царя, необходимо открыть реторту. Тогда начнется процесс, который в классической алхимии, как правило, называют умножением, — множественное внешнее воздействие.

Можно рассмотреть его наивно и буквально: от личности, реально прошедшей индивидуацию, исходит эффект влияния на других людей, вызывая в них тот же процесс. Можно приписать это положительному, заразному влиянию личности, которая стала более сознательной, чем средняя толпа: это невольно стимулирует других людей, и чем это менее осознанно, тем более эффективно. Таким образом другие люди втянуты в исцеляющий процесс.

На более высоком, символическом уровне это означало бы, что... и вот тут я застреваю, потому что как только хочешь поговорить о синхронистичности, оказывается, что нет языка, на котором это можно сделать: все наши европейские языки причинно-следственны. Я хотела сказать, что эффективность Самости возрастает благодаря синхронистичности, но эффективность — слово из языка причинности. Может быть, можно сказать, что архетип Самости попадает во все более и более вдохновленное или активированное состояние, в соответствии с которым вне и вокруг него происходят все больше и больше синхронистических явлений, которые относятся к нему. Некий вид опыта занимает место единства Самости с тем, что человек в целом, в течение всей жизни, понимает как космос или весь внешний мир. Я наблюдала такой конкретный факт, например, наблюдая за Юнгом: чем старше он становился, тем больше он получал информации, нужной ему для того, о чем он

думал или над чем работал; она просто «преследовала» его. Однажды, когда он занимался конкретной проблемой, врач общей практики из Австралии отправил ему полный набор материалов, которые он мог бы использовать, и послание прибыло по почте именно тогда, когда он сказал: «Теперь мне нужны некоторые наблюдения по этой теме». Это выглядело так, будто коллективное бессознательное сотрудничало с ним даже в Австралии!

Можно было бы сказать, что такого рода совпадения — это опыт расширения архетипа Самости. Скорее, мы все более и более осознаем, насколько мы едины со всем человечеством и даже с природой, и начинаем читать все это, как иероглифы рукописи, которая указывает на один фактор.

Но здесь Дорн, будучи врачом, очевидно, больше озабочен лечением больных, как был бы озабочен этим знахарь или шаман. Как ни странно, его лекарство не сразу лечит больных, но сначала убивает их, после чего они излечиваются. Это означает, что высшее сознание личности поначалу оказывает очень тревожащее, если не разрушительное, воздействие на других. Именно поэтому широкая общественность ненавидит психологию и пытается блокировать ее всевозможными редуктивными предрассудками в духе «ничего, кроме». Лежащая в основе этого неосознанная мысль состоит в том, что если человек вникнет глубже в психологию, то придется отказаться от своего теперешнего мировоззрения, мыслей и занятий. Люди чувствуют угрозу, и в каком-то смысле они правы, они находятся под угрозой, потому что если они войдут в контакт со своей собственной глубиной, их прежние рамки жизни рухнут. Таким образом, в таком виде

лекарство в первую очередь оказывает разрушительное действие на прежние рамки рационального сознания личности.

Каждый знает, что он или она должны быть утоплены и лежать, как труп, на дне под зелеными и белыми водами, перед тем как возродиться, но этот эффект идет дальше и, в конечном счете, лечит человека. Текст гласит: «Оно создает мир между смертельными врагами и возвращает жизнь и здоровье больному телу», явно имея в виду объединение противоположностей, умиротворяющее внутренние конфликты.

Следующий фрагмент я цитировала ранее, в нем Дорн указывает, что не следует искать то, что нам нужно, вовне, потому что все это есть у нас или даже внутри нас, хотя это приходит не от нас[1]. Это означает, что это есть в нас — как мы сказали бы, в нашем бессознательном, — но не приходит от нас: это сделало не эго. Если мы думаем, что это делает эго, мы готовы для психбольницы. После Дорн продолжает говорить о простоте природы. Все, что мы до сих пор сказали, есть лишь повторение первой части работы, которая называется «Спекулятивная философия» или «Семь степеней делания». Там есть введение, которое я не цитирую в деталях, где Дорн указывает на то, что он говорит о чем-то физическом и чем-то этическом или моральном, *physica et moralia*. Чтобы предотвратить мысль, что это чисто материалистическая химия или что это, например, чисто этическая проповедь в смысле оставления за рамками природы или физического аспекта, он говорит:

---

[1] Ibid.

«Я не учу вас, как делать золото ради денег, но как найти самое простое лекарство, средство, которым вы сможете вылечить больные металлы тела метафизическими металлами, и как найти физический философский камень, с которым метафизические металлы преобразуют больные металлы тела в идеальные *eleuseria metalla*, в идеальные элевсианские металлы».

Здесь Дорн использует выражение Парацельса, который соединил два слова: *Eleusis* (Элевсинские мистерии) и *Elisium*, другое название рая в древности. Таким образом, слово означает элевсианские, элизианские, райские металлы. Если вы поищете, что такое элевсианские металлы у Парацельса, вы увидите, что это относится к идее веществ тела, восстанавливаемых до исходного состояния, до той формы, которая была у них при их создании. Бог изначально создал космос в безупречной и полной форме, и только из-за грехопадения Адама и появления греха, из-за вмешательства дьявола, в мир пришли болезнь и смерть. Таким образом, физический аспект человека действительно искупается восстановлением его к своему первоначальному состоянию, конкретному физическому состоянию, которое было у него до грехопадения.

Дорн продолжает:

«Спекулятивная философия [название этого раздела] является добровольным отвлечением[2]. К телу прежде всего необходимо

---

[2] «Distractio» не означает дистракции, безумия в нашем смысле

хорошо относится, вести умеренную жизнь. Не есть слишком много, достаточно спать, гулять и так далее, и хорошо питаться. Затем надо искусственно и добровольно отделиться от ума, *mens*. Тело желает того, что испорчено, но оно не может желать ничего без помощи души, ибо душа — это то, чем движется тело».

Душа — трудное слово, и я не знаю, как перевести его: может быть, было бы правильно придерживаться слова *anima*, но тогда его могут спутать с юнговской идеей анимы. Дорн использует слово *anima* на латыни и думает о ней как о женщине, а тело он называет *corpus*. В человеке есть также третья составляющая, которую он называет *animus* или *spiritus*, и это сила воли, чтобы делать правильные вещи.

Прежде чем двинуться дальше по тексту, я должна попытаться объяснить, что он имеет в виду. Сначала нужно прочитать весь текст, чтобы увидеть, как он использует эти слова. Под телом он наивно понимает то же, что и мы (так же наивно) обычно называем телом, но позже вы увидите, что он также подразумевает под этим эндосоматический опыт тела. Например, далее он цитирует диалог, ссору между *animus* и телом, в котором тело высказывает свое мнение о жизни. Тело, которое описывает Дорн, нужно рассматривать как его собственное тело,

---

слова, хотя этот смысл подразумевается; на самом деле это означает произвольное отрывание хорошо структурированного ума от тела, так что тело, а не ум, может лучше искать истину. Ум уже знает истину, но у тела с этим проблемы.

у другого человека оно может весьма отличаться. «Тело-персона» Дорна — это чистый рационалист, который любит есть и пить, совершенно трезвый реалист, который говорит: «Я верю только в то, что вижу своими глазами, а все остальное идеалистический мусор фантазий». Кроме того, оно страстный экстраверт, оно верит только в то, что можно было бы назвать внешними фактами. Сам же Дорн — интровертный мыслительно-интуитивный тип, очень идеалистическая личность. То, что он называет телом, мы сейчас скорее назвали бы тенью: он проецирует тень на тело. Для него тень пребывает внутри, и она и есть тело. Но он весьма наивно воспринимает ее как свое собственное тело и говорит, что телу, возможно, нравится совершать зло, но оно не могло бы творить зла, если бы не двигалось: ведь труп не совершает никаких грехов. Так и тело не может сделать что-нибудь злое или плохое без поддержки или одушевления *anima*, а *anima* Дорн понимает как жизненный принцип, оживляющий тело.

Anima, говорит он, не является ни хорошей, ни плохой. Она нейтральна, это сила или импульс жизни. Дорн даже указывает, что у всех животных есть *anima*, и это даже подразумевает понимание, что *anima* — именно то, что движет кого-то по моделям поведения, желаний и хотений. Он рассматривает ее как пассивную и женскую; это, например, чувственные восприятия человека и его реакции на чувственные восприятия. Эта *anima*, нравственно нейтральная, не хорошая и не плохая, стоит между телом и *animus*. *Animus* для него ближе к тому, что мы сейчас назвали бы эго-комплексом, но, по его описанию, это именно то, что дает толчок, это центр силы воли в том, что мы

рассматриваем как эго, и он предполагает, что *animus* в жизни всегда благонамерен.

Так что теперь у вас есть эти три элемента: во-первых, *animus*, эго-намерение личности, а также воля; затем *anima*, которая пассивна. (Дорн, разумеется, говорит лишь о мужской психологии, потому что он пришел ко всем этим понятиям, наблюдая себя.) *Anima* — это то, что движет тело, она движет его и получает ощущения. В-третьих, есть тело, которое я уже описала. Так вот, первая идея Дорна в том, что эти три составляющих несколько хаотично перемешаны. Все они более или менее присутствуют в жизни, и иногда одна или другая берет руководство на себя. Может случиться, что *animus* берет на себя руководство и приказывает человеку сделать то, о чем тело и *anima* просто не хотят слышать.

Теперь вы должны взять меч и полностью разрубить их надвое. Вам нужно развести этих супругов (*anima* и тело) и заставить *anima* стать единым с *animus*; и когда они стали одним, тогда Дорн называет их *mens*, ум. Это *distractio*, разделение на части. Вы изолируете тело, так сказать, от того, чтобы оно было частью двух других явлений, и вы говорите *anima*, что она должна сделать выбор, что она не должна заигрывать с этими двумя, но должна выбрать и быть полностью на одной стороне. Дорн иногда называет этот жестокий акт *distractio* или описывает его обычным термином алхимии, *separatio*, означающим разделение, разрезание. У тела есть естественная тенденция портиться и делать плохое, и именно поэтому *animus* имеет естественную тенденцию к доброй воле, в этическом смысле слова, и к желанию следовать тому, что в этих культурных

традициях будет соответствовать религиозным заповедям христианства, как в них верил Дорн.

Anima находится между добром и злом, это просто дыхание жизни, и это транспортное средство или орган *animus*, или духа, так же как тело является органом души. Но если *anima* начинает склоняться больше к *animus*, чем к телу, они в объединении производят новый центр личности — *mens*, или, как я назвала его, ум. Однако для Дорна это слово не имеет того значения, которое придаем ему мы. Дорн также называет его внутренним человеком, или *internus homo*, человек, который полностью повернут внутрь или полностью сосредоточен на внутреннем. Если человеку не удается выстроить внутреннего человека, тогда он остается экстериоризированным человеком и бездной тьмы. Мы бы сказали, что любой, кто не сможет произвести это *distractio*, остается в бессознательном.

> «*Animus* находит удовольствие в трех вещах: в *ratio*, *intellectus* и *memoria*. (Примите во внимание тот факт, что мы имеем дело с текстом XVII века. Мы, следовательно, не можем применить наши, современные ассоциации.) *Ratio* предлагает интеллекту мысленный образ, который он вручает памяти, которая держит его в тайной сокровищнице. Исходный *ratio* — это знание вечного, нетленного порядка *mens*, который Бог получил в подарок от себя самого. Интеллект — это орган, которым мы усваиваем *ratio*, который мы затем передаем памяти. Существует своего рода окончательный порядок космоса, который есть также и внутри нас как окончательный порядок, который

мы бы назвали Самостью. Порядок космоса и Порядок Самости — это одно и то же. Благодаря *ratio* мы получаем его мысленный образ».

В переводе на современный психологический язык мы бы назвали этот порядок Самостью, что означало бы возможность прихода к творческой гипотезе, глядя на внутренний или внешний порядок в природе. Мы смотрим на упорядоченность в природе, которая дает нам сначала размышление, творческую мысль об этом. Затем также становится ясным *intellectus*, представляя понимание и интерпретацию этой творческой гипотезы. Подумайте, например, о том, как современный ученый смотрит на порядок в природе или наблюдает некий природный факт: благодаря своей творческой фантазии, через свое *ratio*, он получает образ того, как это может быть объяснено, после чего его *intellectus*, его мышление, его способность переварить, интегрировать мыслительные гипотезы, будет хранить это в памяти и ассимилировать с другими фактами. Таково определение Дорна. Это то, чем страстно занят *animus*, сознательное эго.

Снова мы видим, как Дорн наивно проецирует свой мыслительно-интуитивный тип. Потому он считает, что сознание свободно, страстно и исключительно с благими намерениями изучает внутренний и внешний порядок вещей и пытается понять их. Это справедливо для него, это его форма сознания.

Он продолжает:

«*Anima* состоит из движений тела и чувственных восприятий, это у нас общее с животными. ...Только очень немногие

[я пропускаю часть текста, потому что здесь он становится довольно экспансивным] были в состоянии сделать это первое объединение *animus* и *anima*, и еще меньшее число добилось успеха в следующем соединении, в объединении *animus-anima* в *mens*, чтобы следить за здоровьем организма. Такие люди не признают доброй воли *animus* и не находят *mens*, единство сознательной личности, и они в конечном счете сходят с ума. Поэтому сначала нужно объединить *animus* и *anima*, и если это было принято телом, то из этих трех можно сделать гармоничное единство, но только если сначала произвести *distractio* или *separatio*. Одно сначала одиноко, и если оно останется одно, оно никогда ни с чем не объединится. Но если оно объединено с чем-то еще, необходимо сначала отделить другое от этого одного, потому что иначе оно не будет одно, но когда части исходного единства *symbolizant* [он использует здесь странный и необычный латинский глагол] из одного, тогда они могут снова объединиться».

Идея в том, что все эти три составляющих на самом деле изначально находятся в своего рода бессознательном единстве, которое сначала должно быть разделено надвое, именно этим *separatio*. Необходимо разделить это первоначальное единство, проанализировать его и дать его элементам осознать друг друга. Затем у этих частей происходит символическое соединение, но они не могут обращаться друг к другу напрямую. Вы увидите позже, что Дорн имеет

под этим в виду. Сейчас же я расскажу вам о чудесной дискуссии между *mens* и телом, где тело честно силится понять *mens*, но не может, и *mens* называет тело дураком, что не есть весьма достойное психологическое лечение тела. И таким образом они только проходят рядом друг с другом. В конце оба говорят, что, похоже, изъясняются на совершенно разных языках и просто не понимают друг друга. А потом начинается «символизация»: когда говорят на таких разных языках, можно общаться только с помощью символов. Сначала тело не может понять символы и постоянно требует остановиться, прекратить этот символический способ разговора и быть конкретным, потому что оно этого не понимает. Но через некоторое время оно начинает понимать символизацию, а затем они могут воссоединиться в новом единстве.

> «Вот почему сначала нужно разделение или отделение, *distractio*, *mens* от тела, чтобы позже могло быть достигнуто единство. Многие называют это *distractio* добровольной смертью, достигаемой объединением *animus* и *anima* и тем, чтобы заставить их покорить тело, которое должно быть принуждено отказаться от своей раздражительности, своего возбуждения и своего постоянного беспокойства о мирском, а также от отсутствия умеренности в своих желаниях. Это оказывает влияние на волю. Последней начинают нравиться эти изменения, и она становится лекарством.
>
> Затем тело снизойдет и присоединится к празднеству. [Интересно, что тело добровольно снизойдет, немного ворча, как вы

увидите, но он — я использую слово „он“, потому что тело, которое говорит, идентифицирует себя как мужчина, — все же снизойдет и присоединится к празднеству.] Подобно тому, как дикие звери становятся свирепыми, когда слишком много едят, и у них вырастает раковая опухоль, когда они не очищают свои тела от лишних соков через экскременты, через дефекацию, так же и философское лекарство должно очистить наш организм от всего, что излишне и что испорчено, а затем оно сможет вылечить тело».

Теперь вы уже начинаете понимать, а дальше станет еще яснее. На первый взгляд все это не сильно отличается от любой христианской этической программы. Если вы обратитесь к некоторым средневековым текстам о духовном воспитании монаха, таким как «Exercitia Spiritualia» святого Игнатия Лойолы, вы увидите, что в уставах некоторых орденов есть пункты о преодолении желаний тела. Дорн действительно имеет в виду аскетические упражнения, и понятно, что это та же старая история. Но есть очень существенная разница: в интроверсии монаха и медитативных упражнениях, направленных к христианскому одухотворению, тело полностью отбрасывается как зло и не снисходит позднее, чтобы присоединиться к празднеству. Монах не имеет намерения, чтобы оно делало это; чем скорее он умрет, тем лучше, и если ты умрешь в монастыре от туберкулеза в возрасте тридцати лет, есть больше шансов, что тебя назовут святым, чем если ты станешь старым и несчастным.

Святой Хуан де ла Крус даже сказал, что тот, кто действительно серьезно принял подражание Христу, не должен жить дольше сорока лет, потому что сам Христос умер в тридцать три. Итак, вы видите, что идея *distractio* или *separatio* в христианской программе является абсолютно явной и определенной. Тело есть зло и принадлежит дьяволу, князю мира сего, и вы можете только смирять его, уничтожать, заставлять голодать и бросить его собакам — что также означает, конечно, отсечение тени; как вы видели, тело действительно составляет то, что мы сейчас назвали бы проекцией тени.

С учетом этой точки зрения Дорн очень отличается, ибо, хотя он разделяет предрассудки и враждебность по отношению к тени и к тому, что он называет телом земного человека, он понимает этот образовательный трюк подчинения его с помощью аскетизма лишь как нечто временное — так сказать, подчинение его, — что составляет огромное различие. Поэтому, хотя Дорн излишне подчеркивает дух и в его сознании есть слегка моралистическая тенденция, он — настоящий алхимик. Он считает, что искупление личности в христианском понимании не относится к человеку в целом и что даже земной и физический человек может принять в нем участие, и к этому может присоединиться вся природа. Человеку не нужно сначала отрезать низкую часть своей личности и затем делать что-то прекрасное с оставшейся высшей частью. Он продолжает: «Таким образом, тогда, когда тело снисходит к присоединению, все вместе приходит в гармонию и умеренность, и тогда в нашем организме есть эфирная субстанция, бальзамическая субстанция, которая также сохраняет его в здоровой форме».

Здесь это не просто вопрос одухотворения и отбрасывания земного человека. Дорн даже считает, что его трансформация имеет соматический исцеляющий эффект и что эта внутренняя метаморфоза также даст физической личности долгую и здоровую жизнь. Здесь он предвосхищает то, за что борется сейчас наша психосоматическая медицина: идею, что большинство болезней имеют соматический и психический аспект и что при лечении психических нарушений может быть улучшен соматический аспект заболевания; так что нужно попытаться вылечить болезнь с обеих сторон. У Дорна та же цель, и он говорит, что как только происходит то, что мы бы назвали реализацией Самости, это оказывает жизнесберегающий и здоровьесберегающий эффект на наше конкретное физическое существование.

Затем Дорн делает небольшое отступление. Некоторые люди, говорит он, убеждены, что это лекарство (которое мы бы назвали переживанием Самости) само имеет метафизическое тело, но он отказывается принять эту гипотезу, так как считает, что наше реальное тело, когда с ним должным образом обращаются посредством mens, создаст основу для лекарства. Здесь он отбрасывает то, что все еще сохраняется в определенных традициях в Европе в настоящее время и касается астрального или тонкого тела. Он говорит: «Нет, нет, я не верю в астральное внутреннее тело или тонкое тело. Я имею в виду реальное тело, которое было очищено или подверглось лечению».

Здесь вы снова видите, насколько истинным алхимиком является Дорн, потому что он никогда не позволяет себе уйти от факта реального конкретного тела путем уловки — объектом лечения является реальный конкретный человек как он есть, с его тенью. Дорн

не удовлетворен просто отрезанием того, что беспокоит, чтобы достичь прекрасных результатов с оставшимся.

Это нечто уникальное в алхимии: она отличается, например, от буддийского обучения медитации, потому что на Востоке нет такого возвращения к телу (за исключением некоторых дзэн-буддийских традиций). Всегда есть идея, что некоторые вещи, такие как мирское, поверхностность и так далее, должны быть безусловно устранены, так что это всегда своего рода образовательная программа. У Дорна действительно есть нечто подобное — нужно сделать определенное количество этого, но он всегда возвращается к идее, что настоящий человек, как он есть, является объектом и даже носителем внутренней трансформации. Вот где и Юнг, и я согласны с алхимией больше, чем с любой другой традицией: ибо, если вы потворствуете себе, убирая то, что вы не можете изменить или трансформировать, у вас будет замечательный идеалистический результат, который не удержится, когда дело дойдет до опыта.

В следующем отрывке Дорн объясняет, что то, что он называет разделением или отвлечением, *distractio*, это просто искусственное ожидание того, что обычно происходит в момент смерти; вот почему он также называл его добровольным ожиданием опыта смерти. Он продолжает:

> «В человеческом теле скрыта определенная метафизическая субстанция, которая известна очень немногим и которая не нуждается в лекарстве, поскольку она сама есть нерушимое лекарство. Философы, через божественное вдохновение, признали мощь

и небесную силу этого вещества и то, как освободить его от оков: не через какой-то противоположный принцип, как физическое лекарство, но аналогичное лекарство в себе».

Я думаю, что это понятно. Он видит опыт исцеления, хотя он дается Богом, не внешним религиозным опытом или внешним учением, но подлинным личным внутренним опытом. Каждый может извлечь опыт исцеления из себя самого. Он даже говорит (и это интересно, после многократных упоминаний о презрении к телу, которые можно найти в любом медитативном тексте того времени), что исцеляющее лекарство находится в *теле*, а не в *anima* или *animus*. Именно в той части личности, которая наиболее сильно сопротивляется любому сознательному усилию и которую мы назвали бы тенью, и находится исцеляющее лекарство. Оно нетленно, и оно должно быть определено и извлечено оттуда.

У интроверта экстраверсия происходит через своего рода наивную проекцию. Никто не верит в полную прочность и уникальную реальность внешнего мира более, чем интроверт, поскольку он обладает бессознательной и, следовательно, примитивной, сильной и наивной недифференцированной экстраверсией. Никто так сильно не привязан к мирскому, как он. Это его и разделяет. Каждый интроверт, не прошедший через длительный период анализа, страдает от этого. (Экстраверт тоже разделен, но по-другому; я говорю сейчас об интроверте, потому что таков наш автор.)[3]

---

[3] См. C. G. Jung, cw 6, «Psychological Types».

Интроверт очень хочет видеть субъективную сторону внутри себя, насколько это касается его интроверсии, но когда вы приближаетесь к его экстравертной теневой стороне, вы встречаетесь с наивным, примитивным человеком, который всегда считает, что трудности состоят во внешних обстоятельствах, а не в его собственных проекциях. Идея теперь в том, что если вы смогли найти проецирующий фактор, который идет изнутри этой личности, тогда есть возможность объединения. Я приводила вам пример своей наивности — когда я в течение многих лет полагала, что проблемы с деньгами не имеют отношения к психологии, а должны решаться с помощью здравого смысла, средствами внешней реальности, так как деньги — это внешняя проблема (как я думала). Тем не менее даже такая примитивная, низкая экстравертная часть интровертной личности может рассматриваться символически, принимая то, что происходит в этой сфере жизни, как знаковое событие; в этом случае ее можно привнести внутрь. Таким образом, интроверту особенно трудно видеть через те проекции, которые он делает на внешний мир. Только если он может привнести их внутрь, он может добраться до «одного» Самости, потому что его эго и эта часть его личности никогда не смогут объединиться, кроме как через активацию Самости.

Дорн заканчивает небольшим отрывком под названием «Из философских исследований», в котором он переходит к бурным поэтическим похвалам цели. Там он говорит, что истина является высшей добродетелью и крепостью, которую никто не может завоевать. У нее только несколько друзей, и ее атакует много врагов, сейчас — даже весь мир. Но она имеет

большое внутреннее значение. Ее ядро — истинный философский камень, сокровище, которое не может быть съедено молью или ржавчиной и которое существует в вечности, когда все остальное растворится. Этот замок истины был возведен ради разрушения многих и спасения *многих*.

Вы увидите позже, что с юнгианской точки зрения одно из критических замечаний, которое мы можем сделать Дорну, состоит в том, что он не видит темную сторону Самости. Он видит эго и тень, но и у Самости тоже есть темная сторона[4]. Другими словами, он не принял бы то, что образ Бога обладает темной стороной, здесь он полностью согласен с христианской точкой зрения, что Бог — это только свет и только добро. Но если присмотреться, то можно увидеть, что время от времени он говорит кое-что, так сказать, у себя за спиной, например:

> «Этот замок внутренней правды уничтожит много людей, это дешевая вещь, в основном презренная и даже ненавистная. Но не должно ненавидеть его, а скорее любить его, он самое большое сокровище, он любит всех и враждебен всем. Вы можете найти его везде, но практически никто никогда не находил его. Измените себя, говорит небесная мудрость, из мертвых философских камней в живые философские камни, ибо я есмь истинное лекарство, и я изменяю все, что не может существовать

---

[4] См. Marie-Louise von Franz, «Shadow and Evil in Fairy Tales» (Boston: Shambhala Publications, 1995).

как нечто вечное. Почему ты одержим безумием? Через вас, но не от вас [то есть в пределах личности, но не от эго] есть все, что вам нужно и что вы ошибочно ищете снаружи. Там сияет в нас, хоть в темноте и смутно, жизнь и свет человека, свет, который исходит не от нас [то есть не от эго], который, однако, заключается в нас, и поэтому мы должны найти его в нас. Он принадлежит Тому, Кто поместил его в нас, мы можем найти его в Нем, в Его свете. Поэтому истину следует искать не в нас [он имеет в виду эго], но в образе Бога, который живет в нас; это единое без второго. Это Бытие и само по себе все существование».

Дорн возвращается к тому, что Юнг упоминает как нечто столь тщательно отбрасываемое официальным христианским учением: к тому, что каждый человек имеет на дне своей психики божественную искру, часть Божества, которую Юнг назвал Самостью. Но тогда все богословы набросились на него. Критики из лагеря теологов, будь то раввины, пасторы или священники, всегда говорят: «Вы превращаете религию во что-то *только* психологическое». Но если в нашей психе есть образ Божий как активный центр, тогда мы должны почитать нашу психику как величайшую вещь на земле — и тогда никто не может сказать «только психологически». Если богослов говорит «только психологически», он предполагает, что психе — это «ничего, кроме».

Дорн, будучи искренним, приходит к этому внутреннему образу Бога, говоря, что он есть в христианстве, но не осознан. Он говорит: «Давайте считать,

что у нас есть образ Бога как активного субъекта, как сущности, в нашей собственной психике, и потому мы не должны бегать и искать его». Он принимает этот образ всерьез. В значительной степени это справедливо и для всей алхимии, поскольку алхимик не идет в другом направлении или за пределы христианства, но впервые воспринимает христианство с истинно практической точки зрения. Впервые алхимики пытаются действительно верить тому, что проповедовалось в течение столетий, но во что никогда не верили. Дорн продолжает:

> «Истина — это вечный путь, что Адам потерял при грехопадении, вот почему он покинул рай голым: это свадебный наряд, что Бог вернет Адаму через Своего сына, Иисуса Христа. Истина неразрывно сочетается с благочестием и правосудием, и все это учит каждого признать или осознать себя — ибо *mens speculativa*, ум провидца, выше, чем научный труд».

Я думаю, это говорит само за себя, но если попытаться вникнуть в психологию Дорна глубже, видно, что он ставит под сомнение аристотелевскую науку — и здесь можно угадать экстравертную проекцию.

И вот появляется вторая ступень «Философского знания». Стать сознательным, или приобрести понимание — вот путь к примирению воюющих мнений посредством истины. Позже Дорн также говорит, что это растворение сомнений. Обычно мы все страдаем от этого, и он, естественно, тоже страдал. Мы никогда не верим в одно и то же в течение одного дня. Обычно

люди движутся настроениями. Они слушают кого-то, кто говорит, что то, во что они верят, — вздор, и переубеждаются. Через внешние воздействия человек разбрасывается: в одну минуту он знает что-то, а в следующую сомневается в этом, и таким образом у него в действительности никогда нет собственного мировоззрения. Как сказал один философ: «По утрам я всегда кантианец, а по вечерам верю в Ницше!».

Для Дорна истина, а также объединяющее действие, есть единство (мы бы сказали, Самость). Идея в том, что, найдя единственную внутреннюю истину, эти сомнения или иные убеждения медленно растворяются. Именно поэтому он даже говорит, что растворение означает отказ от сомнений. Он, кажется, играет словами, но это не игра слов, он имеет в виду *solutio* в алхимическом смысле растворения тела — плавление металлов и соответствующее психологическое состояние, в котором вы берете все эти враждующие мнения и кладете их во внутренний плавильный котел, из которого вытекает одна внутренняя правда. Естественно, чтобы найти это, мы должны начать с себя, «но никто не может стать сознающим себя, если он не знает, *что*, а не *кто* он такой». Это высказывание Дорна, которое Юнг очень часто цитирует, потому что оно очень интересно.

Есть люди — интроверты, например, — которые ничего не знают о реальности бессознательного, но могут тратить многие часы в размышлениях внутри своего эго о своем же эго. Иногда эти люди приходят на анализ с огромным осознанием своего эго-характера. Они знают свое эго удивительно хорошо. Конечно, никто не знает его полностью, но такие люди

действительно честно пытались думать о себе. Даже в наши дни большинство людей все еще думают, что осознать себя — значит размышлять о собственной личности, просто думать и размышлять на тему «Каков я?». Вот почему люди считают, что анализ и психология сплошь эгоцентрические и что не стоит размышлять о таких вещах; скорее нужно помочь голодающему человечеству. Но это не то, что мы делаем при анализе. Размышления об эго совершенно бесплодны; я бы сравнила их с собакой, которая пытается поймать собственный хвост.

Истинное знание себя — это знание объективной психе, как она проявляется в снах и в утверждениях бессознательного. Только глядя на сны, например, человек может увидеть, кем он на самом деле является; они говорят нам, кто мы есть на самом деле: нечто, что объективно существует. Медитация на этом — это усилия, направленные на самопознание, потому что это научно и объективно, и не в интересах эго, но в интересах выяснения, «кто я» на самом деле. Это знание Самости, более широкой, объективной личности.

Дорн видел то же самое: что познать себя не есть знание, кем человек является — например, доктор Такой-то, живущий так-то и обладающий таким-то характером; это может видеть каждый. Скорее это означает знать, *что* есть этот человек (это значение слова *quid* на латыни), и таким образом видеть нечто объективное, которое не совпадает с субъективным эго.

Дорн продолжает усиливать ясность еще более, говоря: «от чего человек зависит, и чему он принадлежит, и с какой целью он был создан». Таким образом, истинное самопознание есть знание о том, от чего человек зависит — эго постоянно зависит

от бессознательного. Мы зависим от бессознательного каждую секунду, когда мы действуем. «Чему человек принадлежит» означает, где находятся обязательства эго-личности. Знать, «с какой целью он был создан», означает найти смысл своей жизни от одной секунды до другой. Конец или смысл нашей жизни, говорит потом Дорн, это бессмертие — состояние, в котором мы постоянно наслаждаемся присутствием Бога. Он продолжает:

> «Каждый должен внимательно рассмотреть наедине с собой то, что я сказал прежде, и должен испытывать это снова и снова, как будто пить это вновь и вновь, и должен распространять это с честным сознанием. Затем постепенно придут нужные искры. Изо дня в день они будут оживать и выходить на свет перед внутренним психическим взором, и постепенно эти искры сольются в такой свет, что со временем человек всегда будет знать, что ему нужно, и только этим будет присоединен к той внутренней истине, для которой нужны великое спокойствие и великий покой ума».

Мы не можем подойти к этому внутреннему опыту напрямую. Но если размышлять о фактах, которые Дорн представил здесь, тогда у человека всегда будет искра — можно сказать, ага-реакция, — и много-много этих искорок света или ага-реакций постепенно станут чем-то более непрерывным и будут консолидироваться в том, что на языке юнгианской психологии можно назвать постоянным осознанием Самости.

Это точно описывает то, что мы пытаемся сделать. Каждый сон, если он правильно понят — не только интеллектом, но действительно эмоционально понят, — воздействует на человека таким подобным выстрелу ага-эффектом. Если у вас не происходит этого, то вы еще не поняли сон, он не был сформулирован так, чтобы вы могли принять его. Каждый понятый сон — как небольшой электрический шок в высшее сознание, как правило, у человека появляется чувство: «О, теперь я понял», и это обладает живительным действием.

Сон, который снится ночью, всегда подобен письму из одного и того же внутреннего центра, от Самости. Каждый сон таков, и автор письма всегда один и тот же — Самость, одно, *quid*. Поэтому, если на протяжении длительного времени у вас возникают такие ага-реакции, вы постепенно осознаете природу этого ночного друга по переписке или постоянно ощущаете присутствие и реальность Самости. Это дает эго спокойствие ума. Если, например, вы попадаете в какие-нибудь внешние затруднения, вы можете волноваться до определенной степени, но потом думаете, что подождете и посмотрите, что говорит бессознательное или Самость. Таким образом, у вас есть второй источник информации. Вы не всегда должны следовать собственному голосу, и это дает эго терпеливое отношение и определенную преемственность, поскольку оно ожидает услышать внутренний источник информации, благодаря которому оно будет справляться с невозможной ситуацией, вместо того чтобы бегать вокруг, как перепуганная мышь, и думать так, как всегда стремится думать эго: «что оно должно приставить стебельки к вишням», как когда-то сказал

Юнг. Так связь с Самостью приводит к определенному спокойствию и постоянству личности.

«Изучайте поэтому из самих себя, — продолжает Дорн, — все, что находится между небом и землей, так чтобы вы могли понять все». Это то, что мы назвали бы архетипом Самости, а Дорн назвал бы божественным образом в бессознательном, который расположен в психике или в теле и является также микрокосмом. Вы можете узнать обо всех внешних вещах, рассматривая микрокосм внутри себя.

> «Таким образом, смотрите, вы становитесь того качества, которое вы хотите, чтобы было у вашей работы. [Под работой он имеет в виду алхимическую работу.] Если вы жадны до денег, то вы захотите, чтобы ваша алхимическая работа принесла золото, чтобы обогатить вас, и ваша работа будет соответствующей. Таким образом, прежде чем приступить к работе над химическими веществами, необходимо сначала получить верное внутреннее качество, потому что тогда вы будете работать с этим, и результат будет согласным с тем, чем вы являетесь. Каждую часть работы вы согласуете с вашими собственными качествами. Вы находитесь во всем, что вы делаете; это не зависит от того, что вы делаете конкретно. Вы находитесь в этом».

Это очень похоже на восточную мудрость, где говорится, что правильное лекарство в руках неправильного человека оказывает неправильное действие, а неправильное лекарство в руках правильного человека оказывает правильное действие. Не то, *что*

делается, но то, *кто* делает работу, определяет, что воспоследует.

Затем Дорн делает неспешное традиционное отступление о том, как Бог создал мир, как создал Адама в раю и Еву из его ребра. Отсюда он делает вывод, что из хаотического единства личности вышли два, а позже эти два должны быть воссоединены. Адам был андрогинной *massa confusa* до того, как из его тела было вырезано ребро, чтобы создать Еву, а потом они воссоединились, стали парой и создали человечество. Для Дорна история сотворения Адама и Евы — это сравнение с тем, что он пытается здесь объяснить, поскольку алхимическая работа — имитация создания человечества, которое также началось с разделения мужского и женского.

Следующая глава называется «Беседа, посредством каковой *Animus* пытается привлечь к себе Душу и Тело». Ранее я сказала, что у Дорна есть некоторые драматические диалоги, которые очень близки к тому, что мы бы назвали активным воображением. Это, однако, не совсем то же самое, потому что он включил в них свои теории. Он не давал этим беседам литься абсолютно свободно, как мы делаем в активном воображении, но, слава Богу, в этой беседе есть один персонаж, а именно Тело, который явно дает совершенно подлинные ответы.

Хотя Дорн хотел сочинить обычный философский «пропагандистский» диалог, время от времени в нем искренне играет бессознательное, причем очень забавным образом, даже до такой степени, что иногда *mens*, который, предполагается, знает все, становится весьма расстроен и не знает, что здесь не так. Таким образом, разговор иногда превращается в то, что мы

называем реальным активным воображением, хотя вам следует простить Дорна за то, что иногда он просто ведет пропаганду своих теорий, и за те места, где его сознательный ум становится слишком активным.

Участники этого разговора таковы: Дух, *Anima*, Тело и Философская Любовь. Философская Любовь на самом деле означает любовь к истинной философии, которой является алхимия. Этот персонаж приходит только в конце, поначалу их только три. (*Spiritus*, кстати, то же самое, что и *Animus*. Дорн не слишком систематичен.)

Spiritus: Ну, Душа моя и Тело мое, встаньте и следуйте за проводником вашим.

Animus: Он хочет сейчас пойти на ту гору напротив нас. С ее вершины я покажу вам двойной путь, разделение пути, о котором уже у Пифагора было смутное представление, но мы, чьи глаза были открыты [под словом «мы» он имеет в виду христианскую традицию] и кому показывает путь солнце благочестия и справедливости, не преминем найти пути истины. Теперь пусть ваши глаза посмотрят в правую сторону, так, чтобы вы не могли видеть суеты и поверхностности левого пути, но взирали бы на мудрость. Видите ли вы там прекрасный замок?

Anima и тело: Да.

Spiritus: В нем обитает Философская Любовь, из которой течет источник воды живой. Тот, кто сделал глоток ее, не будет жаждать вовек в этом скучном мире. С этого приятного места мы должны затем сразу пойти

на еще более красивое место, которое есть обитель Мудрости, и там вы также найдете источник воды, которая даст больше благословений, потому что даже если враги изопьют ее, они будут вынуждены помириться. Есть люди, которые пытаются устремиться даже выше, но им нечасто это удается. К северу есть место, куда смертный не может вступить, если он ранее не вступил в божественное, бессмертное состояние, но прежде чем он действительно вновь вступит туда, он должен будет умереть и отбросить свою земную жизнь. Тот, кто дошел до этого замка, не имеет больше оснований бояться смерти. Помимо этих трех мест есть еще четвертое место, которое превосходит все, что люди могут знать. Первое место вы могли бы назвать хрустальным замком, но четвертое невидимо: вы даже не будете способны увидеть его, прежде чем достигнете третьего. Это золотое место вечного блаженства. Сейчас посмотрите на левую сторону: там вы видите мир, полный своих желаний, и богатства, и всего, что радует глаз смертных. Но посмотрите на конец этого пути: там темная долина, полная тумана, которая простирается до конца горизонта — это ад [естественно, с христианской точки зрения].

Anima и тело: Да, мы видим это.

Spiritus: Теперь мы идем по этому широкому пути [он имеет в виду левый путь, путь в ад], и там каждое удобство превратилось в бесконечную пытку. Вы слышите, как стенают люди в отчаянии?

ANIMA И ТЕЛО: Да, мы слышим, но разве люди не вернутся оттуда?

SPIRITUS: Они не могут видеть конца этого пути, и вот почему они просто идут дальше, и они в большинстве своем уже прошли место покаяния и, следовательно, не могут больше вернуться.

ANIMA И ТЕЛО: Есть и другие пути, на которых можно подвергнуться опасности.

SPIRITUS: Да, есть два боковых пути, которые также раздваиваются перед нами и о которых я расскажу вам позже. Теперь мы проходим вперед в то место, а именно на этих двух путях, в рай и в ад, после чего есть еще два пути, это пути болезни и нищеты, которые находятся между раем и адом. Они не приводят в рай или в ад; многие люди выбирают их, а затем, после того как болезнь и бедность научают их вернуться на правильный путь или, возможно, заставляют их идти по пути в ад, так что они находятся в промежутке каждой попытки и несчастны, и человек не знает, какой путь он завершит. Широкий путь слева — это путь ошибок, два других пути — пути болезни и нищеты, и путь, на котором мы сейчас находимся, если мы перейдем на другую сторону, это путь истины, и при входе на этот путь стоит ангел Господень, которого также называют *tractus* Божественного. [Под словом *tractus* он подразумевает род любящего притяжения, мы бы сказали, бессознательное очарование.] Здесь, даже на первом пути, этот *tractus* привлекает их всех, но есть люди, которые

сопротивляются ему и не идут по этому пути, так как они сдаются своим минутным импульсам и желаниям. Эти люди подвергаются физическим болезням, и лишь немногие через физические заболевания могут увидеть свои ошибки, а затем вернуться на путь истины.

Здесь точка зрения Дорна близка к нашей. Поэтому он задает тот же вопрос, который задаем и мы: если физическое заболевание означает, что что-то не в порядке в нашем психическом балансе, то может ли человек выздороветь, если увидит этот дисбаланс и исправит его? Но многие люди не задают такой вопрос, говорит Дорн, а еще есть другие, которые просто продолжают путь болезни и в конце концов попадают в ад.

Anima и тело: Мы видим немногих, кто идет назад, но их очень мало.

Тело: О нет! Я бы скорее сто раз умерло, чем дошло бы до конца левого пути в ад.

Spiritus: Вы говорите так, потому что я показал это вам, но давайте подождем и посмотрим, вспомните ли вы это позже.

Тело (очень серьезно): Куда ты ни пойдешь, я всегда буду следовать за тобой, но прежде чем мы пойдем, пожалуйста, скажи мне, почему мы не перешли на тот другой путь.

Spiritus: Есть люди, которым этот *tractus* — это притяжение — образа Божьего был дан заранее, так, чтобы они чувствовали его и не сбились с пути.

Тело: Разве не каждого он притягивает?

SPIRITUS: О да, каждого!

ТЕЛО: Но почему тогда они поступают неправильно?

SPIRITUS: Когда они здесь, в области разделения, они обращают глаза влево, на все эти удовольствия мира, более чем на воду жизни на правой стороне и на эту прекрасную гору.

ТЕЛО:Как называются эта гора и эта река?

SPIRITUS: Они оба называются первыми привлекательностями от Господа.

ТЕЛО: Есть также другие привлекательности, кроме тех, что ты указал?

SPIRITUS: Есть много других между ними, которые люди могут чувствовать посредством своей совести, если не игнорируют ее.

ТЕЛО: Почему ты задержался здесь?

SPIRITUS: Чтобы посмотреть на эту божественную реку! Доводилось ли тебе видеть так много прекрасной воды?

Глава IV

УМ И ТЕЛО В ЗАМКЕ ФИЛОСОФСКОЙ ЛЮБВИ

Иоганн Даниэль Милиус, «ANATOMIA AURI».
Король и Королева (обратите внимание на одинаковые птичьи лапы под землёй) зовут друг друга через пропасть. Король восклицает: «Приди, моя возлюбленная, соединимся же в объятии и породим сына, который не будет походить на своих родителей». Королева отвечает: «Иду к тебе, страстно желая зачать сына, равного которому не будет во всем мире». Оба указывают на сосуд, внутри которого юноша (Сера мудрецов) спит на коленях солнцеголовой женщины (Ртуть мудрецов).

Пока *anima* еще немного колеблется, не зная, какую сторону принять: сторону *animus* или сторону тела. Количество героев всегда составляет три: *spiritus*, *anima* и тело, но когда *spiritus* или *animus* (это не юнговский анимус) и *anima* (то, что оживляет тело) объединяются, они становятся тем, что Дорн называет *mens*. Реальное напряжение существует между *animus* и телом.

Дискуссия продолжается:

SPIRITUS: Видели ли вы, как мы пили из источника любви, из того родника любви в нижней части горы привлечения Господня?

ТЕЛО: Ты пил?

SPIRITUS: Вот ты и показываешь, насколько ты слепо!

ТЕЛО: Ну почему же ты не сказал мне, чтобы я тоже выпило?

SPIRITUS: Потому что ты не можешь сделать этого, пока ты не вместе с нами.

ТЕЛО: Когда это будет?

SPIRITUS: Когда ты станешь одним с нами. Но сначала мы должны стать одним, и тогда ты тоже станешь одним с нами.

ТЕЛО: И когда это будет?

SPIRITUS: Когда мы придем в алмазный замок.

Тело: Ну, тогда скорее, потому что я тоже хочу увидеть то, что видишь ты. Вот, мы пришли в первый замок, и я постучу. Но почему нет дверей? [Оно не видит дверь.]

Spiritus: Это мы, несколько странников, пришли и хотим попросить у вас разрешения войти. Пожалуйста, откройте.

Философская любовь отвечает изнутри: Редко кто-нибудь приходит сюда. Кто вы?

Spiritus: Три ученика философии. [Философия в этой мысленной связи есть просто алхимия.]

Философская любовь: Что вы ищете?

Spiritus: Мы хотим изучить философию.

Философская любовь: Почему вы хотите изучить еще раз то, чему вы уже научились?

Spiritus: О, у нас была очень плохая пища, и теперь мы хотим питаться лучше. [Какое-то время они говорят о духовной пище, которой хотят.]

Философская любовь: Ну, я слышала, вы были обучены до определенной степени, и в любом случае мы никогда не прогоняем никого, кто приходит к нам, поэтому, пожалуйста, входите, но сначала снимите рога, прежде чем войти в дверь.

Spiritus: Хорошо, мы сделаем это.

Философская любовь: Затем, мы всегда экзаменуем наших новых учеников.

Spiritus: Хорошо, я согласен.

Философская любовь: Что есть философия?

Spiritus: Любовь к мудрости.

Философская любовь: Что есть мудрость?

Spiritus: Высшая мудрость всего, истина.

Философская любовь: Что есть любовь?

Spiritus: Это постоянное желание достичь истины, пока не постигнешь ее.

Философская любовь: Откуда вы научились этому?

Spiritus: От привлечения Господа.

Философская любовь: Кто передал это вам?

Spiritus: Те, кого Он учил первым и кто затем учил других.

Философская любовь: Но почему вы не слышали об этом в университетах?

Spiritus: О, там мы слышим только о философии Аристотеля и прочую ерунду. [Затем следует долгая полемика против аристотелевской схоластической философии.]

Философская любовь: Итак, прежде чем войти, вы должны расписаться в нашей книге гостей. Как вас зовут?

Spiritus: Меня зовут *Spiritus*, или *Animus*, а это *Anima*, а вот это Тело.

Философская любовь: О, вы очень близки.

Spiritus: О да. Мы трое — братья.

Философская любовь: Теперь мы сначала хотим вызвать Свет, и вам также следует присоединиться к этому. [Затем Философская Любовь обращает длинную, скорее риторическую, молитву к Господу, чтобы Он просветил этих троих и даровал им свет Своей благодати, так чтобы они могли увидеть правду.]

Заходите, вы вступаете сейчас в двери Философской Любви и будете учиться в школе вечной любви. Давайте сначала поедим,

но, прежде чем мы начнем, давайте помолимся снова. [Тогда она[1] произносит другую молитву к Господу, прося Его благословить пищу, которую они собираются есть вместе.]

Итак, Тело, теперь ты можешь есть в одиночку, есть и пить то, что здесь есть, но остальных я возьму с собой и дам им иную пищу. [И затем, обращаясь к *Spiritus* и *Anima*, она говорит:] Сейчас Господь ознакомит вас с изучением философии, но вы не сможете понимать все, что я вам скажу, потому что вас по-прежнему беспокоит тяжесть тела. Итак, сейчас, прежде чем вы пойдете к исходному колодцу или источнику любви, мне лучше повторить все важное. [Затем она дает длительное общее наставление по всему вопросу. Поскольку это то место, которые Юнг очень часто цитирует, это может звучать знакомо для некоторых читателей.]

До грехопадения Адама был только этот широкий путь слева, а долины страданий, которую вы видели на другой стороне, не существовало. Страна блаженства была повсюду, но после ослушания первого человека Бог уменьшил этот большой благословенный путь до очень узкого, у входа на который стоит херувим с мечом в руке, чтобы помешать людям вернуться домой. [Это известная история изгнания из Рая.] И сын Адама повернулся

[1] Любовь — Amor по-латыни мужского рода, но я чувствую ее скорее женственной.

к левому пути и оставил тот, что построил Отец, и построил другой, широкий путь, который заканчивается, как вы помните, в аду. Но, тронутый жалостью и любовью и столкнувшийся с обвинением в несправедливости, Бог решил взять у ангела меч гнева и заменить его тройным рыбацким крючком, а меч Он просто повесил на дерево. Так гнев Божий превратился в любовь, не сильно повредив справедливости.

Но прежде чем это случилось, эта большая река (вы знаете, что любви к философии еще не существовало), была не рекой, или водопадом, как сейчас, но покрывала всю землю, как роса. Но после грехопадения она вернулась туда, откуда появилась, и стала всего лишь этой узкой речкой. Теперь, однако, мир и справедливость наконец обняли друг друга с высоты этой горы, и вода благодати сошла вниз и вновь коснулась мира. Но те, кто идет налево, увидели только меч, подвешенный на дереве. Но они знают его историю, и поскольку они укоренены в мирском, они просто проходят мимо. Другие не хотят видеть его, потому что не знают о его воздействии, а некоторые даже не видят его вовсе или делают вид, что не видят, и все они спускаются в долину и пропадают, но если рыболовный крючок ловит их сзади, они снова становятся разумными, раскаиваются и их частично оттягивает назад. Но в наш век, который есть век благодати, меч превратился в Христа, который за грехи наши взошел на крестное древо. Это естественный закон

и божественная благодать, но теперь давайте изучим природу неверного пути.

Юнг в «Ответе Иову»[2] называет большой проблемой то, что, согласно христианскому учению, неправильное идет от человека, а все положительное исходит от Бога; тот же факт, что сам Бог создал в раю змея, который соблазнил человека, замели под ковер. То, что Бог мог бы посмотреть на свою собственную тень и взять вину на себя, вместо того чтобы обвинять человека, учителям христианской религии никогда не приходило в голову. Юнг приводит пример с биологом, который выращивает колонию бактерий, а если бактерии ведут себя не так, как следует, сердится на них. Человек, в конце концов, это просто бедное, бессознательное творение природы: как можно обременять его всем мировым злом? Естественно, у нас здесь это же учение, за исключением небольшого изменения в конце Ветхого Завета, где Бог поворачивается внутрь. Один раз он испытывает момент саморефлексии и тронут жалостью к человеку. До сих пор он просто топил людей в своей ярости, когда они ослушивались его. В нашем тексте он столкнулся с обличением правосудия.

Это очень интересно, поскольку предполагается, что внезапно божественное правосудие обвиняет самого Бога. Бог принимает это, и благодаря этому пониманию или через его влияние, он превращает ангела гнева в ангела любви и заменяет меч трехсторонним крючком. Остальное вы, вероятно, поймете

---

[2] C. G. Jung, cw 11, «Psychology and Religion: East and West», chap. 6.

в свете христианского учения: райское состояние мира начинает блекнуть, и появляются все страдания, но потом, когда пришел Христос, он был не рыболовным крючком, но мечом. Естественно, что Дорн имеет в виду высказывания Христа, такие, как: «Не мир Я пришел принести, но меч», так что вы снова видите нерешенную проблему. Трехчастный рыболовный крючок, который Дорн, вероятно, ассоциирует с Троицей, находится на одной стороне, но Христос не там, ибо он принес меч. Таким образом, несмотря на то, что Бог есть Бог любви и искупления, он все же отрезает часть человечества, которая затем идет по неверному пути, в ад.

Если вы посмотрите на это учение более внимательно, оно в целом весьма противоречиво. Если бы Дорн был честен с самим собой, он бы должен был сказать, что Христос действительно искупил всех и восстановил все в исходном состоянии, но Дорн знает достаточно о мире, чтобы понимать, что этого не произошло, и потому Христос внезапно превращается в того, кто приносит меч и вновь отсекает противоположности друг от друга вместо того, чтобы объединять их, и его отношение к трехчастному рыболовному крючку остается совершенно неясным. Это может раздражать, если мы смотрели бы на это с теми психологическими познаниями, которые у нас есть сегодня. В том, что здесь говорит Дорн, есть вид смещенной философии, с некой незначительной бессознательной нечестностью. Но если вы вспомните, что Дорн жил во второй половине XVI века и что только потом последовала Контрреформация, эра науки и раскол между религией и наукой, то, наоборот, надо признать, что со своей интуицией он удивительно близко подошел

к идее единства противоположностей. И если он естественным образом делает больший упор на официальной христианской доктрине и застрял в дуализме и расколе, которые суть недостаток этой религии, мы не можем винить его, но скорее нам стоит увидеть, как много он на самом деле достиг.

Далее идет очень интересный отрывок из наставления Философской Любви, который на самом деле является попыткой создания первой социологической теории.

> ФИЛОСОФСКАЯ ЛЮБОВЬ: Человек покинул путь истины и стал голым и занятым повседневными заботами. Сначала он стал крестьянином и так добывал свою пищу и жил собственным трудом. Затем последовали ремесла, но с ними пришло и неравенство между мастером и крестьянином, один из которых в некоторых странах богаче и лучше, чем другой. Благодаря этому социальному неравенству возникли ссоры и недоверие. Люди стали строить дворцы и развязывать войны. Все стало неустойчивым и беспорядочным.

Здесь можно увидеть зачатки социологической теории, которая далее развилась в марксизм, идею, что капитализм — корень всего зла в мире. Таким образом, можно даже увидеть здесь то, что уже давно признано: что теории Маркса и Энгельса являются продолжением определенных социологических теорий, уже существовавших в христианстве.

Затем Философская Любовь объясняет дальше, что собой представляет неверный путь:

Философская любовь: В двадцать один год большинство людей достигают распутья и должны выбрать между рыболовным крючком, с помощью которого они привлекаются к Господу, и тем, чтобы идти собственным путем. Но многие проползают под рыболовным крючком и даже не замечают его. Другие вырываются и идут по пути ошибок и просто бросаются в мирскую жизнь. Потом некоторых постигает неудача и они впадают в нищету, и иногда таким образом к ним возвращается разум. Большая часть, однако, строит на левом пути большой завод, большое здание в одном направлении, упорядоченное и управляемое работой. Там есть даже книжный магазин и мастерская. [Это было время появления газет, для которых день и ночь продолжался поиск новых, сенсационных событий.] После этого люди даже отказываются от морали своей работы, пока по мосту болезни они не придут к новому этапу. Для этого Бог попускает, чтобы такие люди стали больны, но, как и прежде, они снова пытаются лечить себя тем, что они знают, и они бегут к гостинице слева, где находится медицина, с ее фармацевтами, хирургами, врачами и прочими работниками медицины [прямо как санаторий или современная клиника], и когда они снова восстанавливают здоровье, оказывается, что они стали очень бедными [потому что врачи уже и тогда были грабителями, не только сегодня], и тогда они добираются до следующего моста — старости, по-прежнему

> игнорируя привлечение Господа, и лишь несколько на этом пути все-таки возвращаются на правильный путь. А потом приходят страдания старости, пока они не добираются до последней гостиницы, гостиницы смерти, и там их принимает гораздо более свирепый хозяин и убивает их с помощью стрелы смерти, которая отделяет тело от души.

Вышеизложенное вряд ли требует комментариев. Вы видите, что если цель вашей жизни — работать и зарабатывать деньги, то в конце концов вы заболеете: у вас будет сердечный приступ, а затем по мосту болезни вы достигнете реального нового царства и второго привлечения Господа. Интересно видеть, что уже в то время (и здесь у Дорна такое же отношение, как у Парацельса) имел место строгий отказ от чисто физической, материалистической медицины и знание, что по крайней мере часть проблем болезней и старости являются психологическими.

Затем Философская Любовь продолжает наставлять *Animus*'а и *Spiritus*'а. Тело в это же время наслаждается хорошей едой в другой комнате. Это опять по-человечески, потому что в средневековых медитативных текстах тело всегда мучили, подавляли и оскорбляли, насколько это возможно, относясь полностью как к врагу. Здесь же тело представлено совсем не как враг, а как бедный парень, который мало понимает и вкусно ест в другой комнате. Он не просто подавлен или отклонен, как и в средневековых трактатах вроде *Diligendo Deo*, или в трудах святого Хуана де ла Круса и других. Здесь огромная разница в отношении к телу.

Философская любовь: Вы слышали раньше, что меч ангела и первое притяжение были подвешены на дереве на берегу реки, и этот меч является не чем иным, как Сыном Божьим, Спасителем человечества, Христом. Он привлекает проявлением любви, не ругая с помощью аллегорий тех, кто проходит мимо, но привлекая их, как магнит притягивает железо, если только не вмешиваются грязь и сорняки мира.

Людей, которые восхищаются этой рекой, рекой божественной любви, и любовью, которая есть в ней, и позволяют себе быть привлеченными, приводят сюда, как вас, например, и слуги истины принимают их, как вы услышите.

Но прежде чем это произойдет, давайте немного поедим, а затем возблагодарим Бога, что вы пришли сюда. [Далее следует еще одна молитва.] Выпьем из этого колодца, и после того, как вы выпили из колодца любви, вас не должно больше называть *Animus* [или, скорее, *Spiritus*] и *Anima*, и вы не будете больше двумя существами, но одним *Mens*. [Вот тот момент, где происходит объединение.] Будучи так укреплены, вы сможете противостоять враждебному телу [тело явно снова становится враждебным], и вы должны бороться с ним, пока оно не закончит свой естественный ход, и *mens* отделится от него. Позже, однако, случится, что тело тоже очистится, а затем снова воссоединится с вами в божественном таинстве. Но как вы должны бороться с телом

или какой будет эта борьба, вы услышите лишь позже, когда вы достигнете четвертой степени философского пути — частоты или повторения.

Я немного провожу вас сейчас, а также опишу дальнейший путь. Благодаря помощи частоты или повторения вы придете к замку мудрости, где вы получите пищу даже лучшую, чем вы получили здесь. Здесь я даю вам только молоко, потому что вы еще младенцы. [Это аллюзия на апостола Павла: «как младенцев... я питал вас молоком».[3] Вино высшего духовного наставления придет позже. Добродетель будет учить вас плодам любви. Позже придет шестая степень умения или действенности, к которой можно прийти только через добродетель, а затем следует седьмая степень, так называемые чудеса, на которой даже муки этого мира станут для вас удовольствием. С этого времени Сам Бог будет вести вас дальше, и все другие спутники оставят вас.

Видимо, после этого Философская Любовь возвращается к Телу, которое закончило трапезу.

Тело: Что тут за смешная компания? [Он видит Философскую Любовь.] Где моя *Anima*?

Mens: Я здесь, чего ты хочешь?

Тело: Я тебя не вижу.

Mens: Ага, теперь ты, наконец, признало, что ты слепо?

Тело: Но где же дух?

3 Corinthians 3:1–2.

SPIRITUS: Разве ты не видишь меня? Я стою перед тобой.

ТЕЛО: О Боже мой, двое говорят одним ртом.

MENS: Почему нет? Разве ты не помнишь, что я говорил? Что со временем тебе придется бороться только с одним вместо того, чтобы быть одному против двух.

ТЕЛО: Что я слышу? Вы не заколдовали ли меня и мои глаза?

MENS: Нет, я никогда не использую никакой магии, я далек от этого, но мы выпили вместе из колодца любви, и потому нам нужно было стать одним. Теперь тебе и вправду не нужно больше жаловаться, что приходится бороться с двумя, потому что мы полностью стали одним: *mens*.

ТЕЛО: А слово *mens* ассоциируется со многим другим, потому что с него начинаются многие слова: *mensa* — стол, *mensura* — мера, *menses* — месяцы.

MENS: О, если бы ты поставило меру на свой стол и помнило, как мало месяцев дано тебе для жизни.

ТЕЛО: Ты говоришь странные вещи. Ты хорошо знаешь, что я не могу жить без пищи.

MENS: Это я знаю точно так же, как и ты, но ты должно знать, что не хлебом единым жив человек.

ТЕЛО: Чем же тогда ты питаешься? Я еще не видело тебя за едой.

MENS: Опять ты показываешь свою слепоту.

ТЕЛО: Каким образом?

MENS: Я живу каждым глаголом, исходящим из уст Господа.

Тело: О, я хочу жить так тоже!

Mens: У тебя будет возможность сделать это позже, но только после смерти.

Тело: Ты действительно жесток.

Mens: Нет, я обещаю приятное.

Тело: Ты имеешь в виду, что смерть приятна?

Mens: Да, для тех, кто понимает что это такое.

Тело: Тогда, пожалуйста, опиши мне смерть, потому что все ее очень боятся.

Mens: Очень хорошо, но только ты боишься смерти.

Тело: А ты не боишься смерти?

Mens: Ничуть.

Тело: При всей своей мудрости ты просто настоящий сумасшедший.

Mens: Нет, это ты сошло с ума.

Тело: Ну да, я знаю, что все ненавидят смерть.

Mens: Действительно.

Тело: Ну, тогда говори, чтобы я могло понять тебя.

Mens: Ну, я объясню попроще, так чтобы ты смогло понять. *Mens* человека бессмертен и поэтому не боится смерти, а мужественно преодолевает ее; тело, однако, подвержено смерти, и именно поэтому оно боится ее.

Тело: А откуда ты знаешь, что *mens* не умирает с телом?

Mens: Я знаю, что все, что рождается из смерти, смертно, но то, что рождается из жизни, не может умереть, а также о том,

что то, что между жизнью и смертью, а именно *anima*, будут сохранено для жизни.

ТЕЛО: Ты говоришь совсем неясно.

MENS: Нет, совершенно ясно.

ТЕЛО: Хорошо, что такое жизнь?

MENS: *Anima* тела. Ты помнишь, что *anima* — это жизненный принцип тела.

ТЕЛО: Что же такое смерть?

MENS: Конец жизни.

ТЕЛО: Что же, я не стало умнее, чем раньше.

Теперь, если мы критически посмотрим на все это с нашей точки зрения, которая принимает текст в качестве активного воображения, то Дорн (или фигура, которую он представляет) пропускает возможность объединения. Вы видите, что тело действительно очень хочет сотрудничать, и в определенный момент, когда двое, ставшие одним, говорят, что они теперь называются *mens*, вместо того чтобы бороться или высказывать глупые мнения против *mens*, оно начинает ассоциировать и говорит: «*Mens* напоминает мне многие слова, например, *mensa* — стол, *mensura* — мера, и *menses* — месяцы».

Если сейчас мы воспримем это как активное воображение, нам нужно принять эту разумную ассоциацию. Это объединение, кстати, этимологически правильно, поскольку все эти слова действительно происходят из одного корня, и этим тело демонстрирует весьма замечательную мудрость. Во-первых, оно, кажется, знает многое об этимологии слов, а также затрагивает существенные проблемы. Но вместо того, чтобы идти тем же путем и говорить телу: «Да, верно, *mensa*, *menses*, *mensura*, а какие еще ассоциации?» — *mens*

раздражается и говорит: «О, если бы ты поставило меру на свой стол [имеется в виду по отношению к еде] и помнило, как мало месяцев дано тебе для жизни». Затем происходит вся дискуссия о смерти и так далее. Но вы видеть, что *Mens* здесь по-прежнему нечто вроде эмоционального пропагандиста, и я бы даже сказала, что здесь начинается вражда. Тело не настроено враждебно. Оно начинает пытаться понимать, и если мы попытаемся перевести этот переломный момент обсуждения на наш психологический язык, вы увидите, какой важный поворот здесь пропустил *Mens*.

Если взглянуть на то, что было написано о религиозной жизни первобытных обществ, кажется наиболее вероятным — по крайней мере, таково было мнение Юнга, которое я разделяю и которое, думаю, со временем будет легко доказать, — что в самых примитивных популяциях, которые еще существуют, религия состоит в основном из определенных ритуалов, которые в значительной степени являются физическими актами: тотемы, еда, танцы и другие виды деятельности, молитвенные жесты и т. д. Ритуал, подобный мессе, состоит из громких молитв и жестов. Человек, вероятно, никак не осознает, что эти ритуалы выполняются в немалой степени так же, как и у животных. Из изучения поведения животных мы знаем, что многие из моделей поведения животных не служат (по крайней мере, никто не может доказать, что служат) какой-либо немедленной утилитарной цели, такой как распространение вида, еда или выживание.

Адольф Портман объясняет эти «ритуалы», как их теперь называют зоологи, тем, что они выражают смысл существования животного. Выполняя их,

оно проявляет свое собственное существование или, можно сказать, выражает смысл своей жизни на земле, и даже самые скептические зоологи не смогут найти в них каких-либо дальнейших практических целей. Если не давать животным выполнять такие ритуалы, они болеют и их жизнеспособность падает[4]. Можно считать, что даже на этом уровне уже есть необходимость выражать — давайте использовать выражение Портмана — смысл собственной жизни, без дальнейших практических целей, и очень вероятно, что наиболее оригинальные и наиболее архаичные человеческие ритуалы были аналогичной природы.

Это также причина, почему, углубляясь в историю религии, вы уже не можете отличить игры от ритуалов. История игр, которые до сих пор существуют в примитивных обществах, таких как кубики, бросание кольца на воткнутую в землю палку и все групповые игры и игры с мячом, показывает, что в них играли и ритуально, и одновременно как в игры. В определенной части современной литературы ведется большая дискуссия, хотя мне кажется, что проблема очевидна и совсем не загадочна.

Наиболее разумные исследователи говорят, что нельзя делать различие между этими двумя вещами. Другими словами, когда человек не занят охотой, едой, любовью или сном, если у него осталось немного энергии, то — давайте используем выражение зоологов — он движется и делает то, что для него выражает смысл его жизни, а этим, как правило, являются

---

[4] Adolf Portmann, «Riten der Tiere», in Eranos-Jahrbuch (Zurich: Rhein Verlag, 1950).

ритуалы-игры или игры-ритуалы. А согласно виденному мной материалу, по крайней мере 90 %, если не все они, всегда группируются вокруг того, что мы сейчас назвали бы символизмом Самости.

Как правило, где-то обязательно присутствует структура мандалы: нужно бросать кольца в центр или кидать камешки в круглую чашу, попадая в цель или промахиваясь. Модели всех этих ритуальных игр в большей или меньшей степени являются моделями мандалы, и даже используемые принадлежности, например кости, как правило, имеют структуру мандалы, и так во всем мире, будь то Северная Америка, Индия, Китай, Австралия и так далее. Эти ритуальные игры и представления, таким образом, являются старейшими признаками религиозной жизни, которые мы можем проследить исторически, и это действительно очень хорошо стыкуется с тем, что мы сейчас выкапываем из зоологии. У животных в некоторой степени есть ритуальные игры, но у человека они гораздо более развиты.

Таким образом, можно сказать, что в действительном положении дел, которое может быть доказано исторически, нет никакой разницы между инстинктивным импульсом и религией. Религия и инстинктивная физическая жизнь не разделены, и если применить это к нашему тексту, это будет означать, что такой борьбы между *mens* и телом в первоначальном состоянии не было, они были полностью едины. Как продолжает Юнг, инстинктивная жизнь на примитивном уровне вовсе не проста[5]. Не нужно

---

[5] C. G. Jung, cw 14, «Mysterium Coniunctionis».

думать, когда вы используете слово «инстинкт», что это своего рода простое физическое влечение. Напротив, он проявляет себя как сложная система классовых браков, организованных игр и так далее. В самой примитивной инстинктивной религиозной деятельности всегда существует очень строгая организация, много строже, чем в современном праве. Нарушение табу в первобытных обществах влечет за собой наказание гораздо хуже, чем в нашем современном обществе, и многие люди, если они не наказаны племенем за нарушение табу, болеют или умирают, потому что сами чувствуют, что, преступив племенное табу, они предали весь смысл своей жизни.

Таким образом, вы видите, что духовный порядок, который мы ассоциируем с религиозным учением, и инстинктивная деятельность находятся в полной гармонии, но снова и снова в истории человечества и в истории религий это первоначальное единство или гармоничное функционирование модели смысла и порядка и инстинктивных физических импульсов разваливается; и только тогда, как указывает Юнг[6], появляется раскол и религиозные учения становятся враждебны и ядовиты для инстинктивной физической импульсивности. Такие расколы, с которыми мы сталкиваемся здесь, у Дорна, и которые мы встречаем в огромном количестве во всей истории христианства, происходили ранее во многих других религиях и, вероятно, были вызваны самим бессознательным с целью повышения осознанности.

Мы знаем, что в конечном счете все конфликты создаются не только, скажем, неправильным

---

[6] Ibid.

сознательным отношением, но и собственно бессознательным, чтобы объединить противоположности на более высоком уровне. Поэтому ситуация, в которой религиозная доктрина, учение или традиция ядовиты и разрушительны для физической инстинктивности человека, должна рассматриваться не только как катастрофа или отклонение от исходной модели, но в такой же степени и как провокация бессознательной психе для получения более высокого сознания. Однако, если это заходит слишком далеко, человек попадает в ситуацию раскола и испытывает такое напряжение между противоположностями, что полностью теряет свое внутреннее равновесие и даже способность к выживанию. В таких случаях, когда бессознательное, так сказать, создало раскол, оно впоследствии также создает символы, которые призваны согласовать его. Наиболее частые символы, которые появляются в такой момент, это символы великого целителя или Богочеловека, или фигура спасителя, которая снова объединяет противоположности, преодолевает раскол и приносит новый порядок вещей, в котором физическая инстинктивность человека, его, если можно так выразиться, исходные корни и его бессознательное снова находятся вместе, в живом сотрудничестве, как новое видение или новый порядок вещей.

Первоначально поэтому (и Дорн даже признает это ниже) можно предположить, что нет никого менее алчного или несбалансированного, чем животное и первобытный человек. Инстинкт в своей первоначальной форме несет свои собственные меры в себе. Животные очень редко переедают — разве что собаки, которых потом тошнит, но это, как правило, потому, что они уже вступили на беспокойные территории человека.

Люди вмешались в привычки и ритмы питания собак, так что давайте не будем брать домашних животных в качестве примера: все они испортились под нашим влиянием. Но животные, живущие в природе, никогда не переусердствуют ни в чем: ни в сексе, ни в пище, ни в чем-либо другом, потому что их модели поведения всегда определяют правильную меру и момент для остановки. Момент начала и момент остановки встроены в их систему поведения, поэтому Юнг всегда говорил, что животные гораздо более благочестивы и религиозны, чем люди, потому что они действительно повинуются своему внутреннему порядку и действительно следуют смыслу того, чем они призваны быть, никогда не выходя за рамки этого. Только человек способен это делать, и мы знаем, до какой степени.

Вы видите, что тело говорит здесь нечто очень интересное: *mens*, ум, связан на латыни с *mensa* (столом), *mensura* (мерой) и *mensis* (месяц; множественное число *menses*). Таким образом, оно вдруг верно проявляет интуицию и говорит: «О, мы связаны. Ты *mens* — тот, кто хочет сосредоточиться на духовном порядке, а то, что меня интересует, — это жизнь здесь, на этой земле, еда и прочее, в этом тоже есть *mens*». Если бы *corpus*'у было разрешено поговорить немного больше, они могли бы пожать друг другу руки и согласиться, что в основном они следуют одной и той же линии. Тело должно прислуживаться к своей *mensura* по поводу *mensa*, и это именно то, что хочет *mens*, поэтому нет необходимости в конфликтах. Но *mens*, имеющий свои эмоциональные предрассудки, продолжает: «О, ты не должно так много есть, тебе нужно помнить, что ты скоро умрешь», — читает эмоциональную проповедь бедному телу.

Таким образом, читать текст нужно очень тщательно. Если вы делаете это, всегда прислушиваясь к тому, что говорит тело, тогда вы поймете, что существовала возможность союза. Но *mens*, просто чтобы запугать тело, размахивает угрозой смерти, и, естественно, телу это не нравится. И даже после этого тело почти понимает или действительно готово понять, потому что оно говорит: «А скажи мне, что такое смерть?». А потом пришли все эти очень условные фразы вроде: «Ты пришел от смерти и к смерти возвратишься», и «*anima* находится между [жизнью и смертью], но она будет спасена в вечности», и «Ты, тело, просто боишься смерти». Затем бедное тело говорит: «Что ж, я не стало умнее, чем раньше».

Таким образом, несмотря на свои попытки понять, тело не может совладать с тем, что имеет в виду *mens*. Это выглядит как если бы они просто обвиняли друг друга в сумасшествии и не могли объединиться. Как мы увидим позже, это не так плохо, как выглядит в данный момент обсуждения. Затем *mens* продолжает пытаться объяснить, что такое смерть.

> MENS: Послушай, то, что ты называешь смертью, для меня означает начало вечной жизни, и я не могу себе представить ничего более приятного, но ты ненавидишь смерть, потому что она отнимает у тебя мирские удовольствия. Тебе нужно знать, что между мирскими удовольствиями и вечным блаженством такие же отношения, как между желчью и медом, но ты само знаешь, что все удовольствия [*mens* подразумевает неумеренные удовольствия — похоть, жадность; по-латыни

> это *voluptas*, что, как известно, означает есть слишком много и переусердствовать в чем-то] заканчиваются тошнотой, а после тошноты происходит еще худшее: болезнь и, наконец, смерть. Когда ты ешь, ты всегда хочешь еще и еще, и ты никогда не прекращаешь желать больше, и то же самое с питьем, и несмотря на это, ты боишься смерти. И все же ты само причиняешь себе смерть, ты, ненасытное тело. Тот, кто не может защитить себя от того, что для него плохо, и кто боится того, кем является сам, — это человеческое тело, которое не живет в гармонии с *mens* [вы видите, что *mens* утверждает, что его мера правильная], и оно более несчастно, чем любое животное, потому что животные желают только самое необходимое для них.

Тайным образом *mens* возвращается к тому, что хочет сказать тело. Он уже действительно принял эту мудрость и знает, что у животных нет такой проблемы и что если бы человеческое тело, в той мере, в какой оно есть животное, просто прислушивалось к своей внутренней тошноте и другим реакциям, дающим нам намек на внутреннюю меру, то не было бы никаких проблем. Так, обходным путем, притворяясь, что не согласен, *mens* теперь проповедует то, к чему до этого подводило тело, так что они на самом деле не так далеко друг от друга, как кажется. Только человек с его разумом может переусердствовать и даже есть то, что его убивает. Но затем идет длинная моралистическая проповедь против переоценки удовольствий тела: «О, бедное

тело, ты действительно боишься только себя, потому что от тебя приходит смерть в результате желаний». На самом деле *mens* обвиняет тело, что оно неправильно не само по себе — само по себе оно действительно хорошо, *mens* это признает, — но потому, что у него есть эти неумеренные желания. Сейчас мы бы сказали, что преувеличенные желания — это психологическая проблема, не имеющая ничего общего с телом, но связанная с тенью.

И таким образом *mens* спроецировал тень на тело, а затем преподнес ему все эти проповеди, но если бы мы отделили тень от тела и приняли последнее за то, чем оно является, — за вполне разумное животное, у которого есть свои собственные внутренние духовные законы, — не обвиняя его и не говоря, что все желания происходят от него, то обсуждение перешло бы другой уровень, и вопрос был бы в том, откуда же приходят эти безмерные желания. Откуда эта невротические тенденции к перееданию и так далее появились в нашей картине? Сейчас мы бы видели это ясно, как психологическую проблему, а не обвиняли тело, но в то время, не имея понятия о бессознательном, люди не могли понимать это таким образом.

Затем *mens* продолжает проецировать, говоря: у них есть невыясненные теневые проблемы, которые они просто бросают один в другого, обвиняя друг друга в непоследовательности. *Mens*, однако, вообще не логичен, но обходит кругом в своей логике, говоря:

> «Теперь посмотрим, как ты непоследовательно, ты не можешь устоять против других людей или даже против себя. Теперь, пожалуйста, будь разумным, насколько это возможно,

> и не смущайся так сильно, потому что нам нужно бежать в сады *Frequentia* [Повторения], и там ты услышишь об этом больше!»

Следующий отрывок подводит итог четвертой главы, которая описывает третью степень внутреннего развития:

> «Вы должны знать, братья, что все, о чем я упоминал раньше, и все, что я буду упоминать потом, может быть отнесено к алхимической подготовке. То, что я сказал о частях человека как отделении путем спекулятивной философии, может так же точно быть применено к отделению одного элемента от всех других тел».

Дорн вдруг испугался, что можно было бы неправильно понять это как чисто внутреннее моральное обсуждение, как своего рода нравственную проблему, как будто он обсуждает внутренние побуждения и не понимает это как объяснение настоящей алхимии, настоящей химии. На этом раннем этапе химии простейшим способом разделения различных веществ было их нагревание. Как вы знаете, различные элементы имеют разную температуру, при которой они начинают испаряться, поэтому если у вас много химических веществ и вы их нагреваете, сначала испаряется один элемент и вы можете осадить его, а затем другой, и вы можете осадить и его тоже, и так далее. В те времена часто разделяли различные химические элементы и сплавы подобным образом. *Mens* говорит здесь, что с помощью тепла можно разделить различные вещества,

> «и это то, что я делаю в этом диалоге. Я действительно использую огонь для разделения различных элементов. Поэтому это не следует понимать как моралистическую религиозную проповедь, как текст средневекового святого, но нужно понимать химически, и если такое разделение не сделано, то алхимики никогда не найдут универсальное лекарство, излечивающее все болезни. Нет ни одного слова во всей этой книге, которое не относится к искусству алхимии и его объяснению».

Таким образом Дорн хочет отринуть идею, которая легко могла бы прийти, что он подразумевает лишь внутренние психические конфликты человека, а не природные явления. Здесь вы снова видите, как концепция коллективного бессознательного, как понимал ее Юнг, служит сохраняющим фактором. Только благодаря этой концепции мы можем видеть внутренний конфликт объективно, без проецирования его на тело или на субъект.

Mens является более или менее развитым хорошо осмысленным эго-сознанием, с религиозным убеждением и самоконтролем, имеющим в своем распоряжении всю мудрость христианской традиции, в время как тело несет проекции многого из того, что мы сейчас назвали бы бессознательным и, более конкретно, тенью.

Но, не имея концепции бессознательного, Дорн не может решить эту проблему: либо этот конфликт существует в *mens*, и тогда напряжение находится на уровне эго, либо это чисто химическое нарушение в природе. Среди современных людей 80 % все еще думают подобным образом, потому что еще

не видели важности концепции бессознательного. Они по-прежнему видят только субъекта с личными конфликтами, а *mens*, естественно, находится в том же положении. Всегда существовала тенденция недооценивать конфликты либо материалистически — думая, что вся проблема находится в теле, которое нужно излечить химической медициной, — либо психологически, но подразумевая, что проблема заключается только в том, что субъект думает о себе, в сложностях, которые имеет с собой и создает для себя эго. Мысли, что конфликт может лежать в другой области, то есть в бессознательной психе, где также находится и излечение, естественно, не было. Теперь вы поймете, почему Юнг был вынужден вернуться в XVII век, запереться там и изучать процесс оттуда[7].

Но здесь Дорн четко утверждает (поскольку постепенно понял это), что он говорит не только о сознательном конфликте, но о чем-то ином: об исцеляющем факторе — он бы сказал, божественном духовном лечебном факторе в материи или в природе. И вот почему он заканчивает эту главу, говоря, что нужно понимать, что он описывает не моральный конфликт, но алхимическую процедуру.

Дорн продолжает объяснять это и далее:

«Философская любовь и вражда в материальной части такая же, как в частях тела человека. Объединение двух может быть достигнуто, только если до *coniunctio* сначала удалить разрушение, и именно поэтому надо помирить врагов,

[7] Ср. C.G. Jung, «Memories, Dreams, Reflections».

чтобы они стали друзьями. Во всех несовершенных телах [металлах, которые можно найти в природе], которые еще не достигли своего полного совершенства, одновременно существует состояние дружбы и вражды. Но если, с большим пониманием и усердием, человек удаляет вражду, то, как мы объяснили, они достигают совершенства через становление в человеке в единстве. Таким образом, отдели нечистые части в каждом теле огнем и очисти их (чистым частям это не нужно). Затем смешай снова то, что было очищено, с чистым, то, что тяжело, с тем, что легко, и после того, как ты возгонишь это, ты сможешь сотворить то, что фиксировано и изменчиво, и то, что является физическим и духовным».

Вы видите, каков ход мысли Дорна: он начинает с религиозного учения, затем спускается к проблеме, какова она есть в человеке с его конфликтами, затем он применяет это к телу, а затем к элементам природы в целом, и говорит, что во внешней природе — скажем, в обломке руды, в куске дерева или в камне — точно такая же ситуация, как с человеком: то есть состояние напряженности, вражды с одной стороны и некоторое количество любви с другой. Он подразумевает отталкивание и близость в физическом смысле, и здесь тоже нужно идти путем удаления отталкивания, или вражды, из всех различных частей, так, чтобы все они могли быть объединены.

Его ассоциация с историей алхимии состоит в том, что золото, сейчас понимаемое как реальный металл, есть идеальное состояние каждого металла. Железо,

медь, сплавы и так далее — просто пока несовершенные металлы, которым препятствует то, что враждебно к ним. Поэтому, если вы делаете такое высшее *separatio* и удаляете все, что тормозит внутреннее развитие этого металла, он естественным образом станет золотом.

Такова была теория алхимиков, и мы не слишком убеждены, что это действительно можно понимать буквально, по крайней мере не в отношении материи. Для нас, однако, это дает ясное представление о том, что мы обнаружим в бессознательном, которое содержит одновременно тенденции противоречия и распада. Тенденция распада может привести к психозу, если бессознательное и сознание сталкиваются, потому что тогда конфликт торжествует, и человек распадается на все те части, которые враждебны друг другу, как, например, психотик слышит различные голоса, которые ссорятся друг с другом. С другой стороны, мы также знаем, что бессознательное содержит тенденции синтеза или интеграции, которые исходят от регулирующего центра, который Юнг называет Самостью.

Самость является центром интегрирующих тенденций и исцеления в пределах бессознательного, так что мы можем сказать, что по-прежнему действуем так же, как алхимики. Мы стараемся удалить вражду между элементами, не отбрасывая ее, но заставляя людей объясниться со своими конфликтами, самим противостоять своим конфликтам, а не просто дать им происходить в бессознательном, а также путем поддержки интегративных тенденций бессознательного. Если кто-то видит сны, которые предлагают решение, мы продолжаем, заставляя эти сны и их

стремления подняться в сознание и поддерживая и вдохновляя, так сказать, тенденции интеграции. Очень часто в мотивах таких снов видишь вражду элементов как борющихся животных: как во многих сказках и мифах, сражаются птица и змея, или две птицы, или две собаки, сплетенные вместе в борьбе[8]. Борьба животных всегда символизирует конфликт в самом бессознательном, когда две инстинктивных тенденции сплетаются рогами. Если туда входит сознание, то конфликт меняется.

То же самое происходит в сказках, где герой находит дерущихся животных и примиряет их, а затем получает от них подарки. Одно животное дает ему орлиное перо и говорит: «Когда бы ты ни позвал меня, я помогу тебе», а другое дает ему волосок из своего хвоста и говорит: «Всякий раз, когда придет нужда, просто возьми волос и сожги его, и я приду к тебе на помощь»[9]. Это мотив бесчисленных мифов и сказок. Там тоже есть эта вражда различных элементов внутри бессознательного, которая через вмешательство сознания может быть решена путем компромисса или путем сознательного конфликта.

Это открывает путь тенденциям интеграции Самости, чтобы те могли продвинуться вперед и работать на интеграцию и объединение личности. Эти конфликты возникают частично от воздействия окружающей среды и, вероятно, от того, что наша психика наследует противоречивые тенденции от наших предков. Мы, как правило, рождаемся

---

8 M.-L. von Franz, «Individuation in Fairy Tales».

9 M.-L. von Franz, «Shadow and Evil in Fairy Tales».

Михаэль Майер, «Atalanta fugiens».
Эмблема XLVII. Lupus ab Oriente et Canis ab Occidente venientes se invicem momorderunt. «Волк с востока, Собака с запада набрасываются друг на друга».

с определенным их количеством, и если мы не будем заниматься ими, они воюют внутри нас, борются между собой за нашей спиной и таким образом ослабляют и отвлекают сознательную личность. Такие конфликты можно наблюдать на уровне животных: все, наверное, хоть раз да видели маленькую собачку, которая пятится и в то же время неистово лает, дрожа и испытывая страх перед большой собакой?

Дорн продолжает:

«Теперь я должен предостеречь читателя, чтобы он сделал определенные различия таким образом, чтобы не запутаться и не начать сомневаться во всем целиком. Если я упоминаю бездушные предметы, речь идет о растительном и минеральном царствах, то есть царствах растений, камней и металлов на земле. У этих предметов, однако, также есть свои растительные и минеральные души. Поэтому, если я говорю о мертвых телах, никто не должен думать, что я хочу идти против алхимиков, которые считают, что все в природе обладает духом, душой и телом».

Дорн считает, что даже то, что мы грубо называем мертвой материей, имеет некую собственную психику, хотя и иного качества, чем человеческая психика. Когда он говорит о мертвой материи, он выражается разговорно, он убежден, что не существует такого понятия, как мертвая материя. Дорн наделяет душой животное, не рациональной, но чувствительной душой, обладающей, мы бы сказали, более расплывчатым эго-сознанием.

«Чувствительный» означает здесь способный к ощущениям, страстям и чувствам. Некоторые бихевиористы все еще думают, в духе Декарта, что животные — это чисто физические автоматы. Но некоторые школы все в большей и большей степени приходят к выводу, что у животных действительно есть рудиментарные начала всех психических качеств, которые есть у нас, хотя, возможно, не столь развитые, и что у высших млекопитающих есть чувства и реакции, очень похожие на наши. Вот почему этолог

Конрад Лоренц сказал в шутку, что животные — это люди ощущательного типа. Каждый, кто знаком с ними, согласится с этим, и Дорн, по-видимому, мыслит подобным образом.

> «Нужно понять то, что я объяснял ранее, — что есть двойное рациональное разделение [рациональный = *ratio*: обладающий правильным взглядом на вещи]: одно — это произвольное разделение, которое я обсуждал ранее, а другое — естественное разделение, которое не относится к алхимии. [Под этим он подразумевает естественную смерть.] В смерти происходит то же самое, но это не относится к алхимии; это просто событие. Но разделение воспринимающей души и так называемого мертвого тела также двойное, ибо снова одно естественно, а другое искусственно, и снова только последнее относится к алхимии. Произвольное разделение происходит в состоянии, в котором все части сохранились, чего не бывает при естественном разделении. В смерти тело разрушается, но если я ожидаю опыта смерти, как здесь, при этой алхимической процедуре, то тело сохраняется, оно отделено, отложено в сторону и сохранено, и я могу взять его позже. Но если одно и то же разделение происходит по всему телу, я не могу снова взять тело, оно уничтожено. Инструмент произвольного разделения есть дух и дыхание жизни, инструмент естественного разделения есть смерть, а инструментом искусственного разделения [то есть в реторте] является огонь. Но я не стал

бы возражать, если соединить в одно алхимию *rationalia* [под этим он имеет в виду то, что описал ранее в диалоге] с эффективным ощущением и так называемым мертвым телом».

Это звучит очень странно, потому что Дорн всегда говорит о них как о двух, но заявляет, что не будет возражать, если их будут понимать как единое целое. Другими словами, он просто не в состоянии использовать то, что можно было бы назвать унитарным языком, и потому всегда вынужден говорить о так называемых внешних вещах в реторте или в металле и так называемых внутренних психических фактах, которые он называет *rationalia*, а мы назвали бы бессознательным. Но он утверждает, что не возражает, если их действительно будут понимать как единое целое.

Дорн столкнулся с трудностью, которая существует в современной психологии до сих пор. Физик Вольфганг Паули всегда говорил, что теперь нам нужно постараться найти нейтральный, или унитарный, язык, в котором каждое понятие, которое мы используем, применимо как к бессознательному, так и к материи, в целях преодоления того ложного мнения, что бессознательная психика и материя — это две разные вещи[10]. У нас до сих пор нет такого унитарного языка, а уж у Дорна его не было и подавно. Потому он был вынужден говорить двойственным

---

[10] Вольфганг Паули, лауреат Нобелевской премии по физике 1945 года. Он преподавал в Швейцарском федеральном техническом институте в тот же период, что и Юнг.

образом, но в то же время он всегда уверяет, что его следует понимать единым образом. Он не может выйти за пределы этого, потому что выражать свою интуицию единства ему мешает язык того времени. Но он говорит здесь: «Я не хочу создать впечатление, что я оставил природную алхимию». Любой, кто читает эту исключительно моральный, этический спор, может сказать: «Хорошо, это моральные и богословские проблемы. И какое отношение они имеют к природной алхимии?» — имея в виду то, что происходит в реторте, — но Дорн не хочет создавать такое впечатление.

Он продолжает:

> «Надо понимать это правильным образом, и поэтому я сейчас начну с *separatio*. Вы знаете, что человек живет только некоторое время, а затем, в соответствии с природой, он разделяется на дух, душу и тело, и тело растворяется в гниении смерти. Затем природный огонь тела, тепло тела, останавливается, и *humor radicalis*, основная радикальная жидкость тела, перестает течь. Затем дух и душа оставляют тело, и тело помещается в землю, и там, в процессе гниения, оно распадается на элементарные части, каждая из которых возвращается к своему элементу: земля пожирает земные части тела, вода — жидкие и так далее. Дух и душа, однако, возвращаются к своему истоку, но они не должны оставаться отделенными от тела навсегда и, следовательно, в дальнейшем воссоединяются с ним в лучшем составе через божественное искусство, чтобы потом они не были

больше разделены. И высшая ценность союза заключается в том, что они становятся неразделимым соединением всех частей в одно целое».

Здесь Дорн описывает идею тела славы, или физическое воскресение после смерти, как оно преподносится в христианстве. Для него естественная смерть воспринимается как временное разделение, в течение которого тело распадается, а другие две части отделены от него. Тогда Бог предстает великим алхимиком, который потом, божественным искусством, объединяет их. Он каким-то образом воскрешает тело, а затем в этом втором объединении тела, ума и души они действительно становятся полностью одним. Вы помните, я говорила, что один из корней алхимии идет от египетского стремления к созданию вечного тела. Многие химические и алхимические процедуры — это действительное продолжение химических попыток египтян мумифицировать тело так, чтобы создать вечное тело как поддержку и цель для продолжения жизни духа и души после смерти. Таким образом, вы видите, насколько далеко этот архетип уходит в века.

Дорн принимает христианское учение о теле славы точно так же, как египтяне, для которых физическая мумия была тем, что мы сейчас назвали бы телом славы, химически преображенным телом, в то время как для христиан идея в том, что Бог совершает чудо. Вы, возможно, видели средневековые изображения, где рассыпающиеся скелеты выходят из своих могил, когда ангел Страшного суда трубит в свою трубу; а еще все эти ужасные мысли, будете ли вы так же уродливы, как были при земной жизни, и что будет, если некто

Михаэль Майер, «Tripus aureus», Восьмой ключ. «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Иоанн, 12:24)

лишился ноги? Возродится ли он с деревянной ногой? Проблема тела славы всегда была камнем преткновения для верующих. Даже сегодня, если вы спросите пастора, как это произойдет, он смутится, прежде чем ответить. Вера Дорна была цельной. Он верил в учение христианства и был убежден в нем. И сейчас мы попадаем на правильный путь, потому что если Бог может это сделать, то алхимик, если он сможет войти в соприкосновение с творческим духом Бога, тоже мог бы это сделать и даже может сделать это за время своей жизни! Естественно, он не может сделать это только своими собственными силами, но с помощью медитации он может соединиться с Богом, который знает тайну создания вечного тела. Таким образом вы можете еще

при жизни создавать внутри себя психологическими усилиями бессмертное тело или тело славы, еще до естественной смерти. Это большой труд, и Дорн наряду со многими другими алхимиками приходит к точке зрения, которая хорошо известна на Востоке, а также среди некоторых христианских мистиков.

В некоторых упражнениях йоги для создания алмазного тела и в тех, что описаны в «Тайне золотого цветка»[11], которая является своего рода китайским учебником йогической медитации, целью является создание в смертном теле своего рода тонкого тела, обители духа и души после смерти. Затем, когда происходит распад, умирающее физическое тело сбрасывается, как оболочка, и наружу выходит бессмертное тело славы, которое уже было создано внутри с помощью психологических усилий и медитации. Таким образом, идея, хорошо знакомая Востоке, появляется на Западе практически только в алхимии, потому что алхимики были достаточно озабочены телом и проблемой его прославления.

[11] Ср. C. G. Jung, cw 13, chap. 1

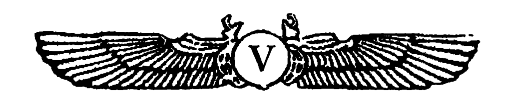
Глава V

СРЕДНЕВЕКОВАЯ МАГИЯ И СОВРЕМЕННАЯ СИНХРОНИСТИЧНОСТЬ

Элиас Эшмол, «Theatrum Chemicum Britannicum». Гармония очень важна, утверждает Нортон и перечисляет пять «Гармоний»: первая Гармония, которую нужно упомянуть, — между разумом и Работой, которая должна быть посвящена Господу, иначе все труды пойдут прахом. Вторая Гармония — между Ремеслом и работником. Третья тоже послужит вашим намерениям — гармония Работы и инструментов. Четвёртая Гармония — в подходящем месте для Работы, а его не так-то просто найти. Пятая — это Гармония и любовь между Работой и высшими сферами.

Мы оставили повествование на степени *Potentia*, или власти, иногда также называемой *Frequentia*, то есть выносливость или настойчивость. Наши герои пришли к замку *Frequentia*, которая прочитала *mens* и телу длинную проповедь о том, как нужно начать работу в саду опуса, а именно в неком длительном, упорном, терпеливом, постоянном осуществлении осознания того, что у них было прежде.

Образ садовника в алхимии появляется очень часто, и главный садовник в старых текстах — это, как правило, бог Сатурн, как всегда в Средние века, перепутанный с понятием планеты Сатурн. В алхимических текстах есть много старых гравюр, где Сатурн, как старый садовник с деревянной ногой, бродит вокруг и посещает сад, где растут так называемые солнечные и лунные растения или солнечные и лунные деревья. Итак, в ассоциациях средневековья Сатурн означает смиренное, меланхоличное, чрезвычайно интровертное, даже закрытое отношение, отрезанность от всех внешних действий, даже от чувств, и близость к холодности смерти и депрессии.

Здесь же не Сатурн, но *Frequentia* — выносливость и упорство — делает дело. Оно придает всему этому чуть более оптимистичный оттенок, но все еще очень связано с этими прошлыми идеями. И мы внезапно подходим к идее внутренней смерти также и в следующей части:

Михаэль Майер, SYMBOLA AUREAE MENSAE. На эмблеме Сатурн поливает землю, из которой вырастают солнца и луны. Чтобы умножить и улучшить Материю мудрецов, превращённую сначала в белую серу (лунное дерево), а затем в красную (солнечное дерево), нужно постепенно, капля за каплей, увлажнять её. Сатурн присутствует в образе садовника, как указание на происхождение ртутной воды.

«Теперь оросите ваше тело водой живою, то есть Словом Божиим. День и ночь размышляйте об этом, чтобы у тела не было времени говорить или думать о чем-то другом. Хорошая почва — это мягкое сердце, которое стыдливо и скромно. С момента грехопадения Адама сердца людей стали тверды, как камни, и если они не будут смягчены снова словом Божиим, они останутся камнями навсегда, и вот почему мы все стали врагами Бога,

Иоганн де Монте-Снайдер (?).
«CHYMICA VANNUS».
Сатурн или Кронос на этой эмблеме также изображён оскоплённым, как его отец Уран. Сатурн пожирал своих новорождённых детей, поскольку ему предсказали, что один из сыновей свергнет его с престола. Однако матери удалось спасти последнего из детей, Юпитера, подложив вместо него камень. Сатурн означает Ночь, Черноту Разложения; также эту стадию называют головой ворона (Caput Corvi). Но именно эта «голова» главенствует над Работой, поскольку без разложения не может быть созидания.

пока вражда эта не будет снова преодолена благодаря высочайшему садовнику и его слуге mens. Поэтому возблагодарим Бога, который счел нас достойными того, чтобы просветить наши сердца Своим светом и смягчить их Своим словом. Идите же теперь и попытайтесь найти добродетель».

Это этап алхимии, который намекает на так называемую вторую смерть, затем на *multiplicatio*, а также *proiectio*. Вновь напоминаю: пожалуйста, не ассоциируйте юнгианские термины с этими. В целом это этап, когда философский камень, после того как был создан в реторте, должен быть еще несколько раз уничтожен, а затем переделан: своего рода полное повторение работы, которое обычно выполняется четырежды. Это повторяемое уничтожение философского камня и его переработка называется *rotatio*, вращение через четыре элемента. После этого реторта, как правило, ломается или открывается, а затем начинается этап *multiplicatio* путем проекции.

Идея состоит в том, что философский камень, который есть также форма мистического золота, которое пытались сотворить алхимики, сделан, а затем брошен на другую, нечистую материю, которая не была включена в процесс, например обычное железо, обычный свинец или любой другой материал. Затем он показывает качество преобразования, поскольку трансформирует эти другие материалы через *proiectio*, проекцию. Он преобразует их в золото и обладает тем, что можно было бы назвать положительным, заразным влиянием на другие материалы. Если, как алхимик, вы сделали частичку материала

этого мистического золота в реторте, тогда, когда вы открываете ее, она распространяется на другой материал. Иногда у этой идеи есть вариант, что вы сделали не твердое, но жидкое или питьевое золото, или род эликсира, и тогда умножение *proiectio* соответствует последующему исцелению других людей и других вещей. У него снова есть этот вид исходящего положительного заразного воздействия.

Этот этап также можно найти в некоторых упражнениях восточной медитации, в частности в дзэн-буддизме. После того как вы обрели самадхи — внутреннее просветление или, мы бы сказали, контакт с Самостью или ее ощущение, — встает проблема того, как жить дальше. И вот, в известной серии «Zen Buddism Oxherding Pictures» («Дзэн-буддийские пастушеские картинки»)[1], после того как новичок испытал большой опыт трансцендентности и просветления, или самадхи, есть последняя картинка, на которой мудрый старик с легкой дружелюбной улыбкой на лице идет с чашей для подаяний в сопровождении своего челы (ученика), и стихотворение гласит: «Он забыл богов, он забыл даже свое просветление. Он просто идет на рынок за подаянием, но куда бы он ни шел, везде цветут вишневые деревья».

Здесь вы видите исцеляющее влияние на внешние вещи, даже на природу. Это возвращение к наивному, бессознательному образу жизни, что означает также снова жить наивно в реальности как она есть,

---

[1] См. J. Marvin Spiegelman and Mokusen Miyuki, «Buddhism and Jungian Psychology: The Ten Oxherding Pictures» (Phoenix, Ariz.: Falcon Press, 1985), pp. 104–113.

без каких-либо искусственных усилий сдерживания эмоций, фантазий или мыслей, а скорее содержа ее в реторте и так, очевидно, возвращаясь к начальной стадии бессознательного. На самом деле это не совсем так, потому что это уже происходит на более высоком уровне, что проявляется косвенно в том, что мастер дзэн на этом этапе достиг мягкости сердца и способности жить таким образом, который, возможно, лучше всего был описан Лао-цзы: мягкость и печаль, в которых он чувствует себя одиноким, в то время как все другие думают, что знают все, знают, что они хотят и о чем думают[2]. Здесь, в алхимическом *multiplicatio*, хотя и проецируемая в материю, есть та же идея: *mulitiplicatio* как возврат к начальной стадии, разрушение реторты, что означало бы прекращение искусственного упражнения в интроверсии и интроекции собственных проекций, таким образом позволяя бессознательному течь через себя без постоянной концентрации на этом — абсолютное переворачивание начального этапа того, что мы делаем.

Например, при анализе, когда люди делают проекции на внешний мир или наивно уступают своим чувствам и аффектам, мы стараемся заставить их принять проецирование обратно и видеть вещи объективно, как внутренний фактор. Это упражнение сейчас перевернуто, и бессознательному позволяется течь через человека, а затем оказывать положительное влияние на окружающее.

Дорн, который был в основе своей христианином, сравнивает это с размягчением сердца и подготовкой

---

[2] Ср. C. G. Jung, «Memories, Dreams, Reflections».

к получению Слова Божия, что означало бы чувственную реализацию христианской истины.

Дорн усиливает эту проблему сердца в своем знаменитом комментарии к статье Парацельса «De Vita Longa», который Юнг, в свою очередь, обширно прокомментировал в своей большой статье о Парацельсе. Сущность учения, представленного там, исходит от Парацельса, но Дорн добавил весьма поучительные уточнения. Ассоциации, которые Дорн, вероятно, имел в виду, таковы: сердце, согласно Парацельсу и Дорну, является местом возбуждения, эмоций и чувств, чувственной жизни, потому оно очень беспокойно. На него очень легко повлиять и оно постоянно отрицательно или положительно откликается на внешний и внутренний опыт. Тем самым оно перетруждает себя, что очень часто приводит к преждевременной смерти из-за какой-нибудь болезни кровообращения или сердца. Поэтому можно сказать, что если люди преждевременно перетруждают себя, это очень часто связано с множеством неконтролируемых чувств и эмоций, что приводит к «болезни менеджера» или сердечному приступу.

У сердца, грубо говоря, четверичная структура, по крайней мере Парацельс и Дорн видели его таким образом. Поэтому для медицинских философов того времени оно символизировало Самость, но как чувство-реализация. Они предположили, что в сердце находится определенное количество воздуха, который может вырваться наружу и вызвать внезапную смерть или инфаркт. И потому предложенное ими медитативное упражнение было направлено на то, чтобы выпустить воздух из сердца и уменьшить эмоциональные или чувственные реакции на внешние

события, так, чтобы реагировать полностью на ритмы Самости. В этой работе есть попытка очень сложным алхимическим языком объяснить восстановление сердца, благодаря которому оно стало спокойным и приобрело регулярный, размеренный ритм; у него есть еще чувства-реакции, но только направленные на то, что Парацельс и Дорн называют *Adech* или *Aniadus* и подобными сложными именами.

Юнг разгадал этот тайный язык и показал, что то, что эти авторы имели в виду под этими именами, соответствует тому, что мы сейчас назвали бы Самостью. Например, *Adech* — это вечный человек и подобные ассоциации. Это восстановление сердца продлевает жизнь людей. Такова была медицинская теория Парацельса и Дорна, и я могу сказать только, что мне с современной точки зрения кажется, что в ней заложено многое. В нашем контексте смягчение и успокоение сердца вызывает схожие ассоциации: сердце лишается некой автономной зависимости от эго, от его желаний и импульсов, и становится мирным и обособленным. Функция чувства, оторванная от внешнего, затем открывается Слову Божию и некому чувству-реализации христианского учения. Вот в чем суть этого садоводческого процесса, и это ответ на последнее предложение, которое я до этого процитировала в тексте, где у Дорна mens говорит, что нужно выполоть все дурные мысли, вражду и злые дела; но затем Дорн внезапно совершает некий странный скачок мысли: он добавляет, что злые дела и мысли воспринимаются не телом, но *animus*'ом через тайное проявление его воображения, которое организм приводит в действие.

Я указала в предыдущей главе, что случился внезапный огромный поворот, поскольку до сих пор

мы всегда думали, что тело есть вместилище зла и всех этих безмерных аппетитов и что *mens* является разумной и высшей частью личности, которая должна покорить и просветить это мятежное тело. Другими словами, то, что мы называем Тенью, проецируется на физического человека; и вдруг мы слышим, что тело не содержит в себе никакого зла, оно полностью нормально и невинно, но существуют тайные упражнения в злом воображении, которые, очевидно, исходят от человека, который мыслит злое, а затем заставляет тело выразить его. Можно сказать, что сейчас проекция Тени на тело была взята обратно; последнее вернулось к своей первоначальной невинности, и автор понимает, что проблема зла теперь в *mens*, внутри той части личности, которая до этого была описана как чистая и соответствующая христианскому учению. Теперь возникает идея, что источник зла есть сердце. Подводя итоги развития мышления Дорна, мы видим, что, оставляя тело в стороне, *animus* и *anima* вместе создали *mens*. Основная часть цитированного мною активного воображения посвящена дискуссии между *mens* и телом. Последнее, потерявшее *anima*, вышедшую замуж за *mens*, не хочет присоединяться к ней. Mens проповедует телу, и они проецируют друг на друга и называют друг друга сумасшедшими. Но благодаря внезапному повороту Дорн впервые включает зло в проявления *animus*'а. Зло вновь выведено на свет в более сознательной части партнерства, но затем оно снова проецируется, на этот раз в сердце[3].

---

[3] M.-L. von Franz, «Shadow and Evil in Faiiy Tales».

Следующий вопрос, который стоило бы задать: куда уходит то зло, которое получает *animus* от своих тайных проявлений воображения?

Но сердце, в которое сейчас проецируется зло, понимается как физический или психологический орган? Здесь Дорн опять говорит неоднозначно. И сердце понимается как новый объект, на который проецируется битва, оно находится в положении между материей и духом, между духовной и материальной сущностями; именно в этой промежуточной зоне сейчас и происходит психологический конфликт. Однако еще существует христианская идея, что зло нужно полностью отбросить и оно не может быть интегрировано; оно должно быть выброшено из сердца, что значит, что отвердение сердца, его эмоциональность и мятежные реакции должны быть как-то перевоспитаны. Этот процесс в развитии науки в последнее время происходил снова и снова: бессознательное психе всегда проецируется на некую часть тела. Для Декарта, например, это была шишковидная железа[4]. Позже появился миф о мозге, который все еще имеет значение для ряда современных неврологов, психиатров и психологов, которые проецируют бессознательное на мозг. И подобным образом проекция медленно идет дальше. Самые примитивные племена обычно проецируют психе в жир вокруг почек — например, австралийские аборигены; некоторые африканские племена проецируют ее на живот; а для североамериканских индейцев местоположение

---

[4] M.-L. von Franz, «Dreams» (Boston: Shambhala Publications, 1991), «The Dream of Descartes».

психики — сердце[5], так что они на том же этапе, что и Дорн. В дальнейшем она перешла, как уже упоминалось, в шишковидную железу, а затем в мозг. Таким образом, проекция всегда падает на часть тела.

В этом отрывке нашего текста, после неудачной попытки привнести больше ясности в проблему зла, делая *mens* (или скорее его *animus*) ответственным за нее, проекция вновь начинает работать, и все снова становится неопределенным. Тело скоро справится с этим, но оно несколько медлительно и не доходит до сути немедленно. И потому *mens* продолжает проповедь, что в каждом виде искусства и, следовательно, также в искусстве алхимии человеку нужно то, что можно было бы назвать регулярными упражнениями в самообразовании; именно поэтому *mens* добавляет, что лишь немногие преуспели в создании универсального лекарства: прежде всего те, кто благодаря благодати Божией превратил себя в то, что искал. Это означает, что, прежде чем вы сможете найти универсальное лекарство, которого хотите достичь в этой работе, вы должны сначала сами стать этим лекарством.

Дорн продолжает:

> «Они очистили свои тела от всякой скверны, и они удалили облако из природного тела. Поэтому я советую вам, изучающие это великое искусство, сначала молиться Богу, а потом учиться и работать, и, возможно, с вами случится так, что вы достигнете того,

---

[5] Ср. C. G. Jung, «Memories, Dreams, Reflections».

что даритель света может дать вам во имя Христа, но сначала отразите хорошо, что значит просить Отца в Сыне».

Здесь есть одно понятие, которое относится к длительному историческому прошлому учения о символах, — понятие облака. В алхимии символ облака играет огромную роль, поскольку слово «облако» использовалось для любого вида сублимированного или сгущенного вещества. Когда вы испаряете материал в реторте, то, естественно, верхняя часть реторты заполняется парами, и алхимик сравнивает их с облаками в небе. Образ облака также имел мистический смысл. Известен, например, средневековый мистический текст «Облако неведения», написанный в монашеских кругах неизвестным автором. Этот текст содержит ряд духовных упражнений для подготовки адепта к такому опыту.

Облако в пределах мира христианского мистицизма подразумевало, что по мере все большего и большего приближения к божественному свету путем медитации, духовных упражнений, смирения и покорности в конце концов появляется Божественный свет, но не как большая освещенность, а как затемнение света человеческого и ощущение тьмы и путаницы. С другой стороны, в языке средневековья облако было всегда связано с ментальной путаницей, вызванной дьяволом. Многие такие тексты цитируются в «Aion»[6]. Юнг собрал коллекцию, которая описывает Северный полюс как место постоянного отсутствия солнца

[6] C. G. Jung, cw 9/ii, Aion.

и облачности. В этой туманности, во мгле и облаках обитает дьявол, который оттуда распространяет свою запутанную бессознательность по всему миру. Итак, облако — это то, что окружает и дьявола, и Бога, другими словами, то, что окружает символ Самости в его светлом и темном аспектах[7]. На практике это соответствует опыту, который люди не любят принимать, но к которому Юнг обращался снова и снова: с возрастанием прогресса в процессе индивидуации, чем глубже и ближе люди становятся к Самости внутри себя, тем более запутанной и сложной становится ситуация. Она не становится легче.

Мы часто спрашивали Юнга, на каком этапе процесс индивидуации был самым трудным, в начале или в конце, и он сказал: трудно было и там, и там. В начале трудность заключается в отсутствии осознания своих тени и анимуса или анимы, и большинство знает, как это может быть мучительно; эти проблемы сбивают с толку, но эта форма путаницы обычно медленно спадает. Инфантильная глупость, которой большинство людей мучают себя в начале процесса, понемногу исчезает. В этом смысле начало наиболее трудно, а затем все становится легче. Как только человек по-настоящему понял, что нет прогресса и нет иного решения, чем привыкнуть к очень простой вещи: снова и снова просто смотреть в любой ситуации на субъективный фактор всех нарушений порядка и пытаться интегрировать его на этом уровне, — многие внешние трудности и глупости, которые

---

[7] M.-L. von Franz, The Feminine in Fairy Tales (Boston: Shambhala Publications, 1993).

мучили человека, просто отпадают. Таким образом можно надеяться, что процесс индивидуализации в ходе своего развития, хоть он и страшен в самом начале, стал бы легче и удовлетворительнее, если сравнивать с тем, что происходит в духовных упражнениях, и с символизмом алхимии, который частично обещает то же самое. Алхимическая прогрессия — *nigredo*, *albedo*, *rubedo* и *citrinitas* — вселяет надежду, что возможно достигнуть лучших и высших состояний внутренней ситуации.

Это, однако, не вся правда, хотя нельзя объяснить, почему это так, но на практике мы видим, что чем дольше люди работают в этом направлении, тем более тонкими становятся признаки бессознательного и тем хуже становится наказание или отбрасывание, если человек делает даже небольшую ошибку. На начальных стадиях люди могут совершать самые страшные грехи бессознательности и глупости без необходимости платить за это многим. Природа не мстит. Но когда работа прогрессирует в течение многих лет, даже небольшое отклонение, намек неверным словом или мимолетная неправильная мысль могут иметь худшие психосоматические последствия. Это как если бы она стала еще более тонкой, двигаясь по лезвию бритвы. Любая оплошность чревата ужасной катастрофой, в то время как раньше можно было тащиться в километрах от дороги без того, чтобы бессознательное хотя бы дало пощечину или взяло реванш любым другим образом.

Сложность действительно возрастает, и это сопровождается тем, что люди на поздней стадии аналитического процесса видят сны, которые сложнее трактовать. На начальном этапе то, что сны говорят

людям, очевидно. Сами люди, возможно, этого не видят, но для аналитика это не представляет никаких усилий, толкование просто лежит на видном месте на столе. Но чем дольше продолжается процесс, тем больше сны становятся явно запутанными и парадоксальными или же тонкими и очень сложными. Также и вопрос, интерпретировать ли их на субъективном или на объективном уровне, становится более тонким. Например, люди, которые прошли длинный путь в этом направлении, чаще видят сны об объективных внешних ситуациях. Это как если бы они очистили свою собственную психику: она не беспокоит их больше, их собственные проблемы тени очищаются, так сказать. Тогда определенные мировые проблемы, или мировая ситуация, или проблемы объективного окружения становятся более неизбежными или актуальными. Если в начале, как правило, не рекомендуется воспринимать сны на объективном уровне, то чем дальше идет процесс, тем больше подвергаются сомнению другие проблемы. Это делает процесс очень трудным, потому что решение, нужно ли толковать сон на субъективном или объективном уровне, принимается чувством.

Мы еще не нашли каких-либо достоверных научных критериев для принятии решения о том, указывает ли сон на какие-то внешние ситуации, которых мы еще не знаем, — является ли он, например, предсказанием будущих событий, которые не касаются личной внутренней ситуации, — или же его нужно рассматривать как внутреннюю драму, как мы обычно и привычно поступаем. Чем ближе человек подходит к Самости, тем более опасной становится ситуация и тем сильнее он влипает в облако путаницы.

Итак, облако или устранение облака имеет отношение к попытке проникнуть в эту запутанную ситуацию.

В нашем тексте облако, очевидно, должно сначала быть удалено от физического тела, и это означало бы бессознательность на начальном этапе. Говоря современным языком, мы бы теперь интерпретировали это как принятие обратно проекций. Но, как я сказала, это облако не исчезает, она лишь переходит в другую область, и вы увидите, что *mens* быстро оказывается полностью потерянным в этом облаке.

Мы подходим к небольшому кусочку активного воображения в виде следующего диалога. Это тот диалог, в котором *mens* и тело дискутируют друг с другом.

MENS: Ты слышало, что сказала *Frequentia*?

ТЕЛО: Да.

MENS: Тебе это нравится?

ТЕЛО: Не особенно.

MENS: Почему?

ТЕЛО: Ну, это все очень сложно, я не понимаю, к чему это все.

MENS: Для твоего собственного счастья.

ТЕЛО: Ну, я надеюсь.

MENS: Скажи, ты знаешь, что есть вторая жизнь после этой?

ТЕЛО: Да, знаю.

MENS: И что есть также вечная смерть?

ТЕЛО: И об этом знаю.

MENS: Поэтому ты должно жить в этом мире, как если бы ты жило вечно.

ТЕЛО: Что ж, я пытаюсь, как видишь.

MENS: Нет, наоборот, изо дня в день ты умираешь все больше и больше.

Тело: Ты с ума сошел.

Mens: А теперь послушай: люди, которые живут в этом мире, умирают с этим миром, и только те, кто живет во Христе, умирают *для* мира.

Тело: Кто может понять это?

Mens: Разве ты не читало в Евангелии, что если зерно, упав в землю, не умрет, то останется одно?

Тело: Какое отношение это имеет ко всему этому?

Mens: Ты зерно, упавшее в землю, поскольку ты состоишь из земли.

Тело: Но я ведь только что слышало, как *Frequentia* говорила, что зерно — это Слово Божье.

Mens: Что ж, я вижу, что ты слушало.

Тело: Естественно.

Mens:: Ты плохой богослов.

Тело: Пожалуйста, объясни.

Mens: Если слово, сравниваемое с зерном, относится к Слову Божию, тогда оно имеет активное значение: Слово Божье попадает в сердце человека и умирает там; но можно также понимать это в пассивном смысле, что пока тело и сердце человека, которые были посеяны в земле (то есть стали земными), не умрут и не получат затем зерно Слова Божьего, они не могут быть преображены и принести плоды. Или, выражаясь в более христианском смысле, если зерно Слова Божия не объединится с мертвым телом, то оба останутся отдельными и бесплодными.

Тело: Теперь ты еще и грамматику приплел [активные и пассивные глаголы].

Mens: Ты все еще мятежно, Тело, и я должен держать тебя на пути добродетели, но теперь мы достигли другого места.

Здесь дискуссия полностью распадается, и они просто нелогично беседуют. *Mens* переполняется богословских изысков, и тело очень правильно это отмечает, а *mens* не дает ответа, кроме выговора. Они просто играют в вопросы и ответы, оба полностью запутаны в облаках. И так, колеблясь, без какого-либо решения, они стучат в замок *Virtus*, которая является пятой философской степенью.

Virtus — то же самое слово, что и английское *virtue* (добродетель), но в XVI веке оно еще не полностью имело такой смысл. Корень его — *Vir*, мужчина. И потому *Virtus* в языке XVI века имеет отношение к мужской активности, так сказать, эффективности и результативности. Говорится также о *virtus* химического вещества, и тогда это значит его активное воздействие. Если вещество обладает *virtus* сделать это или то, это означает, что оно имеет активное влияние на прочие химические вещества. Мы должны понимать *virtus* в этом смысле.

Вот вкратце обсуждение:

Mens: Пожалуйста, откройте ваши царские врата.

Vlrtus: Кто там? Кто вы?

Mens: Два ученика философии.

Vlrtus: Чего вы хотите?

Mens: Научиться добродетели.

VLRTUS: Это хорошая вещь, в которой нельзя отказать, но кто был вашим учителем раньше?

MENS: Философская любовь и *Frequentia*.

VLRTUS: Я рад, что вы начали оттуда. Почему вы начали свое изучение?

MENS: Чтобы найти истину.

VLRTUS: Корень и мать всего, что создал Бог, — открытие истины. Но чего вы хотите сейчас?

MENS: Мы хотим применить это на практике.

VLRTUS: По отношению к кому?

MENS: К Богу и ближнему.

VLRTUS: Это хорошее намерение, и я надеюсь, Бог даст вам успех. Как вас зовут?

MENS: Меня зовут *Mens*, а этот парень — Тело.

VLRTUS: Как вы получили эти имена?

MENS: Я получил свое имя от Философской любви, а Тело просто [*vulgo*] так называется.

ТЕЛО: А что общего у *Mens* с Телом?

MENS: Ничего, мы ссоримся по каждому поводу.

ТЕЛО: Что я слышу?

VLRTUS: Тело не хочет оставить мир. Все, что попало в мир, бежит от спасения и может быть возвращено только с величайшим усилием. Но, пожалуйста, входите, братья, и я увижу, что я могу сделать для вас. Садись, тело, ешь и пей, *Mens* я покормлю отдельно.

Затем следует еще одна молитва *Virtus*, чтобы Бог помог в работе, после чего *Virtus* добавляет полемику

против раскола между богословием и *virtus*: другими словами, против интеллектуального теоретизирования, которое отделяет образ Божий от *virtus*, где последнее означает этические обязательства и поведение. Он настаивает на том, что истина того, как человек думает, и истина того, как он действует, должна оставаться одной и той же, выступая против известного раскола, когда интеллект думает одно, а этические и моральные обязательства записаны и положены совсем в другой ящик.

Для нас это более или менее очевидная проблема, которая не отличается от того, что мог бы сказать любой современный христианский писатель. Мы все знаем, что большинство людей, или очень многие, обладают разобщенной психологией: когда они пишут статью или читают книги, или, например, когда духовенство проповедует, они включают одну часть своей личности, а когда речь идет о поведении дома или в практической жизни, они включают другую. У большинства людей это разделение бессознательно. Если пытаться их прижать, цитируя то, что они сказали пять минут назад, то они просто начинают выдумывать, беспокоиться или раздражаться. В анализе встреча людей лицом к лицу с их разобщенной психологией никогда не обходится без огромного эмоционального взрыва. Эти части личности водонепроницаемы и отделены, и если попытаться открыть дверь между ними, обычно неизбежна потрясающая путаница и отчаянная борьба человека за то, чтобы не видеть проблему. В анализе в этот момент врач должен быть осторожным и терпеливым, поскольку становится необходимой полная реорганизация личной психики. Дорн, у которого,

естественно, были те же проблемы, что и у нас, тем не менее спорит с этим.

Затем он продолжает:

> «Во всех естественных вещах [под которыми он понимает химические материалы] есть определенная истина, которую нельзя увидеть своими физическими глазами, но только с помощью *mens*. Это опыт философов, и они в то же время ощущали, что существует *virtus*, который может творить чудеса. Потому не стоит удивляться, что люди, чья вера велика, могут творить чудеса и что они могут даже подчинять неорганическую материю своему *virtus*».

Эта идея имеет давнюю историю. Она пришла в западный мир через философию Авиценны, или Ибн Сины, великого арабского богослова и мистика. Как и большинство исламских мудрецов, он верил в возможность творить чудеса с помощью магии. Он верил в такие вещи, как геомантия, астрология, пиромантия и так далее. Мы знаем, что Дорн также верил во все виды магических процедур, которые, придя из поздней античности, продолжали жить в арабском мире и вернулись в западный научный мир в X, XI и XII веках.

В своей книге о душе, которая была частично переведена на латынь в XI веке, Авиценна дал следующее объяснение магии: что Бог, само собой разумеется, способен творить чудеса *contra naturam*. Он может погасить или разжечь огонь, вылечить неизлечимую болезнь или сделать что-либо еще. Для мусульман

это очевидно. Аллах всемогущ. Но, согласно теории Авиценны, если магически одаренная личность в состоянии медитации и внутренней экзальтации может приблизиться к этому магическому творческому потенциалу Бога, тогда она, так сказать, разделяет его с Богом, и если на этом этапе она страстно желает чего-то, это появляется во внешней природе как чудо. Это учение было принято Альбертом Великим и затем обнародовано в западной натурфилософии в целом.

Очевидно, это относится к тому, что мы назвали бы синхронистическими событиями. Мы тоже убедились, что всякий раз, когда архетип интенсивно концентрируется в чьем-либо бессознательном, могут случиться внешние синхронистические события, соответствующие внутренней ситуации. Мы бы назвали это, как делает Авиценна, экстатическим контактом с творческой силой Божества, но синхронистические события происходят не только с людьми в подобном состоянии. Как указывает Юнг в своем эссе о синхронистичности, такие явления, как правило, возникают там, где есть большое эмоциональное напряжение из-за констелляции архетипа, что всегда создает эффект сверхъестественности.

Всякий раз, когда архетип констеллируется в чьем-то психическом материале, появляется очень большое количество сознательных, а иногда бессознательных эмоций, которые может заметить сторонний наблюдатель. В таких ситуациях наиболее частая кластеризация синхронистических событий происходит лишь в непосредственном окружении и в момент начала психотического эпизода, что означает, что некий бессознательный архетипический контакт констеллировался настолько, что эго-комплекс взрывается.

Моя первая встреча с подобным несколько десятилетий назад произвела на меня глубокое впечатление. Я читала лекции в маленьком городке в чужой стране, и после одной лекции меня полностью высосал и обглодал человек, который был явным шизофреником, хотя также и очень умным, талантливым художником. Я обсуждала с ним всевозможные темы. Затем я ничего больше не слышала о нем, за исключением нескольких сумасшедших писем, на которые я никогда не отвечала, но примерно полгода спустя я получила телеграмму: «Пожалуйста, пожалуйста, помогите мне, я двойной», подписанную его именем. Поскольку это происходило в мои студенческие годы, у меня было время, и поскольку такой отчаянной была мольба в его телеграмме, а город, в котором он жил, был не очень далеко, я поехала туда на поезде. Когда я пришла в его квартиру, я обнаружила, что его поместили в местную больницу, так что я пошла туда. был очень рад видеть меня и находился на пути к выздоровлению. У нас состоялся довольно приятный разговор. Он сказал мне очень удивительную вещь, и я уточнила это у его жены, которая подтвердила. У него была религиозная мессианская мания величия: он был убежден, что спасет мир, и мания медленно развивалась. Это была констелляция архетипа. С возрастом он все более и более идентифицировал себя как нового Христа, но в конце концов его жена, которая не хотела верить, что он Христос, стала настолько раздражать его, что он взял топор и сказал ей, что в ее мозге сидит дьявол, которого он мог изгнать, только ударив ее топором и расколов ей голову. Разумеется, она позвонила врачу, а врач вызвал полицию.

И вот врач с двумя полицейскими пришел в квартиру, чтобы удержать его от убийства жены. Там был коридор, через который входили в квартиру, и в тот момент, когда вошли двое полицейских и врач, человек стоял в этом коридоре и в бреду говорил: «Теперь я распятый Христос». В этот момент раздался сильный грохот. Огромная лампа, стеклянная люстра, которая освещала практически всю квартиру, взорвалась, и все они оказались в темноте среди тысяч осколков, двигаясь на ощупь, пока наконец не забрали этого человека в больницу.

Итак, это были синхронистические события. Этот человек чувствовал, даже позже, в больнице, где он рассказал мне эту историю, что это было доказательство того, что он был Христом, потому что, когда Христос был распят, померк свет солнца и луны! Свет погас, когда Христос был пойман злыми силами! С другой стороны, можно понять это и так: погас не свет солнца, но рукотворная лампа, которая есть не космический свет, но свет эго. Погасший свет был синхронистическим, символическим сопровождением взрыва его эго, лампы, представляющей его эго-сознание. Но этот человек интерпретировал это, как характерно для сумасшествия, в контексте своего сумасшествия.

Это трагическая вещь, которую очень часто можно увидеть на данном этапе и которую позже я также видела при вспышках психотических эпизодов, что эти синхронистические события утверждают безумных в их безумии, потому что для них это кажется доказательством того, что они правы. Даже внешний мир начинает вести себя в соответствии с архетипическим мифом, который поглотил их. Так, интерпретируя

события в архетипическом контексте, с которым они идентифицируют себя, они ощущают это как подтверждение, которое выступает в качестве трагического подкрепления разрушения эго-сознания.

Это только один пример, показывающий, что своего рода эмоциональный экстаз — или скорее эмоциональная одержимость архетипом — совпадает с большей частотой событий синхронистической природы. Это также часто происходит, когда люди эмоционально охвачены каким-то творческим процессом, который всегда близок к состоянию безумия: это просто «позитивный» вариант безумия, вокруг которого часто кристаллизуются синхронистические события.

Есть и другие обстоятельства, в которых происходят синхронистические явления. Иногда они подтверждают сны, как бы поощряя развитие, предложенное бессознательным. Кроме того, чем дальше человек продвигается, тем больше он способен «читать» синхронистичности. Такие ситуации, естественно, уже наблюдались в прошлом. Но тогда их интерпретировали не как синхронистичность, как мы делаем сейчас, но как магию. В Средние века, например, мой пример интерпретировали бы так: этот человек приблизился к творческой силе Бога и поэтому сейчас разделяет способность Бога заставить лампу взорваться. Из-за раскола богообраза в христианстве другая сторона в Средние века сказала бы, что это произошло потому, что он стал ближе к дьяволу. Другими словами, если нам приходится решать, следует ли называть это патологическим совпадением или синхронистичностью, происходящей вокруг творческого процесса, то в те времена это назвали бы

Богом в любом случае, будь то Бог наверху или Бог внизу, христианский Бог или дьявол: если синхроничности совпадают с общим мировоззрением, то это Божье дело, а если не совпадают, то это работа дьявола. Сегодня мы смотрим на этот раскол в других терминах: патологический или не патологический, но это тот же раскол. Отказываясь принять такие категории и принимая опыт на символическом уровне, мы можем помочь человеку интегрировать себя и таким образом предотвратить или сократить психотические события.

Многие средневековые теории о деятельности христианских целителей и святых и их способности творить чудеса объясняются теологически теорией Авиценны. У Дорна все еще та же идея, но только в смысле христианских святых: он не особо озаботился проблемой дьявола, скорее проигнорировал ее. Со своим оптимистичным христианским мировоззрением он считал, что благодаря *virtus* алхимик тоже может соединиться с творческим потенциалом Божества и творить чудеса — в это верили многие алхимики. Они все больше и больше обнаруживали, что их чисто химические естественнонаучные усилия не помогли им сделать золото, и поэтому они приходили к мысли, что это может быть достигнуто чудесным образом.

Замечание Святого Фомы Аквинского, что алхимия не принадлежит к числу естественных наук, что это сверхъестественная работа, подобная сотворению чудес, снова поднимает эту идею, которую можно найти во многих других средневековых традициях. Интересно, однако, что Дорн верит, что чудо зависит не только от контакта с творческой силой Бога, но и от того факта, что та же истина, которая

существует в Боге, существует и в вещах. Стекло, например, несмотря на свою хрупкость и другие качества, будет в своей сути иметь нечто от творческого потенциала Божества и разделять божественную тайну, которую никто не может видеть. Внешне это всего лишь обычное стекло, но если увидеть его внутренним зрением, можно установить магический контакт с ним, который мог бы заставить его взлететь до потолка или выполнить какое-нибудь другое чудесное действие. Вы делаете это, мысленно глядя в суть, скрытую за материей.

Дорн продолжает:

> «Тело — это тюрьма, через которую *virtus* [имеется в виду магическая эффективность души] блокируется и через которую не может проявиться дух природных вещей [то есть такой дух, который мог бы быть в стекле]. Дух в вещах есть нечто подобное религиозной вере человека. Люди верят, что если высушить мертвую ядовитую змею и положить ее на рану, она, как магнит, вытянет яд. Многие используют ядовитых змей, чтобы извлекать яд из тела, но они не спрашивают, *почему*, у них нет теории, они просто знают, что это помогает, и потому делают так, но алхимик спрашивает, почему так происходит».

По словам Дорна, тело препятствует душе так же, как духу материи препятствует материя. Если мы освобождаем оба вместе, то они встречаются, и тогда могут случиться чудеса. Дорн не отрицает, что можно вылечить инфицированную рану, посыпав ее

порошком из ядовитой змеи, но он добавляет, что это доказывает, что всегда можно лечить подобное подобным. Экстракт порошка из ядовитой змеи был одним из лекарств в то время. Экстракты из яда и из змей используются в медицине и сегодня. Дорн считает, что яд-дух змеи действует на яд-дух в теле, потому что подобное притягивает подобное. Такова была идея в медицине XVI века, которая довольно далека от истины. Из этой идеи они делали вывод, что тот фактор во внутренней личности человека, который является его верой или отношением к Богу, также существует в вещах как духовная тайна. Если тот и другой могут войти в контакт и быть освобождены, то они синхронизируются.

Дорн продолжает:

> «Алхимик всегда исследует, чтобы обнаружить, из какой части неба приходит нечто, а затем он исследует анатомию большого творения, чтобы сравнить его с небольшим, микрокосмом. Это может быть сделано четырьмя инструментами: геомантией для проблем земли; гидромантией для проблем, связанных с водой; пиромантией для проблем, связанных с огнем; и астрономией для того, что имеет отношение к небесным добродетелям, в двойном смысле этого слова».

Итак, здесь имеется странная и интересная идея, что религиозная вера в неизвестной части личности совпадает с духом в материальных вещах, и если они оба освобождены, могут быть сотворены чудеса. Чтобы исследовать это дальше, нужно использовать четыре

метода предсказания, потому что анатомия макрокосма всегда исследуется в сравнении с микрокосмом[8].

Здесь, в очень коротком наброске, собрана целая философия средневековья, о которой вы сможете узнать больше, если перечитаете эссе Юнга о синхронистичности. У него есть несколько глав о технике, путем которой архетипическая концепция синхронистичности воспринималась раньше[9]. То, что Юнг решил назвать термином «синхронистичность» (таким образом освобождаясь от смутной идеи о магической причинности), понималось в прошлом (пока не было полностью отвергнуто в конце XVII века) как соответствие: учение о *correspondentia* микрокосма и макрокосма. Это в некотором смысле архаичная основа всех магических действий человечества. Например, все имеет свои аналогии, и аналогии не только в том, что мы сейчас назвали бы параллелизмом формы, но также и тайную связь эффективности. Например, в африканской магии дождя наиболее распространенным способом вызвать дождь является выливание калебасы воды при чтении определенных заклинаний и молитв, сопровождаемых определенными танцами.

Другими словами, большая часть всех магических действий — это повторение в малом масштабе того, что в то же время происходит в большом, космическом масштабе. Если это делается с правильным психологическим отношением, тогда есть параллель между тем,

---

[8] M.-L. von Franz, «Number and Time», and «On Divination and Synchronicity: The Psychology of Meaningful Chance» (Toronto: Inner City Books, 1980).

[9] C. G. Jung, cw 13, chap. 3.

что делает микрокосм (человек), и тем, что происходит в макрокосме (всем окружающем мире). Заклинания дождя и плодородия и подобные им всегда основаны на этой идее. Одно из наиболее часто встречающихся верований среди первобытного населения — то, что совокупление мужа и жены на поле приносит плодородие, поскольку тому, что делает человек, станет подражать природа, но здесь пара имитирует природу и таким образом призывает ее к тому, что она сделала бы в любом случае. В магической идее, в этом «примитивном» представлении о мире, есть такое единство внутреннего и внешнего мира, а также человека и окружающей вселенной, что они имеют естественное взаимное магическое воздействие друг на друга, и оно может начаться на любом конце. Такова была идея, которая все еще существовала в XVI веке.

Как уже упоминалось, когда астрологи видели, что у кого-то несчастливый гороскоп, они обычно использовали химическую противомагию, чтобы переломить макрокосмическое сочетание звезд. Джордано Бруно, например, считал, что астрология и астрологические созвездия влияют на происходящее на земле, и наоборот. Поэтому, если сделать правильное сочетание веществ или рисунок астрологических созвездий на бумаге, это также повлияет на звезды. Это была та же идея, которая заставила папу Александра VI требовать контргороскопических действий против плохого сочетания планет в его гороскопе: если макрокосм воздействует на нас своими созвездиями, то и обратное направление тоже должно работать.

Учитель Дорна, Парацельс, разделял эту веру со своим учеником, но с небольшой разницей. Парацельс не думал, что астрологические созвездия

воздействуют на тело непосредственно, но считал, что внутри человека есть своего рода образ небесной тверди с ее звездами и что созвездия внешнего небосвода влияют на этот внутренний небосвод. Например, положение Венеры на небе влияет на положение моей внутренней Венеры, которая затем влияет на мое физическое благополучие во благо или во зло. Итак, Парацельс придерживался срединного мнения — идеи внутреннего космоса небосвода и изменения его созвездий.

Это интересное начало «взятия проекции обратно». Мы бы сейчас сказали с психологической точки зрения, что в астрологии содержание коллективного бессознательного проецируется на созвездия на небе и что в случае Парацельса эти проекции начинают возвращаться во внутреннюю психику.

Парацельс считал, что окончательное воздействие идет от созвездий, но что подобное есть также внутри человека. Проекции, таким образом, были возвращены внутрь человека. Мы бы сказали, человек имеет сочетания архетипов внутри себя, и они влияют на него. Обычно, когда проекция возвращается к человеку, она сначала распадается на две части, из которых одна интегрируется, а другая отбрасывается. В этой древней системе у вас просто есть этап, когда коллективное бессознательное, спроецированное на звезды, частично возвращается как нечто в человеке, где у него есть двойник, его отражение, с которым можно связаться различными методами магии. Например, Парацельс практиковал геомантию, чтобы узнать о земных вещах.

Юнг некоторое время интересовался геомантией. Вы берете карандаш и ставите некоторое количество

точек наугад, не считая; или, как делал это Юнг, просто берете горсть мелких камешков и бросаете их. Идея состоит в том, чтобы получить чисто случайным образом количество единиц, которые вы затем отсчитываете по два, и в конце у вас остаются одна или две точки (или камня). Вы повторяете это шестнадцать раз (четыре раза по четыре) и затем рисуете фигуры. Давайте предположим, что в первый раз осталась одна точка, во второй и в третий раз по две, а в четвертый раз одна, что дает фигуру, называемую *carcer*, тюрьма. Еще одна фигура называется *puer*, ребенок, и так далее. Существуют различные возможные фигуры.

Эти комбинации имеют названия, и вы сначала строите четыре такие фигуры. Затем вы производите с ними различные математические перестановки, к примеру, вы берете верхние из первых четырех, и эти первые четыре фигуры называются матерями, а следующие — дочерьми. Из дочерей получаются племянники, а из племянников вы сделаете судью, двух свидетелей и помощника судьи, и это даст вам конечный результат. Эти цифры подобны астрологическим созвездиям и имеют символическое значение. Тюрьма принадлежит Сатурну и означает меланхолию, больницу, болезнь — все астрологические ассоциации Сатурна. Каждая фигура имеет различную архетипическую коннотацию.

С помощью этих фигур вы строите астрологическую карту, именно поэтому их также называли земной астрологией, так как вместо того, чтобы взять верхние, небесные созвездия, вы сами себе строите созвездие с помощью точек или гравия, а затем помещаете его на астрологическую карту и читаете его, как будто это она и есть или же будто это транзитный гороскоп. Тогда,

как и с астрологией, вы можете посмотреть в книгах и узнать, что будет означать *carcer* в первом или третьем доме и так далее. Такова предсказательная техника геомантии, распространенная в те времена.

В гидромантии нужно смотреть в чашу с водой для прямого предсказания. Это своего рода поддержка для вдохновения, как вглядывание в кристалл или взгляд на чайные листья или кофейную гущу. Не знаю точно, как практиковалась пиромантия, но ей нужно было заниматься, глядя в огонь. Есть различные возможности: вы наблюдаете форму пламени или свечение углей, или вы обжигаете что-то, а затем смотрите на трещины на нем. Китайцы использовали для этого панцирь черепахи. Старейший китайский оракул, старше, чем «И Цзин», состоял в том, чтобы нагреть панцирь черепахи в огне, а затем читать по трещинам. Эскимосы Северной Канады смотрят на трещины на кости, которую они положили в огонь.

Я знаю деревню в кантоне Ури в Швейцарии, где церковь и кладбище находятся на разных берегах маленькой речки и нужно пройти по дороге и по мосту, чтобы добраться до кладбища. Все похоронные процессии должны идти так, и когда люди идут с гробом или позади него по этому пути, они всегда смотрят на трещины на мосту и по ним могут сказать, кто умрет следующим.

Несимметричные узоры трещин часто используются для вывода наружу знаний бессознательного. Техника плавления свинца такова же. На мой взгляд, эти вещи нужно делать с эффектом катализатора. Я не верю, что трещины на самом деле предсказывают что-либо, но наше подсознание знает. Например, в вышеприведенном примере бессознательное знает

из своего «абсолютного знания», кто умрет следующим, но люди не могут получить это знание непосредственно. Они должны смотреть на спутанные узоры трещин, которые катализируют проекцию.

Я пришла к этому выводу после того, как посетила однажды весьма известного хироманта, который читал по ладони. Линии на руке всегда представляют собой неправильные узоры и морщины. Этот человек провел очень хорошую работу и поставил все на научную основу. Нужно было положить руки на воск и нажать, чтобы получился отпечаток. Он написал книгу о своем методе, которая казалась очень научной, но я так и не могла «въехать» в нее. Поэтому, когда он закончил, я занудно пристала к нему и спросила, действительно ли в линиях есть информация. К моему удивлению, он сказал: «Нет, ее там нет вообще!» (а ведь он написал об этом книгу!). Он сказал: «Когда кто-то входит в комнату, я знаю все об этом человеке. (Он был очень медиумическим, психическим человеческим типом.) Я просто знаю это, но я не могу это выразить, я не могу сформулировать это, и потому я пользуюсь этими линиями на ладони. Я притворяюсь, что смотрю на эти линии, и затем то, что я знаю, катализируется или проецируется в них. Я читаю по линиям, но на самом деле я знаю все это в момент, когда человек вошел в комнату». Я думаю, именно поэтому в большинстве примитивных методов гадания есть идея создания хаотического узора, в котором можно прочитать то, что человек уже знает.

В Африке существует широко распространенная практика: съев курицу, вы берете кости и бросаете их как попало, в виде спутанного узора, и по тому, как они упали, вы читаете ситуацию. Это почти

то же самое, когда рисуешь из бессознательного, и это также техника теста Роршаха. Вы показываете людям много точек и спутанных узоров, и таким образом они читают то, что находится в бессознательном.

То же самое касается всех тестов, связанные с проекцией. Я читала, что в суданском племени азандов дают яд цыплятам, чтобы определить, является ли человек преступником[10]. Если цыпленок умирает — человек виновен, если остается жив — он невиновен. Азанды повторяют это гадание несколько раз, чтобы подтвердить приговор. Это относится к той же категории, что и ходьба по огню и другие «суды Божьи». Это не вопрос о предсказании в нашем понимании, это вопрос виновности или невиновности, или-или. Поэтому я думаю, что не стала бы сравнивать этот метод с методами гадания, которые предполагают игру.

Я могу объяснить свою мысль следующим образом. В приложении к своей книге о животном как социальном существе Портман обсуждает очень интригующие факты о способности крыс к обучению. Лабораторным крысам пришлось пролезать через лабиринты различных видов, чтобы найти пищу. Экспериментатор был уверен, что крысы могут обучаться, и он обнаружил, что они выполняли задачу на сто процентов, так что он опубликовал фактические результаты своих экспериментов. Но другой исследователь, который не верил, что крысы обучаемы, дал такой же лабиринт таким же крысам,

---

[10] A. Evans-Pritchard, «Witchcraft and Sorcery among the Axande of Sudan» (Oxford: Oxford University Press, 1937).

и они не могли справиться с этой задачей и вели себя совершенно глупо[11].

Сейчас широко обсуждаемой проблемой в кругах зоологов является такая: играет ли роль внушение экспериментаторов их подопытным? Если окажется, что бессознательные ожидания и вправду влияют на поведение животных, как тогда проводить объективные эксперименты? Портман не принял ни одну из этих точек зрения, он просто опубликовал оба результата. Если правда, что есть влияние на животных (а я полагаю, это может быть правдой), то только представьте себе всю деревню, в архетипическом эмоциональном возбуждении ползающую на корточках около полуотравленного цыпленка, чтобы узнать, Джона или Джека нужно убить! Это образовало бы огромное эмоциональное коллективное напряжение и могло бы повлиять на поведение животных, если даже вера лишь одного исследователя может сделать крыс — и даже не отравленных крыс — умнее или глупее.

В Лос-Анджелесе практика тестирования детей ради выявления умственно отсталых или умственно одаренных детей была отменена из-за исследований, показавших, что учителя тесно идентифицировались с детьми в своих классах. Например, если учитель был убежден, что его дети плохие ученики, то они показывали низкие результаты, и наоборот. Я думаю, что нужно отменить намного больше подобных испытаний и экспериментов, потому что они ни в коей мере не являются объективными. Эмоциональная

---

[11] Adolf Portmann, «Biologie and das Phanomen des Geistigen», in Eranos-Jahrbuch (Zurich: Rhein Verlag, 1946).

вера экспериментатора играет огромную роль и влияет на потенциал ребенка положительно или отрицательно.

Когда Юнг начал изучать астрологию для своей книги о синхронистичности, он считал, что гороскопы для некого числа супружеских пар будут демонстрировать более высокую степень совместимости, чем случайная выборка для не состоящих в браке людей, и это было так, до совершенно удивительной степени. Но потом он почувствовал себя неловко и спросил себя, действительно ли это объективно. Сидя в Боллингене, он посмотрел на камни своей башни — они образуют неравномерную дугу, — и, когда солнечный свет проник через листья, он вдруг увидел лицо в камне, смеющееся над ним. (Позже он взял зубило и уничтожил его; вы до сих пор можете увидеть это.) Потом он почувствовал себя еще хуже и подумал, что бог-трикстер, Меркурий, подшутил над ним, несмотря на эти чудесные статистические доказательства![12] Он попытался повторить эксперимент, на этот раз без каких-либо личных убеждений, и статистика оказалась обратной! Таким образом, даже статистика может подшучивать. Он опубликовал все это в своем эссе о синхронистичности. Но, хотя люди читают это, они не понимают, что это значит.

Однажды я читала лекции в ЦЕРНе, ядерном центре в Женеве. Когда я упомянула о синхронистичности, раздался хохот, и эти знаменитые физики сказали: «О, мы это знаем просто прекрасно: наш компьютер абсолютно всегда отвечает так, как мы

---

[12] См. C. G. Jung, cw 9/i, The Archetypes and the Collective. Unconscious, chap. 5.

от него ожидаем. Если мы страстно верим в ложную теорию, компьютер просто действует в соответствии с тем, что мы ожидаем, а потом коллега, который в эту теорию не верит, работает на компьютере пару часов и получает совершенно другой результат». Это их очень развлекло. Но когда я попыталась вернуть их к реальности и сказала: «Ну, господа, пожалуйста, отнеситесь к этому серьезно», один из них сказал: «О, это все вздор, синхронистичность — это ерунда». Он был в состоянии аффекта — его выдавал тон голоса.

Эти физики признали свой опыт, но не отнеслись к этому серьезно с научной точки зрения, потому что все их мировоззрение перевернулось бы с ног на голову. Несмотря на свой опыт, они не хотели признать правду. Это было довольно нелепо, поскольку они сначала засмеялись и сказали, что знали, что компьютер так делает, а потом делали вид, что это ерунда. Это еще один пример разделенной психологии.

Все эти мантические процедуры основаны на идее синхронистичности или ее предшественнице, магической причинности. Дорн верил в это, и это было то, что он на самом деле в конечном счете понимал под *virtus*, или добродетелью, — возможность того, что человеческая психика, которая стала сознательной, может творить чудеса.

Глава VI

VIR UNUS / UNUS MUNDUS

Иоганн Даниэль Милиус, «Opus medico-chymicum». Глиф Милиуса, с двух сторон которого преклонили колени Гермес и Гиппократ, состоит из троичных и четверичных соответствий, а в центре его находится Земля Адама. Четыре эмблемы представляют основные элементы. Огонь (Саламандра) — это звёздный дом: «Что наверху, то и внизу». Воздух (Феникс и Жаба) — дом элементов: «Превращением элементов и тройным очищением получи Одно». Вода (Русалка) — дом минералов: «Все природные вещи в Солнце и Соли». Земля (Лев и Дракон) — дом микрокосма: «Раздели их и доведи их до зрелости».

В предыдущей главе я привела отрывок, где Дорн говорит о возможности более теоретического обозрения и понимания всей ситуации. Он делает различие между врачами и алхимиками, которые используют скелет ядовитой змеи для извлечения яда из крови в ране, например, но не думают об этом, в то время как другие, как он сам, исследуют анатомию микрокосма и макрокосма. Рассматривая способы получения такой информации, Дорн упоминает четыре вида предсказания, связанные с четырьмя элементами. Такое искусство предлагает возможность понимания более широких связей между вещами.

Дорн продолжает:

> «Поэтому следует всегда начинать с себя в упражнении частоты. Поэтому *mens* должен научиться милосердию к своему собственному телу и ограничить его неправильные импульсы. [Теперь вы видите регрессию: тело снова неправильно. Дорн начал снимать проекции, но как только появилась проблема зла, он начал меняться.] *Mens* должен ограничивать неверные желания тела, так чтобы оно служило *mens* во всем, и тогда он должен выпить с *mens* из источника добродетели. Затем *mens* и тело станут едины, и будет мир в союзе. Поэтому

> приди, тело, к этому источнику, чтобы вы могли пить из него вместе с *mens* и после этого больше не испытывать жажды. О чудесное действие этого источника, что делает из двух одно и устраивает мир между врагами. Источнику любви удалось сделать один *mens* из *spiritus* и *anima*, но этот источник также может сделать единого человека из *mens* и тела».

После второго объединения идет молитва благодарности за то, что был создан единый человек, или внутренний человек, когда они выпили вместе из колодца любви. Это весьма удивительно! *Spiritus* и душа вместе сделали *mens*, а потом начался большой раскол и конфликт с *corpus*. Вы помните, как трудно было собрать их вдвоем и как долго они сражались, и вот быстрой сменой кадра они показаны пьющими вместе из колодца любви и ставшими одним.

То, что получилось, теперь называется *vir unus*, то есть «единый человек». Это ссылка на церковную традицию, в соответствии с которой человек (как сказал Отец Церкви Ориген) первоначально состоял из множества различных *mores* — можно сказать, из одиночных характерных импульсов, а сегодня мы сказали бы о различных наследственных признаках, и, как также сказал Ориген, пока грешник (бессознательный человек) не обратился в христианство и не прошел христианского этического обучения, он состоит из различных *mores*.

Он сказал, что стада скота и стаи птиц, и все различные народы есть в тебе, и все тянут в разные стороны, и только через благодать Святого Духа и обращение в христианство ты становишься *vir unus*,

единым человеком или, как мы теперь сказали бы, целостной личностью.

Так что вы видите, что то, что мы теперь называем процессом индивидуации, которая имеет цель единства, становления единым человеком, уже существовало в проекте. Хотя Дорн не видел всех этих стад скота и народов в человеке, он видел, что человек тоже состоит из разных побуждений и тенденций и что их нужно сначала разделить и уточнить, а затем снова собрать вместе водой источника любви.

Затем он повторяет пятую степень: «Каждый предмет обладает своей добродетелью». Теперь мы знаем, что такое добродетель. *Virtus* — не только этическая добродетель, но еще и эффективность.

> «Каждый предмет имеет определенный вид воздействия. Каждый предмет имеет свою силу и свое небесное влияние, которые нельзя увидеть внешними глазами, можно увидеть только их воздействие, как, например, притягивание железа магнитом. Но добродетель, магнитный *virtus*, остается скрытой, и никто не может увидеть ее в магните, потому что это дух».

Это типичная примитивная точки зрения, продолжение того, что можно найти в древней философии. Естественно, что раньше люди были — а примитивные народы и сегодня — чрезвычайно увлечены эффектом магнетизма. Как и электричество, он был большой загадкой для них. Это можно понять, если посмотреть на вещи наивно. Магнит, который притягивает кусок железа, имеет какое-то духовное влияние

на него. Для первобытного сознания это демонстрация того, что дух может влиять на материю, и первобытный человек думает, что это происходит все время и везде, другими словами, все объекты имеют такие электромагнитные силы и этими силами оказывают влияние на окружающие объекты. Это было то, что Дорн и алхимики называли духом в материи.

> «Также и у вина также есть такие невидимые силы, потому что его дух греет и высушивает человека, в то время как его тело заставляет чувствовать себя прохладным и влажным».

Это очень верно, потому что если человек пьет вино, он умственно или психологически разогревается, духовно и умственно навеселе; с вином хорошего качества человек приходит в некую экзальтацию, но организм после избытка алкоголя получает тяжесть и тошноту. Для Дорна психологический эффект алкоголя был еще одной демонстрацией того, что материальные вещи обладают тем, что мы могли бы назвать добродетелью.

> «Есть такие добродетели и в других предметах, и даже хлеб имеет свою собственную добродетель, и разве мы не знаем, что чистейшие части хлеба и вина могут быть преобразованы в плоть и кровь? [Удивительный перескок мысли к таинству пресуществления][1] Разве мы не знаем, что от невидимой формы

---

[1] См. C. G. Jung, cw 12.

растительной может произойти видимая форма животная, — но, естественно, это не вид [что означает внешний вид хлеба и вина] преобразуется в этот момент, а только форма, в смысле аристотелевской и католической доктрин. Поэтому кто может сомневаться, что наше искусство [алхимия] может творить намного лучшие философские превращения в человеке, чем природа может сделать через хлеб и вино, и что есть еще другие вещи в природе, которые обладают даже большей природной добродетелью и небесным влиянием, чем те, что вы видите в хлебе и вине».

Здесь Дорн не слишком отчетливо (но очевидно, если внимательно читать) намекает на таинство пресуществления и использует этот момент как доказательство возможности сверхъестественной трансформации грубых материальных объектов. Если благодаря словам священника хлеб и вино превращаются в тело и кровь Христовы, почему бы таким возможностям не существовать повсюду в природе?

Это была часто встречающаяся мысль средневековых алхимиков. Они совершенно правильно понимали, что таинство пресуществления есть в каком-то смысле алхимическая операция, потому что официальная догма признает, что грубая, профанная материя, такая как хлеб и вино, вдруг становится носителем божественной реальности Сына Божьего. Он воплощается в хлебе и вине. Очень многие алхимики нападали на этот факт и говорили: «Почему эта трансмутация должна ограничиваться только тем маленьким кусочком гостии и той капелькой вина, что хранятся

в церкви? Почему это невозможно с другими веществами? Если это возможно в принципе, это должно быть возможно везде». Этот довольно шокирующая обобщающая мысль приходила многим, и вы, вероятно, помните, что в «Психологии и алхимии» Юнг даже цитирует алхимический текст, написанный венгерским священником, который шаг за шагом сравнивает алхимическое делание с таинством пресуществления[2]. Дорн здесь ссылается на тот же факт:

> «Тот, кто не хочет в это верить, должен просто сначала попробовать заняться искусством алхимии; если он не знает его, то он никогда ничему не научится».

Далее идет диалог между *Potentia* и «единым человеком». *Mens* и другие фигуры уже не существуют. Остается только *vir unus*, единый человек. Это шестая степень делания.

> VIR UNUS: Открой, пожалуйста, *Potentia*.
> POTENTIA: Кто там?
> VIR UNUS: Меня послала Добродетель.
> POTENTIA: Зачем?
> VIR UNUS: Чтобы укрепить добродетели, которые я получил от слуги истины, *Frequentia*.
> POTENTIA: Как, по-твоему, это произойдет?
> VIR UNUS:: Благодаря *Potentia*.
> POTENTIA: Кто есть *Potentia*?
> VIR UNUS: *Potentia* истины.

---

[2] Ibid., paras. 480–489.

> Potentia: В чем, по-твоему, заключается истина?
>
> Vir unus: Я думаю, что истина заключается в правде Божией.
>
> Potentia: Ты достоин моего подтверждения. [*Potentia* означает своего рода отверждение и подтверждение — мы бы назвали это увеличением силы личности.] Поэтому теперь слушай: потенция, или сила, есть постоянство добродетели, которая получена от Бога. Никто не должен думать, что у него была бы даже малейшая искра добродетели, если она не дана ему Богом. Только у тех, кто строит на скале истины, царство твердо устоит. Потому сейчас беспокойся только о добродетели, которая есть сама истина, так что ты станешь силен в бою, как лев, и сможешь победить все силы мира сего, и потому ты не боишься даже смерти и тирании дьявола.

Я хочу дойти до некоторых более важных частей, так что я перейду к седьмой степени, степени чуда или философии.

> «Чудо есть эффект постоянства истины, и для объяснения этого я использую пример. Однажды философ был осужден тираном, потому что говорил слишком много правды, и тиран приказал заживо поместить его в дыру в скале, а затем медленно раздавить его железными инструментами. Но философ воскликнул: „Ладно, мучь меня, тиран, уничтожь мое тело, но ты не сможешь сломить мой

дух!“. Тиран так разозлился, что приказал отрезать философу язык. Но философ откусил свой язык и выплюнул его в лицо тирану. Посмотрите же на чудесное постоянство человека, который, даже претерпевая такое мученичество, принял смерть с удовольствием и преодолел мирскую тиранию».

Здесь, на седьмой степени, Дорн, в той мере, в какой затрагиваются проблемы зла в мире, регрессирует, или же у него нет решения лучше, чем то, что предлагало христианство последние восемнадцать веков, а именно мученичество. Несмотря на положительные усилия, человек не будет и не может изменить проблемы зла в мире, но поддаться ему в битве за добро есть заслуга, и это истинное подражание Христу, который сам умер как мученик зла.

Несмотря на все свои попытки воспринять срединное положение между добром и злом и интегрировать тело и материю, чтобы компенсировать в определенной степени одностороннее духовное отношение христианства, в конечной сфере этики Дорн приходит в никуда, но остается в рамках традиционных концепций. Другими словами, он не может справиться с проблемой зла по-другому. Затем, без дальнейших объяснений, он повторяет седьмую степень и делает вывод обо всей работе. Семь градусов философии есть также семь химических операций, посредством которых *artifex* может прийти к тайне чудесного лекарства. Работу философа стоит сравнить с химическим *putrefactio*, потому что она предрасполагает получить истину, которая есть то же самое, что и приготовление натуральных веществ для растворения.

Теперь он возвращается к тому, о чем мы уже несколько раз упоминали, — к отсутствию единого языка, которым Дорн мог бы объединить физические и химические факты с психологическими фактами. Он просто начинает строить аналогии: подобно тому, подобно этому, — вот самое близкое, насколько он может подойти к союзу.

> «Поэтому, когда алхимик изучает философию [например, читает алхимические книги], с ним происходит то же самое, что с металлами в реторте, которые сначала испаряются, растворяются и готовятся к полному сжижению».

Здесь он использует слово с двойным смыслом. *Solution* относится к жидкости, сжижению металлов или других веществ в реторте, но это также решение философских или человеческих проблем. Весьма забавно видеть, как мы все еще используем в психологии многие термины, которые происходят из этого алхимического языка прошлого. Раньше Фрейд говорил о сублимации, мы говорим о психической констелляции, нынешний язык использует термины вроде «волатильный» или «решение» (*solution*) проблемы и так далее. Мы просто не осознаем происхождения этих слов, у которых есть историческое прошлое и которые первоначально имели полухимический, полупсихологический оттенок.

> «Растворение можно сравнить с философским осознанием: так же, как в растворе растворяются тела [имеется в виду в реторте], так и сомнения философа растворяются в его

осознании. Затем следует философская любовь, которая создает частоту научения, что соответствует коагуляции алхимиков, или первый союз в реторте [это означает первое затвердевание тел в реторте]. И как благодаря частым упражнениям обостряется ум философа, так благодаря многократным алхимическим промывкам различные части химического тела становятся тонкими; как благодаря добродетели философ становится единой личностью, так и в химическом составе различные химические тела собраны воедино в своих маленьких частях; и как *potentia* укрепляет личность в ее философских добродетелях, так и *fixatio* летучих частей химического тела делает тверже философский камень, так что различные пары больше не могут испаряться. Как благодаря этим философским учениям человек приобретает силу, которая может даже творить чудеса, так и алхимические лекарства показывают свою силу благодаря проекции в своем совершенстве».

С алхимической точки зрения проекция означает, что когда вы сделали эликсир или *lapis philosophorum*, вы помещаете его на другие объекты, которые таким образом «совершенствуются» или также превращаются в золото.

«Теперь, читатель, я рассказал тебе о намерении нашей работы, но ты добьешься чего-нибудь, только если продолжишь одновременно заниматься истинной метафизической философией столько же, сколько и натуральной

химической философией. И не жалуйся, что это трудно, потому что другие алхимические авторы только размывали эту проблему, в то время как я объяснил ее очень ясно. До свидания, и как бы там ни было, даже для самой маленькой хорошей работы, которую ты можешь сделать, прими этот совет».

Труд мог бы закончиться здесь, но Дорн прилагает еще ряд рецептов, которые он называет философскими тинктурами. Тинктура означает окрашивание, любое вещество, которое окрашивает другое.

«Теперь я мог бы закончить свой труд, но моя философская любовь побуждает меня добавить еще и рецепты тинктур моего учителя, Парацельса. Я хочу объяснить тайну того, что собираюсь сказать, — этих различных рецептов. Человек создан с неба и от земли, и от неба у него интеллект, а от земли тело. [*Intellectus* — не интеллект в нашем современном понимании. Мы сказали бы — сознание.] От небес человек получил сознание, а от земли тело. То, что он получает с неба, исходит от тверди, и в этом есть что-то от Бога, что может преодолеть силы звезд. [Имеется в виду гороскоп.] Если человек может преобразовывать вещи вне себя, то он может делать это еще лучше в своем собственном микрокосме, и он может распознавать вещи еще лучше в самом себе. Поэтому в самом человеке находится величайшее сокровище, а вне человека ничего нет. Поэтому следует начинать изнутри, или из середины,

которая видима как извне, так и изнутри, и надо признать, кем и чем человек является внутри самого себя, и тогда каждый будет, в пределах света природы, узнавать себя через внешнее».

Это одна из наиболее убедительных и примечательных частей всего текста — что человек может узнать внешнее во внутреннем. Со времен Дорна Запад пытался только признать непосредственно внешние факты природы, с минимумом внимания к субъективному фактору. Только примерно в последние тридцать лет в некоторых научных кругах было заново сделано открытие, что психическое состояние наблюдателя является решающим фактором во всем, что мы наблюдаем, и что поэтому мы не можем дать объективное описание внешних событий без того, чтобы искусственно, обманывая себя, пренебрегать субъективным фактором. Физик сэр Артур Эддингтон говорит в своей «Философии физической науки», что мы теперь понимаем, что каждая физическая научная теория есть не что иное, как селективный субъективизм. Под «селективным» он понимает то, что у человека есть определенные средства различения между ненаучными, спекулятивными, сумасшедшими теориями и той, что официально признана международной группой физиков.

Вы видите, что, как только будет принято считать, что любая научная теория есть только гипотетическая конструкция, созданная человеческим мозгом, которая совпадает с объективными фактами лишь до определенной степени, и, следовательно, всегда исторически обусловлена, мы можем быть уверены, что через лет пятьдесят-шестьдесят точка зрения современной

науки будет полностью отлична от того, что мы сейчас считаем истиной в последней инстанции. Если бы это было признано, можно было бы отказаться от науки полностью или сказать, что в этом случае мы имеем все оправдания для создания нашей собственной теории, в соответствии с нашим индивидуальным мировоззрением, даже физической или математической, да какой хотите. В этих областях, как и в других областях человеческой деятельности или в психологии, мы можем просто принять теорию, которая подходит для нашего собственного психологического уравнения.

Это бы неизбежно привело к полному субъективистскому хаосу. Потому более ответственные ученые пытаются найти, в чем разница между фантастической субъективной теорией и субъективной теорией физика, которая может быть применена с пользой, которую можно повторить и научить ей других ученых. Например, Нильс Бор и Вольфганг Паули сформулировали это различие, сказав, что физическая теория, которая может быть передана и понята другими, есть та теория, которая должна быть признана как относительно объективная, в то время как ту, которую нельзя передать или научить ей других, нужно забраковать.

Дорн, как сильно интровертно-ориентированная личность, предполагает что-то подобное и говорит, что если человек не умственно слеп, он должен сначала осознать, кто и что он есть, то есть осознать субъективные факторы и свои собственные субъективные мотивации в своей научной деятельности; тогда, в свете природы, он узнает себя через внешнее. Это означает, что можно узнать самого себя, глядя внутрь или концентрируясь на свете

природы внутри себя, а затем посмотреть, что произойдет с человеком внешне.

Это именно то, что мы делаем. Юнговская идея самопознания не означает, что мы субъективно размышляем о нашем эго: «Я вот такой и вот такой». Это может быть полезно, но это не то, что мы понимаем под самопознанием, которое означает принятие информации, которую мы получаем из снов. Другими словами, если кто-то хочет познать себя, в нашем понимании этого слова, он должен принять свой образ, который дают ему сны. Если вам снится, что вы ведете себя как дурак, хотя субъективно вы чувствуете себя наиразумнейшим, вы должны серьезно задуматься, поскольку, согласно бессознательному или согласно свету, пролитому архетипом Самости на ваше сознательное поведение, вы действуете как дурак. Это объективный кусок информации, полученный из сна, нравится вам это или нет, и вы знаете, как часто не нравится то, что видишь во сне. Это информация, которая поступает из объективной психе вовнутрь и которую мы считаем полезной и целесообразной для принятия. Это также то, что Дорн, очевидно, понимает под светом природы.

Я не могу вдаваться в историю концепции *lumen naturae*, света природы, но Юнг изучал его в «Paracelsica»[3]. Исторически свет природы означает то, что мы сейчас назвали бы своего рода сознанием в бессознательном или просто интеллектом сновидения. Если вы проанализируете много снов, вы не сможете закрыть глаза на то, что в них есть

[3] C. G. Jung, cw 18, chap. 3.

исключительно блестящий интеллект. Я уверена, что мы все часто говорили: «Я думал об этом двадцать лет и не понимал, а теперь во сне все стало понятно». Если человек понимает сон, он обычно испытывает буйную ага-реакцию. Это и есть свет, который исходит от «интеллекта» сна, который, естественно, нужно сначала извлечь определенными методами интерпретации. В свете снов поэтому можно узнать себя иначе, чем думает о себе эго, ибо они дают дополнительную информацию, которая исходит не от эго.

Сон кажется объективным психическим событием, поскольку часть света природы объединяется с сознанием эго так, что оба изменяются, и если человек вовлечен в этот процесс, он может также узнать себя через внешнее. Это будет означать, что, если вы посмотрите на свою жизнь в смысле символов и на синхронистические события, которые происходят вовне, тогда вы увидите — если у вас есть некая унитарная точка зрения и вы можете перенести свое сознание в свет природы, — что вы можете принять даже многие внешние события как находящиеся в том же классе событий, что и откровения сновидений. В конце своей жизни, таким образом, человек может сделать полный обзор своего самопознания и того, кем он или она является, суммируя видения, сны, фактическую биографию и то, что случилось с ним или с ней. Тогда можно увидеть удивительные синхронистические связи между событиями, поскольку фактические биографические моменты жизни имеют странное символическое единство с внутренними событиями. Таким образом, если вы послушаете биографию, скажем, пожилого анализируемого и прикроете глаза, слушая так, как если бы это была символическая

сказка, вы узнаете всю информацию о внутренней жизни[4]. Это банальная истина, которая объясняет, почему написано так много книг о связи между характером и судьбой, поскольку судьба человека странным образом очень часто связана с психологической структурой, что объясняет выражение, что у каждого человека своя судьба или что он несет собственную судьбу в своей душе.

Это очень распространенная истина, которая всегда воспринималась интуитивно. Если посмотреть изнутри на то, что происходит с человеком без причины, или, если взглянуть на это с *lumen naturae* — то есть с сознательным отношением, которое желает смотреть на отражение природы внутри и снаружи, — то можно даже узнать себя через то, что происходит снаружи. Можно принять это как часть своей собственной объективной психологической реальности.

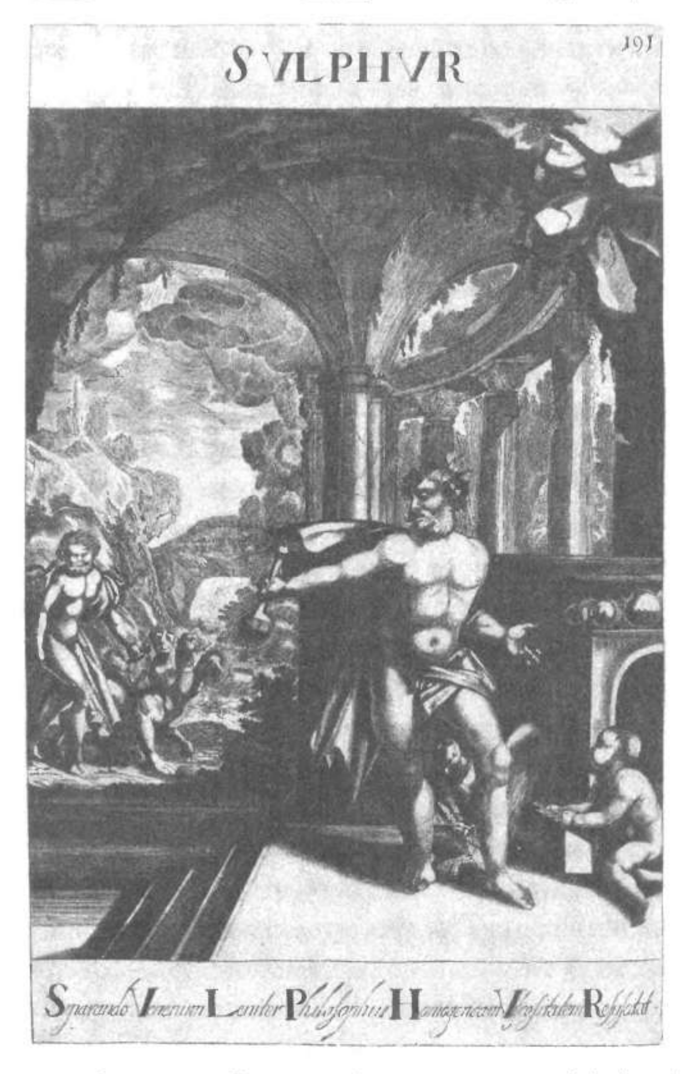
Это было то, к чему стремился Дорн, нащупывая путь, и было нечто очень типичное в том, что он был врачом и поэтому, естественно, мог видеть очень глубоко во многих человеческих судьбах, больше, чем большинство людей других профессий. Когда пациент звонит врачу-специалисту или врачу общей практики и говорит, что сломал ногу, катаясь на лыжах, врач — если ему известна вся ситуация в семье пациента — не может отделаться от мысли: «Ага, я так и знал, что это скоро произойдет». Такие вещи случаются, и Дорн, само собой, испытал много подобного, и поэтому к нему пришла идея, что происходящее с человеком внешне странным образом связано

[4] M.-L. von Franz, «Interpretation of Fairy Tales».

с объективными событиями в его бессознательном, которое ему известно через свет природы.

Дорн затем переходит к короткой главе о соли в крови человека и сере в человеческой природе, об их влиянии на здоровье. Здесь он пытается создать некую психосоматическую теорию, которую явно пытается связать с тем, что говорил ранее, показывая, что на соль и серу в крови человека влияет его психологическое отношение; весь баланс здоровья также зависит от психологических факторов. Как вы знаете, соль предохраняет мясо от гниения — этим методом пользовались для хранения мяса до изобретения холодильника. И Дорн проецирует идею, что соль в крови человека — это секрет, предохраняющий тело от разрушения. Далее следует длинная полемика по поводу того, что всегда нужно смотреть за солью в крови человека и следить, чтобы ее было нужное количество, поскольку она имеет свойство консерванта.

Затем он приводит другую теорию — о сере в организме человека, которую он понимает как явление сжигания — то есть то, что мы сейчас назвали бы окислением. Процессы окисления в организме человека в то время объясняли так: тело содержит горящую серу, которая разогревает содержимое желудка и кишечника. Все смутно выражаемые процессы нагрева в человеческом теле объяснялись действием серы. Сера также связывалась с жаждой и сухостью в человеческой природе в отрицательном смысле: если у вас слишком много серы в организме, тогда процессы горения в нем стали слишком сильными, и нужно ослабить эти процессы таким образом, чтобы вернуться к правильному балансу. Но сера

Барент Кундерс ван Гельпен, «ESCALIER DES SAGES SULPHUR». Акроним: «Отделяя яд, философ осторожно возрождает однородную вязкость». Из масла, полученного в результате разложения Материи, рождается Сера, принцип Закрепления. Однако присутствие Плутона (на заднем плане) намекает, что герою придётся ещё раз пересечь Стикс, прежде чем он получит Философский камень.

негативна лишь тогда, когда действует односторонне и преувеличенно, в противном случае это огненная субстанция, на которой держатся все процессы, происходящие внутри.

Это дает нам понимание, как Дорну и его современникам виделся союз того, что мы теперь назвали бы психическим и соматическим факторами, — через эти вещества, соль и серу, которые для него всегда имели психологический и физический аспекты. Например, у соли были аспекты Эроса, чувства юмора или остроумия и остроумного склада ума, а также мудрости. Сера дает тепло жизни, жизненную силу, способность к участию в жизни, к творческой фантазии, к инициативе, и *élan vital*; в негативном же аспекте она действует как страсть и алчность. Эти вещества (которые для него есть психосоматические вещества) должны управляться правильно и поддерживаться в организме в нужном балансе. Я не могу вдаваться в объяснения того, что можно было бы назвать теорией психосоматической химии.

Я хочу продолжить рассказом об одном из рецептов Дорна для производства квинтэссенции, который вы можете найти в «Mysterium Coniunctionis»[5]. Имея такую историческую справочную информацию, вы сможете увидеть гораздо яснее, к чему ведет Юнг. В конце Дорн дает несколько рецептов для производства *aqua vitae* (воды жизни) или *Mercurius* (Меркурий, ртуть: жизненная энергия). Он говорит: «Нужно взять смесь нового неба, меда, *Chelidonia*, цветов розмарина, *Mercurialis*, красной лилии и крови

[5] C. G. Jung, cw 14, «Mysterium Coniunctionis», para. 681.

человека, с небесами красного или белого вина или же Тартара»[6].

Мед символизирует, по словам Парацельса, «сладость земли». Это связано с чувственным удовольствием (и также со страхом вовлеченности в мирское). *Mercurialis* — это растение (пролеска многолетняя), которое, как гомеровское «моли»[7], обладает магическим действием. Это лекарственное растение. Красная лилия обозначает мужское начало, это символ, который производит *coniunctio*. Белая лилия символизирует вдохновение Святого Духа. *Chelidonia* — это растение, которое лечит глазные болезни, исцеляет духовную меланхолию и защищает от вспышек гнева. Красное и белое вино Тартара — это остаток, также называемый «телом», он пурпурно-красный, который сначала нужно дистиллировать, и лишь потом добавить в смесь.

В результате получается «новое небо», тайная истина или философский камень. Он идентичен образу Бога в душе человека. Вся процедура, как активное воображение, производится с символически значимыми веществами, а добавление человеческой крови означает полную преданность работе. (В старые времена человеческая кровь означала участие души; подписание договоров собственной кровью означало, что человек вкладывает в это дело всю свою душу.)

---

[6] Ibid., para. 683.

[7] «Моли», в ботанике «золотой чеснок» — мифическое и алхимическое растение, описанное в поэмах Гомера. В «Одиссее» Гермес дает это растение Улиссу как защиту против чар Цирцеи. (В русских переводах Гомера это растение «потерялось».)

Конечный результат описан также как четырехлепестковый желтый цветок, в точности как в китайском тексте «Тайна золотого цветка». Рецепт Дорна гласит: «Возьмите внутреннюю истину, и ваш *élan vital* к ней, вдохновение Святого Духа, а также способность связывать противоположности. Положите в эту смесь небесную и земную любовь [секс], и вот вы получаете эссенцию, с которой вы можете объединить небо и землю. Все ингредиенты собраны, чтобы создать четырехлепестковый желтый цветок» (то есть Самость).

С помощью этого лекарства Дорн также собирался исцелять людей, страдающих от физических болезней, в то время как мы могли бы ожидать исцеления, скажем, от химиотерапии или гормонов. Мы знаем, что гормоны тесно связаны с эмоциями и психическими состояниями в целом. Страх и стресс, например, могут вызвать выброс адреналина в кровь. Помогая духу, помогаешь и телу. В каждую эпоху люди верили в химические вещества, на которые проецировали психический смысл. Плацебо — это современный пример эффективности веры, что вещество обладает целебными свойствами и что оно будет работать.

Дорн плыл над безднами тайн, в которые должен был проникнуть Юнг. Тем не менее он стремился справиться с теми же проблемами, с которыми справляемся мы, но он не мог иметь дела с проблемой зла. После попытки отдалить тень от тела он соскальзывает и снова проецирует ее обратно на тело. Он был схвачен и связан христианским верованием, что Бог — это только добро и что он не может содержать проблему зла. Дорн остался узником светлой

этической сферы: но в другой области ему удалось сделать две унификации.

Подводя итоги, мы видим, что у Дорна есть четыре элемента внутренней работы унификации и три стадии или этапа. Четыре элемента — это *spiritus*, *anima*, *corpus* и космос. Сначала *spiritus* и *anima* объединяются и становятся *mens*. Затем *mens* и *corpus* объединяются и становятся *vir unus*, и, наконец, в смерти *vir unus* соединяется со Вселенной, пусть не в своей видимой форме, но, как *unus mundus*, ее невидимый потенциальный фон[8].

Прежде чем Бог сотворил мир, он был со своей помощницей, Софией (Мудростью), или Словом. София есть также Душа Христа, или Христос в его предсуществующей божественной форме перед воплощением. По мнению некоторых средневековых философов, София есть также мысленный образ творения, которое существовало в мысли Бога до сотворения им мира. Это связано с платоновской идеей о метафизической области идей. В ней Бог задумал идеи всех существующих вещей, так что все на земле имеет свою архетипическую модель в *unus mundus*[9]. Иоанн Скот Эриугена, например, говорит, что все реальные вещи существовали в *potentia* в Премудрости Божией, которая представляет собой сумму всех архетипов в сознании Бога. Идея *unus mundus* является вариацией нашей концепции коллективного

---

[8] M.-L. von Franz, «C. G. Jung: His Myth in Our Time» (Boston and Toronto: Little, Brown, 1975), chap. 12.

[9] M.-L. von Franz, «Creation Myths» (Boston: Shambhala Publications, 1995), chap. 3

бессознательного. Сначала все архетипы загрязнены и, таким образом, *unus mundus* представляет собой единую множественность, отдельность деталей и единство в одно и то же время.

В этом воображаемом мире все было задумано находящимся в гармонии. Дорн говорит, что состояние *unus mundus* происходит только после смерти, другими словами, это психологическое событие, когда человек становится един со всем сущим[10]. Конкретно, как указывал Юнг, *unus mundus* проявляется в явлениях синхронистичности. Хотя мы обычно живем в дуальном мире событий «внешних» и «внутренних», в синхронистичном событии этой двойственности больше не существует: внешние события происходят так, как будто они — часть нашей психики, так что все находится в одном целом.

Если на случай с электрической люстрой, которая взорвалась и рухнула на пол, посмотреть поверхностно, кажется, что лампа вела себя так, как если бы она была частью того, что происходит внутри человека: исчезновение своего собственного света сознания. Было бы более правильно сказать, что это синхронистическое событие возникло из более глубокого уровня внутри коллективного бессознательного. Психологически говоря, человек упал в *unus mundus*.

Этот опыт является конечным этапом процесса индивидуации, когда становишься единым с коллективным бессознательным, но не патологически, как при некоторых психозах, где процесс индивидуации

---

[10] Ср. M.-L von Franz, «C. G. Jung: His Myth in Our Time», chap. 12.

ушел в сторону и все видится с неправильной точки зрения. Когда это происходит позитивно, то приводит к объединению сознания с коллективным бессознательным, а не к взрыву сознания; это означает расширение сознания вместе с уменьшением интенсивности в эго-комплексе. Когда это происходит, эго отступает, освобождая путь коллективному бессознательному и его центру, Самости. Добраться до точки, где внешняя и внутренняя реальность становятся одним — вот цель индивидуации. Через нее достигается также часть того, что Юнг называет «абсолютным знанием» в бессознательном.

В последние годы жизни Юнг часто не позволял людям говорить с ним о своих проблемах, но, позволяя свободно течь тому, что приходило ему на ум, он часто непреднамеренно говорил людям именно то, что им было нужно. Прежде чем человек пройдет интеграцию и индивидуацию, он обычно проходит через свои собственные комплексы. Но если он действительно работал над решением своих собственных проблем и комплексы интегрировались, тогда человек может связаться с коллективным бессознательным и его мудрость будет проходить через него. В конечной точке развития (конечной стадии процесса индивидуации) мастера дзен находятся в таком состоянии гармонии с коллективным бессознательным, что общаются друг с другом подсознательно: они находятся вместе в *unus mundus*.

Древняя китайская легенда гласит, что были три мудрых старца, которые жили отдельно, как отшельники, в пещерах. Однажды они решили увидеться друг с другом, и двое посетили третьего. Они бродили по маленькой бамбуковой роще и восхитительно

проводили время в духовном общении. Но когда они захотели взойти на мостик, они вдруг услышали рычание тигра, и все трое сразу расхохотались! Затем они расстались. Они поняли эту синхронистичность: тигр в Китае есть женское начало Инь, четвертое для их духовной мужской троицы, которое они проигнорировали! Таким образом, они могли «читать» события одновременно с тем, как они происходили, и делать правильные выводы. Этого этапа развития человек достигает, когда приближается к смерти. Возможно, и сама смерть есть не что иное, как этот третий этап, союз с *unus mundus*.

НАШИ ПАРТНЕРЫ:

МОСКОВСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

(www.maap.ru)

ВНИМАНИЕ ПСИХОЛОГОВ И ПСИХОТЕРАПЕВТОВ! ПРОГРАММА ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПО ЮНГИАНСКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Аналитическая психология — направление, разработанное выдающимся швейцарским психиатром К. Г. Юнгом в первой половине XX века путем дополнения и прогрессивной переориентации психоанализа Фрейда от анализирования причин неврозов к содействию развитию личности в целом. Ученики Юнга соединили его идеи с более поздними достижениями в современном психоанализе и других течениях практической психологии. В настоящее время юнгианская школа, являясь одной из самых крупных и широко известных мировых школ психотерапии, может быть смело названа вершиной в ее эволюции, как самый глубокий и универсальный подход.

Юнгианский анализ изначально предназначался для самопознания и помощи пациентам. Однако, владение юнговской теорией личности, теорией архетипов коллективного бессознательного, типологией, методами работы с образами, символической игрой, толкованием сновидений, диалого-диалектическим подходом в межличностном взаимодействии может найти применение в самых разных сферах помимо аналитической психотерапии.

Эти находки могут быть использованы в краткосрочной терапии, коучинге и консультировании разного профиля – детском, семейном, организационном, профориентационном. Журналисты, социологи, политологи, философы, религиоведы, литературные критики и искусствоведы

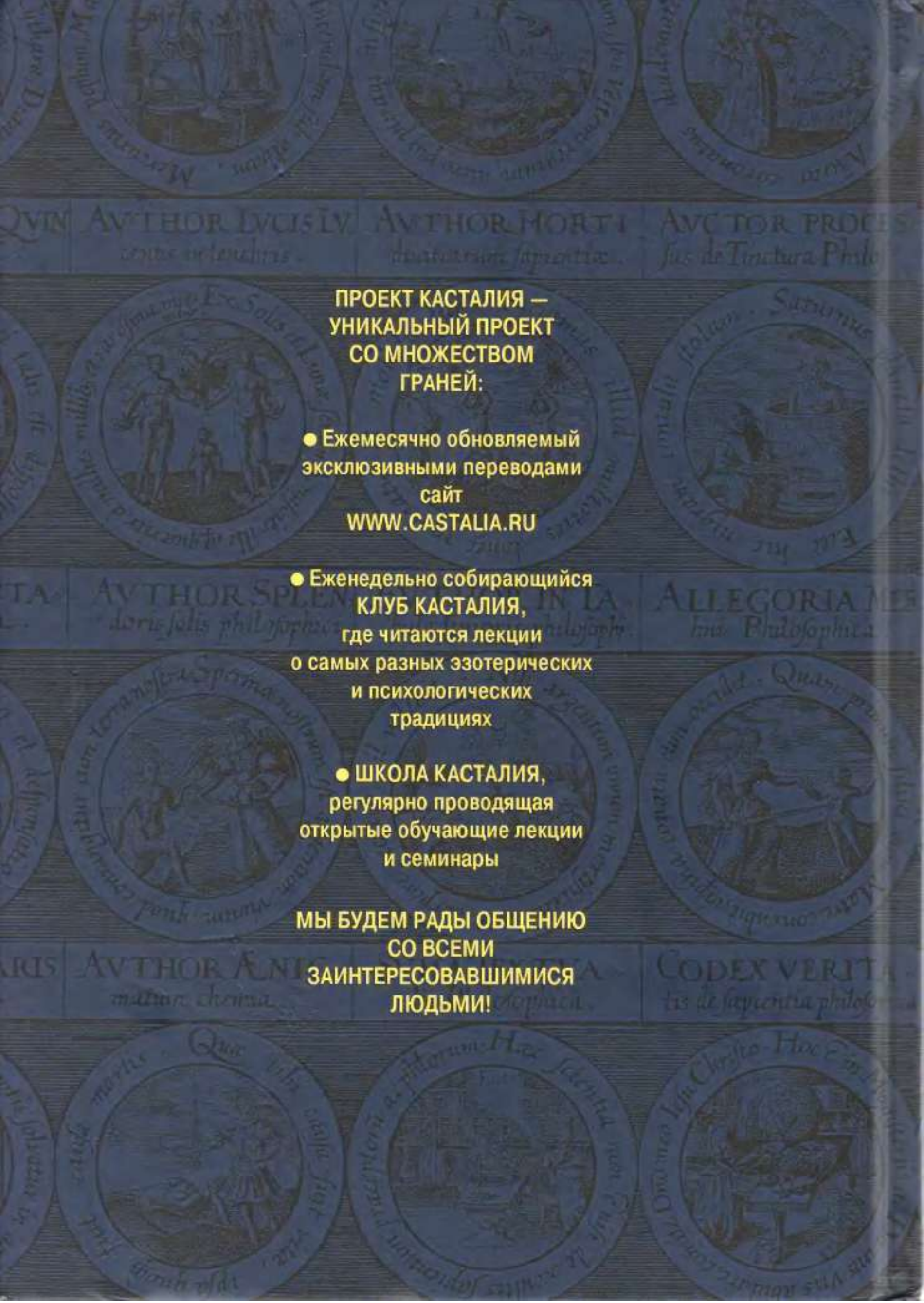
также активно обращаются к идеям Юнга и его последователей.

ОБУЧЕНИЕ аналитической психологии — это возможность не только разобраться в себе и освоить самое лучшее, что есть в психоанализе и практической психологии, но и стать гуманитарием широкого профиля.

Занятия проводят **международно признанные** аналитики, являющиеся членами IAAP (Международной Ассоциации аналитической психологии), практикующими психотерапевтами и преподавателями факультета психологии МГУ и других московских психологических и психоаналитических институтов.

Занятия проводятся в течение двух лет в удобной сессионной форме семинаров и тренингов 2–3 дня в месяц по выходным. По окончанию программы студентам выдаются сертификаты о повышении квалификации **государственного образца**, и они получают возможность дальнейшего профессионального развития в юнгианской школе.

МААП участвует в организации российских и международных конференций, реализует различные гуманитарные и издательские проекты, сотрудничает с другими мировыми юнгианскими институтами. Преподаватели МААП имеют большой опыт выездных семинаров и учебных программ в других городах России и ближнего зарубежья.

ПРОЕКТ КАСТАЛИЯ — УНИКАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ СО МНОЖЕСТВОМ ГРАНЕЙ:

- Ежемесячно обновляемый эксклюзивными переводами сайт WWW.CASTALIA.RU

- Еженедельно собирающийся КЛУБ КАСТАЛИЯ, где читаются лекции о самых разных эзотерических и психологических традициях

- ШКОЛА КАСТАЛИЯ, регулярно проводящая открытые обучающие лекции и семинары

МЫ БУДЕМ РАДЫ ОБЩЕНИЮ СО ВСЕМИ ЗАИНТЕРЕСОВАВШИМИСЯ ЛЮДЬМИ!